

A $\frac{237}{425}$

А 237
425
КУРОПАТКИНЪ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ

В. А.

ИЗДАНИЕ 2-Е, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 76

1908.

О КНИГѢ В. А.—„КУРОПАТКИНЪ.“

„...Авторъ этой книжки, какъ офиціальнѣйшій корреспондентъ офиціальной газеты, былъ поставленъ въ довольно благопріятныя условія относительно свѣдѣній о ходѣ событій и о характерѣ дѣйствующихъ лицъ: онъ былъ близокъ къ главной квартирѣ и къ сотрудникамъ ген. Куропаткина, такъ что могъ получать свѣдѣнія о немъ отъ близкихъ къ нему лицъ, такъ сказать, изъ первоисточника“.

„...Характеристика Куропаткина, сдѣланная г. В. А., хотя и иѣсколько односторонняя, но написанная живо, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, будетъ имѣть свою цѣнность для будущаго историка. Авторъ начинаетъ съ назначенія Куропаткина командующимъ арміей и съ сформированія имъ громаднаго штаба, затѣмъ переходитъ къ прибытію Куропаткина къ арміи, описываетъ отношенія его къ войскамъ и къ командующему персоналу, указываетъ на тотчасъ же возникшія разногласія между намѣстникомъ и командующимъ арміею, описываетъ роль Куропаткина въ бояхъ подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Дашичао, Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ. Въ особенности ярко рисуетъ авторъ настроеніе войскъ подъ Ляояномъ... „Оно создавало атмосферу героизма, стремленія къ самоотверженію, и одно воспоминаніе о пережитыхъ дняхъ вызываетъ непривычное волненіе, смѣшанное съ негодованіемъ противъ тѣхъ, которые ничего этого не видѣли и не слышали...“

„...Вообще брошюра написана живо, хорошимъ литературнымъ языкомъ и картинно и правдиво рисуетъ нѣкоторые эпизоды войны...“

(Н. Л. „Историческій Вѣстникъ“, февраль, 1907 г.)

„Небольшая, скромно изданная брошюра, но полная захватывающаго интереса. Авторъ съ большимъ талантомъ изобразилъ въ своихъ манчжурскихъ воспоминаніяхъ эту печальную, жалкую и самонадѣянную фигуру несчастнаго полководца, такъ долго привлекавшаго вниманіе всего культурнаго міра. Когда авторъ, въ качествѣ офиціального корреспондента, представлялся Куропаткину въ

Ст. 3-ю стр. обложки.

237
425

КУРОПАТКИНЪ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ

В. А.

ИЗДАНИЕ 2-Е, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

2007099581

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Предисловіе ко 2-му изданію	III
Предисловіе къ 1-му изданію	V
I. Назначеніе и отъѣздъ къ арміи	1
II. Планъ войны	7
III. Импровизація штаба и команднаго состава	19
IV. Тюренченъ	33
V. Отношеніе къ Мукденскому штабу	46
VI. Вафангоу	53
VII. Отношеніе къ войскамъ	68
VIII. Дашичао	90
IX. Хайченъ	99
X. Ляоянъ.—Побѣда	104
XI. Ляоянъ.—Отступленіе	132
XII. Шахэ	154
XIII. Назначеніе главнокомандующимъ	174
XIV. Бездѣйствіе	187

Предисловіе ко 2-му изданію.

Первое изданіе этой книги разошлось въ полгода. Выпуская въ свѣтъ это, второе, я ничего не беру въ немъ назадъ изъ того, что сказалъ ранѣе о Куропаткинѣ,—я только дополняю его. Матеріалами для дополненія послужили мнѣ прежде всего мои же записныя книжки, не вполнѣ использованныя ранѣе,—не вполнѣ использованныя и теперь, такъ какъ до сихъ поръ у меня не поднимается рука предать огласкѣ нѣкоторыя факты, въ достовѣрности которыхъ я тѣмъ не менѣе убѣжденъ; затѣмъ — сообщенія моихъ читателей. Принося послѣднимъ свою признательность, оговариваюсь, что, желая сохранить своему труду, характеръ личныхъ воспоминаній о пережитомъ, видѣнномъ и слышанномъ,—характеръ личнаго, хотя и субъективнаго, но вполнѣ безпристрастнаго взгляда на личность Куропаткина, какъ полководца,—а только о ней я и говорю,—я счелъ возможнымъ воспользоваться изъ присланнаго мнѣ только документами, удостовѣрившими то, что ранѣе казалось мнѣ недостовѣрнымъ, основаннымъ лишь на слухахъ.

Сохраняя моей книгѣ попрежнему характеръ личныхъ воспоминаній, я оставляю, конечно, поводъ новымъ рецензентамъ ея обвинять меня въ „субъективности“. Но я прошу ихъ не смѣшивать

ея съ пристрастіемъ, что сдѣлали нѣкоторые. Субъективность составляетъ природу воспріятія каждымъ человѣкомъ каждаго впечатлѣнія и наблюденія, для пристрастія же—у меня нѣтъ иной почвы, кромѣ той, которая должна быть у каждаго изъ насъ, русскихъ,—это чувства обиды и возмущенія противъ того, кого полковникъ Гедке, извѣстный нѣмецкій военный писатель и очевидецъ событій минувшей войны (онъ былъ военнымъ корреспондентомъ при нашей арміи отъ берлинской газеты „*Berliner Tageblatt*“), противопоставляя Ип. Карно, мѣтко называя организаторомъ не побѣдъ, а пораженій. Этимъ чувствомъ, признаюсь, окрашены мои воспоминанія, а стало быть и многія страницы моей книги.

Законно ли оно, справедливо ли оно, отвѣчаетъ ли оно фактической сторонѣ дѣла,—пусть судятъ сомнѣвающіеся въ томъ по тѣмъ эпиграфамъ, которые я взялъ для многихъ главъ моей книги изъ завѣтовъ великихъ учителей войны и созидателей нашей славы—Суворова и Скобелева, и сужденій о Куропаткинѣ стороннихъ и авторитетныхъ наблюдателей его дѣятельности.

Я же не сомнѣваюсь, что доброе имя нашей арміи намъ всѣмъ, конечно, дороже репутаціи одного человѣка, въ особенности когда ее хотятъ спасти за счетъ многострадальныхъ, доблестныхъ войскъ.

В. А.

25 іюня-1907 г.
С.-Петербургъ.

Предисловіе къ I-му изданію.

Представляясь 2-го іюня 1904 г. въ Ляоянѣ командующему маньчжурской арміей, генералъ-адъютанту Куропаткину, въ качествѣ оффиціального корреспондента, я удостоился слѣдующихъ словъ:—„Радъ и васъ видѣть здѣсь. Пишите правду, всю правду и только правду“. Однако, условія, въ которыхъ находилась печать на войнѣ, были таковы, что осуществить это пожеланіе, да еще на страницахъ оффиціального изданія было рѣшительно невозможно. Военная цензура смотрѣла на представителей печати въ арміи, какъ на какихъ-то внутреннихъ враговъ ея. Боязнь, что наши сообщенія послужатъ только къ пользѣ противника, доходила до того, что одинъ изъ военныхъ цензоровъ предлагалъ намъ писать даже завѣдомую неправду, дабы вводить въ заблужденіе японцевъ. О русскомъ обществѣ онъ не беспокоился. Ему представлялось, по прежнему, заблуждаться и жить иллюзіями. Въ свою очередь редакція просила меня „не обнажать тѣ или другіе недостатки, грѣхи и промахи; — русская печать должна говорить о томъ, что было и есть, а все это говорить о мужествѣ и силѣ духа русской арміи“. Редакціей цѣнились только тѣ корреспонденціи, въ которыхъ рисовались геройскіе образы генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Нельзя не признать, конечно, за этими требованіями долю справедливости. Но въ то же время мучительно до боли было видѣть причины нашихъ неудачъ — и молчать о нихъ.

Теперь событія войны становятся уже достояніемъ исторіи. Образована уже военно-историческая комиссія, которая по документамъ расскажетъ, гдѣ какая часть стояла, куда шла и какъ сражалась. Но этого будетъ мало для назиданія потомства. Душа бойцовъ, душа вождей, проявляющаяся въ мелочахъ повседневной жизни и рѣдко, и трудно запечатлѣвающаяся въ документахъ, ускользнетъ, какъ всегда, отъ вниманія оффиціальныхъ историковъ. Я позволилъ себѣ собрать въ этой книгѣ все, что зналъ о человѣкѣ, который олицетворялъ душу, умъ и волю русской арміи въ эту несчастную войну съ Японіей. Судьба была ко мнѣ, какъ корреспонденту, благосклонна въ одномъ: она свела меня очень близко съ главнѣйшими сотрудниками генерала Куропаткина по командованію и управленію арміею, и я имѣлъ свѣдѣнія о немъ, такъ сказать, изъ первоисточника.

Оглашая ихъ теперь, черезъ два года послѣ событій, о которыхъ пишу, я имѣю цѣлью не развѣнчивать Куропаткина, уже развѣнчаннаго самими событіями войны, не возлагать на него одного отвѣтственность за печальный исходъ ея, а лишь освѣтить одинъ изъ крупныхъ факторовъ его и показать на конкретномъ примѣрѣ, какъ легко создается у насъ слѣпая вѣра въ таланты людей и какъ дорого оплачивается она народомъ въ моменты тяжелыхъ испытаній...

В. А.

17 октября 1906 г.
С.П.Б.

„Терпѣніє, терпѣніє, терпѣніє...“

I.

Назначеніе и отъѣздъ къ арміи.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздитъ на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари?..
(Державинъ о Суворовѣ).

Когда 27-го января 1904 года мы всѣ, офицеры петербургскаго гарнизона, собрались въ залахъ Зимняго Дворца къ Высочайшему выходу на молебствіе о дарованіи намъ побѣды въ столь неожиданно вспыхнувшей войнѣ съ Японіей, имя Куропаткина было у всѣхъ на устахъ. Въ большой Государевой свитѣ онъ привлекалъ особое вниманіе. Онъ шелъ своей обычной тяжелой походкой, пасмурный, съ опущенной внизъ головой. Въ толпѣ говорили, что сегодня утромъ, когда стали извѣстны въ Петербургѣ событія роковой портъ-артурской ночи, онъ представилъ Государю списокъ лицъ, которымъ могло быть ввѣрено главное начальствованіе нашими военными силами въ войнѣ съ Японіей. Говорили, что въ этомъ спискѣ свое имя онъ поставилъ послѣднимъ. И когда стало извѣстно, что главнокомандующимъ назначенъ адмиралъ Алек-

сѣевъ, замѣтно было нѣкоторое разочарованіе и сожалѣніе, что Куропаткинъ, пожалуй, будетъ не у дѣлъ въ этой войнѣ.

Его боевая репутація стояла очень высоко, гораздо выше репутаціи военнаго министра—военнаго администратора. Въ той порывистости, съ которою, будучи на этомъ посту, онъ переходилъ отъ одного вопроса къ другому, въ той массѣ работы, которую онъ задавалъ главнымъ управленіямъ военнаго министерства, требуя отъ нихъ обширныхъ справокъ то по одному вопросу, то по другому, при чемъ первая оказывалась уже излишней, такъ какъ мысль его была обращена къ другому предмету,—видѣли не только большое трудолюбіе и энергію, но и порывъ къ живому ратному дѣлу—въ полѣ, а не въ канцеляріяхъ. Говорили, что онъ тяготился этимъ канцелярскимъ дѣломъ, неоднократно просилъ уволить его съ поста военнаго министра и дать ему возможность разработать планъ войны, которая угрожала Россіи не далѣе, будто бы, по его словамъ, какъ черезъ пять лѣтъ. И всѣ вѣрили, что онъ сдѣлаетъ это превосходно. За нимъ былъ длинный рядъ туркестанскихъ походовъ, былъ опытъ русско-турецкой войны и ахаль-текинской экспедиціи, добытый имъ подъ руководствомъ такого мастера войны, какъ незабвенный М. Д. Скобелевъ. Облитый лучами скобелевской славы, онъ казался намъ всѣмъ и наслѣдникомъ скобелевскихъ талантовъ—вести войну рѣшительно, настойчиво и смѣло,—и скобелевскаго умѣнья владѣть людьми—вдохновлять ихъ, бросать ихъ безъ отказа на смерть.

Большіе Курскіе манервы 1902 г., разыгранные

Куропаткинымъ въ качествѣ командующаго Южной арміей такъ блистательно и побѣдоносно въ отношеніи арміи Московской, укрѣпили еще болѣе это мнѣніе. Пишущему эти строки пришлось быть на курскихъ маневрахъ въ той же роли оффиціального военнаго корреспондента, въ какой онъ отбылъ русско-японскую войну, и вмѣстѣ съ Московской арміей испытать всѣ неудачи послѣдней. Вмѣстѣ съ большинствомъ офицеровъ этой арміи восхищался онъ планами Куропаткина, энергіей, съ которою велся имъ маневръ, и той вѣрностью глаза, съ которою онъ соображалъ и наносилъ намъ удары въ наиболѣе чувствительныя мѣста. Помню, какъ энергично, какъ быстро велась имъ атака въ сраженіи подъ Костровной, закончившимъ маневръ. Какъ быстро мы, штабъ Московской арміи, должны были разсыпаться съ пригорка, съ котораго наблюдали за ходомъ боя и который оказался, неожиданно для насъ, центромъ стремленія атакующаго. А когда по окончаніи маневра мы стали обмѣниваться впечатлѣніями, мы заслушались не мало разсказовъ о той простотѣ, съ которою жилъ Куропаткинъ на маневрахъ, о томъ неустанномъ трудѣ, который онъ несъ, подавая примѣръ всему штабу. И вотъ когда 8-го февраля 1904 года послѣдовало назначеніе Куропаткина командующимъ Манчжурской арміей, всѣ почувствовали какое-то удовлетвореніе и большую увѣренность въ успѣшномъ исходѣ войны. Нѣкоторые даже видѣли подвигъ гражданскаго мужества въ томъ, что Куропаткинъ такъ легко, такъ, казалось, охотно промѣнялъ сравнительно спокойный и почетный постъ военнаго

министра на трудную, отвѣтственную, полную заботу и волненій, роль командующаго арміей.

— Даже не главнокомандующаго!—воскликали поклонники генерала Куропаткина, подчеркивая его скромность, его готовность забыть себя для пользы родины.

И только М. И. Драгомировъ саркастически, говорятъ, улыбался и спрашивалъ:—„А кто же будетъ при немъ Скобелевымъ?“

Это было по драгомировски зло, остроумно... и, какъ оказалось, вѣрно.

Должно быть, сопутствуя Куропаткину на Курскихъ маневрахъ, онъ изучилъ его характеръ, и, быть можетъ, самый успѣхъ Южной арміи на этихъ маневрахъ долженъ быть отнесенъ къ заслугамъ Драгомирова, какъ по части боевой подготовки войскъ, на маневрахъ обнаруженной, такъ и по части выполненія самого маневра.

Помню, еще тогда говорили, что хитрый Михаилъ Ивановичъ, хотя и не руководить воспитанными имъ войсками Кіевскаго округа, но не спускаетъ съ нихъ глазъ, чтобы предотвратить какой-нибудь промахъ и показать какъ говорится, товаръ лицомъ.

Тутъ, на этихъ маневрахъ, Драгомировъ, этотъ отличный психологъ, вѣроятно, и подмѣтилъ, что Куропаткинъ по прежнему годится въ начальники штаба, но что для роли полководца въ немъ нѣтъ таланта, нѣтъ вдохновенія, нѣтъ священнаго огня, который полководцу нуженъ такъ же, какъ поэту, художнику и музыканту.

Драгомировскій вопросъ пробилъ первую брешь

въ стѣнѣ слѣпого довѣрія къ Куропаткину, выросшаго на почвѣ военнаго бюрократизма и несвободной печати. Стали припоминать, будто Скобелевъ говорилъ Куропаткину, что онъ возьметъ на себя непосильное бремя, если соблазнится когда-нибудь командовать арміей.

Генералу Куропаткину надлежало на это отвѣтить прежде всего быстрымъ и скромнымъ отъѣздомъ къ арміи, какъ это сдѣлалъ покойный адмиралъ Макаровъ.

Вмѣсто этого онъ принималъ одну за другою депутаціи со стягами и иконами, посѣщалъ прощальные обѣды, выслушивалъ прощальныя рѣчи и, прося у всѣхъ „терпѣнія, терпѣнія и терпѣнія“, только 28 февраля отбылъ изъ Москвы на Дальній Востокъ, куда и прибылъ въ половинѣ марта.

И такъ, на прощаніе и пріемы депутацій было потеряно командующимъ арміей три недѣли. Что онѣ могли ему пригодиться тамъ, мы это увидимъ скоро. Въ отвѣтъ на недоумѣнные вопросы объ этой медленности отъѣзда командующаго къ арміи, защитники Куропаткина говорили въ его оправданіе, что пока ему тамъ и дѣлать нечего, что тамъ такъ мало войскъ, что съ ними все-равно ничего не предпримешь, что въ ожиданіи подвоза частей онъ только даромъ изнервничается.

Несомнѣнно, что у Куропаткина могло найтись дѣло и въ Петербургѣ; надо было о многомъ условиться со своимъ преемникомъ. Но несомнѣнно также, что поздно уже было готовиться къ войнѣ, поздно было и учиться военному дѣлу. А между тѣмъ за достовѣрное передаютъ, что съ пути, от-

куда-то, кажется, изъ Самары, Куропаткинъ потребовалъ выслать ему экстренно курсъ стратегіи генерала Михневича и сочиненіе австрійскаго фельд-маршала Куна—„О горной войнѣ“. Книги ему выслали, но какая въ нихъ была польза, когда у насъ не было картъ горъ Манчжуріи и Кореи?!

II.

Планъ войны.

— „Неужели вы не имѣете своего опредѣленнаго плана?—говорилъ Тугутъ Суворову.

— Плана? возразилъ Суворовъ,—а вотъ мой планъ!“ И онъ развернулъ бланкетъ императора Павла.
(„Исторія Суворова“, Полевого)

„Однажды пришли 4 члена гофкригсрата и подали Суворову письменный планъ наступательныхъ дѣйствій до р. Адды, прося сдѣлать въ немъ какія угодно исправленія и дополненія.

Фельдмаршалъ зачеркнулъ всю записку и написалъ: „Я начну дѣйствія переходомъ черезъ Адду, а кончу кампанію, гдѣ Богу угодно будетъ“.

(«Суворовъ», Н. Орлова.).

Естественно возникаетъ вопросъ: съ чѣмъ же ѣхалъ Куропаткинъ на войну? Былъ ли у него планъ войны?

Объ этомъ планѣ еще въ Мукденѣ ходили странные, темные слухи, до такой степени казавшіеся намъ всѣмъ наивными и смѣшными по существу ихъ, что, зная склонность мукденскаго штаба къ насмѣшкѣ надъ Куропаткинымъ, не хотѣлось, нельзя было въ нихъ вѣрить. Къ тому же событія, наконецъ, дѣйствія самаго Куропаткина шли напере-

коръ имъ, опровергали тотъ планъ, что ему приписывали.

Потомъ, уже въ Петербургѣ, отъ лицъ, по своему высокому положенію заслуживающихъ полного довѣрія, я слышалъ то же самое, о чемъ говорили въ Муқденѣ... Но и тутъ я не вѣрилъ, не хотѣлъ еще вѣрить. И вотъ только теперь, увидавъ этотъ „планъ“ своими глазами, я позволяю себѣ о немъ говорить. Теперь это уже не „секретъ“, а любопытный, очень характерный военно-историческій документъ.

Прошу извинить за большія цитаты и при томъ изъ наименѣе существенной ея части, но изъ нихъ читатель ясно увидитъ, какъ несущественное преобладало въ немъ надъ существеннымъ, какъ мало въ немъ глубины, самостоятельности и оригинальности мысли и какъ много трюизмовъ,—и пойметъ характеръ нашего полководца.

„Вдумываясь въ сложную и трудную обстановку, при которой придется на Дальнемъ Востокѣ сосредоточиваться и дѣйствовать нашимъ войскамъ, мнѣ представляется, писалъ Куропаткинъ 2-го февраля 1904 года въ особой запискѣ,—что въ первый періодъ кампаніи мы должны главною цѣлью своихъ дѣйствій поставить не допустить разбить наши войска по частямъ. Никакія мѣстности (кромя крѣпостей) не должны имѣть такое значеніе, чтобы отстаивая ихъ (съ недостаточными силами), мы могли доставить противнику побѣду надъ головными частями нашихъ войскъ. Постепенно усиливаясь и подготавливаясь къ переходу въ наступленіе, мы должны совершить таковой съ достаточными силами и

при томъ снабженными всѣмъ необходимымъ для непрерывнаго наступленія въ теченіе довольно продолжительнаго времени.

„Противникъ будетъ превосходить насъ въ особенности въ артиллеріи. Надо возможно парализовать эту его силу, не подставляя прежде всего разстрѣлу нашу малочисленную въ первое время артиллерію. Надо лучше маскировать ее и даже, быть можетъ, выгодно будетъ разбрасывать ее небольшими, хорошо маскированными батареями отъ 2-хъ орудій. Этимъ мы можемъ избѣжать состязанія съ общихъ огромныхъ по протяженію артиллерійскихъ позицій въ тѣхъ случаяхъ, когда противникъ можетъ выставить противъ насъ подавляющее число орудій. Очень и очень надо беречь снаряды.

„Наша отличная пѣхота должна возможно лучше пользоваться мѣстностью. Мы все еще имѣемъ склонность двигаться вблизи противника въ густыхъ колоннахъ и развертываться въ слишкомъ близкомъ отъ противника разстояніи. Опасаюсь и слишкомъ неразумныхъ наступленій. Мы къ этому склонны.

„При оборонѣ не надо жалѣть усилій, чтобы создать нѣсколько дѣйствительно опорныхъ пунктовъ. Проволоки имѣется большой запасъ. Надо не забывать ее. Саперы будутъ приданы войскамъ въ достаточномъ числѣ. Японцы очень склонны къ обходамъ. Весьма вѣроятно, что тактически мы во многихъ случаяхъ одержимъ успѣхъ, но стратегически будемъ вынуждены къ отступленію. Надо умѣть отступать во время и во время, переходомъ въ наступленіе, наказывать зарвавшагося въ преслѣдованіи противника.

„При наступательныхъ дѣйствіяхъ намъ придется встрѣчаться съ необходимостью брать укрѣпленные пункты, укрѣпленныя позиціи. Надо намъ не повторять при этомъ ошибокъ, сдѣланныхъ подѣ Плевною, Горнымъ Дубнякомъ. Надо готовиться преодолевать мѣстныя преграды. Надо, если позиція сильно укрѣплена, подходить къ этой позиціи дѣлать съ большой осторожностью, изучать ее; занявъ ближайшіе къ позиціи пункты, укрѣпить ихъ. Пользоваться и темнотою не только для подхода, но и для атаки. Начавъ атаку, надо доводить ее до конца, какихъ бы она жертвъ не потребовала. Не мѣшаетъ имѣть команды саперъ и охотниковъ впереди штурмующихъ колоннъ. Не забывать подготовку атаки огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ...

„Въ конницѣ мы будемъ имѣть могущественное средство знать все о противникѣ, скрывать отъ него наши силы и ихъ передвиженія, томить противника днемъ и ночью. Послѣ совмѣстнаго съ другими родами оружія боя конница дастъ средство для преслѣдованія. Но дабы эти цѣли были достигнуты, надо беречь конницу, не дробить ее на мелкія части. Упорно поддерживать возможно сильный составъ въ сотняхъ. Не мотать конницу по пустякамъ. Не считать, что казакъ и казачья лошадь могутъ работать безъ отдыха и безъ пищи.

„Надо имѣть конницу какъ корпусную, такъ и армейскую. Получивъ рѣшительный верхъ надъ конницею противника, мы должны отравить существованіе японскихъ войскъ, окружить ихъ, лишать подвозовъ, рубить одиночныхъ людей, уничтожать команды, транспорты, непрерывно тревожить войска

ночью. Тактика должна быть та же, что и въ 1812 г. Во всѣхъ удобныхъ случаяхъ надо атаковать и рубить японскіе эскадроны. Надо помнить, что превосходство надъ конницею японцевъ надо будетъ купить прежде всего побѣдою надъ этою конницею. Конскій составъ японской конницы болѣе крупный (частью полукровный), чѣмъ у нашихъ казаковъ. Японскій эскадронъ при этомъ преслѣдованіи догонитъ нашу сотню, но кони японцевъ, если ихъ лишитъ правильнаго корма и отдыха, скоро обезсилить.

„Когда духъ японцевъ будетъ подорванъ, желательно дать большое развитіе ночнымъ дѣйствіямъ. Какъ южане и азіаты, они должны стать склонны къ паникѣ. Съ марта мѣсяца начнется распутица въ Южн. Манчжуріи. Наступленіе и особенно отступленіе войскъ, на примѣръ, къ раіону р. Ялу, станетъ весьма затруднительно. Безпорядочное отступленіе послѣ ночного боя можетъ обратиться въ катастрофу. Необходимо однако помнить, что ночью даже отличныя и боевыя войска склонны къ паникѣ. Дѣйствія ночью предпочтительно вести только небольшими силами. Надо помнить и то, что японцы доказали способность къ упорному бою ночью, какъ въ Японско-Китайской войнѣ такъ и въ 1900 году подъ Тянь-цзиномъ и Пекиномъ. Надо и намъ опасаться ночныхъ нападеній со стороны японцевъ. Хотя и вѣроломная, но трудная атака миноносцевъ въ П.-Артурѣ свидѣтельствуетъ, что на морѣ японцы хорошо знаютъ: куда и какъ надо бить“.

Эти ординарныя тактическія соображенія занимаютъ семь пунктовъ записки изъ четырнадцати.

Восьмой пунктъ, наиболѣе обширный, посвященъ инженерной подготовкѣ театра войны.

Признавая ее „крайне необходимой“, Куропаткинъ кромѣ укрѣпленія переваловъ въ Феншуй-линскомъ хребтѣ, полагаетъ нужнымъ сильно укрѣпить еще позиціи у Хайчена и Ляояна и особенно предъ Телинскимъ дефиле, которое его почему-то „очень тревожить...“ и „для парирования невыгодныхъ сторонъ котораго надо принять особо энергичныя мѣры“. Ляо-хе должно было составить оборонительную линію съ Запада... Затѣмъ идутъ соображенія относительно Синминтина, Инкоу, Сунгари и Харбина...

Итакъ взглядъ Куропаткина прежде всего обращенъ назадъ, на свой тылъ, а не впередъ, на Ялу. Не смотря на то, что въ этотъ самый ранній періодъ кампаніи, эта рѣка была вполне въ нашихъ рукахъ и за нею уже дѣйствовалъ въ Корей передовой конный отрядъ генерала Мищенко, Куропаткинъ говоритъ объ Ялу въ какой-то странной, условной формѣ.

„...Рѣка Ялу, пишетъ онъ, съ захватомъ въ наши руки должна быть обработана, дабы служить оборонительною линіею и перестать быть преградою для вторженія въ Корею...“.

Но она и не была ею. Мищенко былъ уже, повторяю, въ Корей, и Манчжурской арміи, пожалуй, надлежало только слѣдовать за нимъ, сбрасывая въ море части высаживавшейся на материкъ японской арміи. Но Куропаткина, видимо, пугало, что „со вторженіемъ въ Корею намъ придется брать нѣсколько укрѣпленныхъ позицій. Повидимому,

писалъ онъ, есть сильная позиція къ западу отъ г. Анъяжоу на р. Чинъ-чинъ (на половинѣ пути между Ялу и Пенъяномъ).“

Это „повидимому,“ свидѣтельствуя о степени освѣдомленности Куропаткина, очень характерно. Уже теперь его начинаютъ тревожить призраки преградъ, обходовъ, вообще трудностей войны, риска ея операций.... Уже теперь онъ отступаетъ передъ ними, предъ однимъ предположеніемъ о наличности сильной позиціи, не зная, укрѣплена ли она, занята ли она непріателемъ. Теперь мы уже знаемъ, что отрядъ генерала Мищенко дважды свободно прошелъ эту мѣстность. Генералъ Куропаткинъ могъ тогда же разсѣять свои сомнѣнія, если бы вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, послѣдовавшимъ черезъ шесть дней послѣ подачи цитируемой нами записки, онъ отправился къ арміи, на Ялу... Тамъ, на мѣстѣ, быть можетъ, многое, что ему въ Петербургѣ казалось рискованнымъ и труднымъ, явилось бы легкимъ и возможнымъ. Тамъ онъ имѣлъ бы мѣсто съ дѣйствительностью, а не съ гипотезами, которыя подсказывало слишкомъ пристальное разглядываніе карты. Но онъ желалъ казаться глубокомысленнымъ, вдумчивымъ, все предусматривающимъ человекомъ.

„Главная позиція японцевъ, пишетъ онъ, будетъ, вѣроятно, на линіи Пенъянъ-Гензанъ. Перешеекъ въ 160 верстъ можетъ быть защищаемъ 300 тысячной арміей. Если къ тому (какому?) времени нашъ флотъ не возьметъ верхъ, то задача для насъ будетъ тяжелая....“

Но если до войны еще можно было базировать свои соображенія о ней на господствѣ нашего флота

предъ японскимъ на морѣ, то послѣ внезапной атаки японскихъ миноносцевъ на нашу портъ-артурскую эскадру,—атаки, выведшей изъ ея строя три корабля и несомнѣнно поколебавшей духъ эскадры, на это можно было еще менѣе рассчитывать... Но Куропаткинъ вводитъ эту данную въ свои соображенія единственно изъ расчета усугубить впечатлѣніе отъ предстоящихъ трудностей войны, единственно для оправданія той нерѣшительности, той, скажемъ, робости, съ которою онъ поведетъ военныя дѣйствія. Онъ прикрываетъ ими отсутствіе въ немъ смѣлости и энергіи. Поэтому то онъ такъ охотно говоритъ о мелочахъ, о деталяхъ: о необходимости прокладывать пути грунтовые и узко-колейные желѣзные, о томъ, что „пontonныя средства потребуются въ очень многочисленныхъ случаяхъ“; что „работа телеграфовъ будетъ очень затруднена мѣстностью“; что „шанцевый инструментъ желательнo попопнлять и мѣстнымъ“; что „надо имѣть большіе запасы проволоки и минъ“,—словомъ, говоритъ „тѣмъ низкихъ истинъ“... Она, очевидно, дороже ему „насъ возвышающаго обмана“...

Ту же „тѣмъ низкихъ истинъ“ находимъ мы въ девятомъ отдѣлѣ записки, посвященномъ продовольственному вопросу. Онъ не обширенъ—и тѣмъ рѣзче выступаютъ въ немъ соображенія, что „очень важно готовить огромные запасы фуража, дабы можно было обильно питать многочисленный конскій составъ арміи. Придется приучать лошадей къ мѣстному фуражу“, глубокомысленно замѣчаетъ авторъ записки.—„Необходимо принять энергичныя мѣры, дабы имѣть запасы топлива для приготовления пищи

и къ зимѣ для отопленія. Иначе будутъ разбирать жилища и озлоблять населеніе. Надо начать готовить запасы дровъ по магистрали теперь же. При тѣхъ массахъ, кои соберутся на одномъ театрѣ дѣйствій, будутъ встрѣчены большія затрудненія въ довольствіи мясомъ. Надо широко организовать закупку скота въ Монголіи и содержаніе въ готовности огромныхъ табуновъ убойнаго скота. Надо готовить соль. Главное надо обезпечить посѣвы для урожая сего года.“ *)

Вотъ и все о продовольствіи. Затѣмъ слѣдуютъ соображенія объ эвакуаціи больныхъ и раненыхъ (отдѣлъ десятый). Здѣсь интересно неосуществившееся соображеніе Куропаткина, что „вывозить ихъ въ Европейскую Россію и даже Западную Сибирь не слѣдуетъ, да и будетъ крайне затруднительно. Необходимо поэтому широко воспользоваться р. Сунгари, чтобы вывозить больныхъ и раненыхъ въ Хабаровскъ....“ А далѣе опять „тъма низкихъ истинъ“:—„для лѣта надо больше шатровъ, палатокъ, бараконъ; очень жаль занимать войсковыя казармы. Ихъ заражать.... Надо принимать мѣры, чтобы не захватила насъ холера и чума. Необходимо самая усиленная помощь Краснаго Креста, но организованная лучше, чѣмъ это было въ войну 1877—78 гг. (дешевле). Надо теперь же начать строить барачныя помѣщенія для больныхъ на 20.000 человѣкъ.“ Общее же число раненыхъ и больныхъ ген. Куропаткинъ исчислялъ въ 10% наличнаго состава, т. е. свыше 30.000 человѣкъ.

*) Ген. Куропаткинъ полагалъ это сдѣлать выдачею населенію задатковъ подъ урожай.

Что касается комунникаціи, то ей посвященъ отдѣлъ двѣнадцатый, изложенный буквально въ нѣсколькихъ строкахъ:—„Главная связь съ Европейской Россіей,—это желѣзная дорога. Надо ее непрерывно и самымъ энергичнымъ образомъ охранять и усиливать даже въ періодъ военныхъ дѣйствій. Намъ нельзя обойтись безъ семи паръ сквозныхъ воинскихъ поѣздовъ на всемъ пути до Владивостока и 14 паръ по Южной вѣтви. Это должна быть наша главная забота. Особенно тревожно состояніе на линіи топлива. Скоро выйдетъ и успѣемъ ли заготовить вновь,—не знаю“.

Опасеніе это, какъ извѣстно, не оправдалось.

Интересны еще взгляды Куропаткина на отношеніе къ туземному населенію. (отдѣлъ одиннадцатый). Признавая очень важнымъ, чтобы китайцы не были къ намъ враждебны и видя для этого отличное средство въ уплатѣ наличными деньгами, и притомъ весьма быстро, за все забранное (продукты, топливо, перевозочныя средства) а также въ хорошемъ и справедливомъ обращеніи, Куропаткинъ заявляетъ, что „любви къ намъ не надо, но надо, чтобы насъ уважали и крѣпко боялись....“

Минуя, затѣмъ, отдѣлъ тринадцатый, содержащій въ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ выраженное соображеніе, не осуществившееся, какъ и многое другое изъ высказаннаго въ запискѣ,—объ одной вспомогательной операціи, мы приходимъ, наконецъ, къ заключительнымъ строкамъ ея, собственно и содержащимъ „планъ войны“ Куропаткина. Онъ „долженъ быть очень простой: 1) борьба флотовъ за главенство на морѣ; 2) десантъ со стороны

японцевъ и противодѣйствіе ему; 3) оборонительныя дѣйствія съ широкимъ развитіемъ партизанскихъ дѣйствій до сбора значительныхъ силъ; 4) переходъ въ наступленіе и вытѣсненіе японцевъ сперва изъ Маньчжуріи, а потомъ изъ Кореи и 5) десантъ въ Японію, разбитіе территоріальныхъ японскихъ войскъ, борьба съ народнымъ возстаніемъ, овладѣніе столицами...

Это, собственно говоря, не „планъ войны“, а схема событій ея, легко предугадывавшаяся каждымъ, — за исключеніемъ, конечно, 5-го пункта, который казался невѣроятнымъ при сознанной всѣми съ перваго же момента войны неподготовленности нашей къ ней. По крайней мѣрѣ, въ Мукденѣ, въ штабѣ намѣстника — главнокомандующаго, помню, такъ далеко не смотрѣли и говорили объ этомъ пунктѣ съ усмѣшкою, свидѣтельствовавшей о большей трезвости ума и проницательности относительно политическихъ и стратегическихъ послѣдствій столь рискованнаго шага.

Но если частныя цѣли войны были еще видны Куропаткину, то изъ записки не видно, ясны ли были для него средства ихъ достиженія. А вѣдь это главное; безъ нихъ все это пятиэтажное зданіе — лишь „воздушный замокъ“.

Да таковъ и есть по существу этотъ „простой“ планъ войны. Онъ поражаетъ прежде всего разобщенностью дѣйствій морскихъ и сухопутныхъ силъ: сперва сражается флотъ за главенство на морѣ, потомъ, когда эта борьба, очевидно, будетъ окончена начинаетъ сражаться армія. Но вѣдь если борьба на морѣ бу-

детъ закончена побѣдою нашего флота надъ японскимъ, то японцы не въ состояніи будутъ перевозить свои арміи на материкъ? Если же японскій флотъ будетъ господствовать на морѣ и подъ его прикрытіемъ будутъ перевозиться японскія арміи, то какъ наша армія будетъ противодѣйствовать десанту и гдѣ вообще она будетъ къ этому времени находиться? Вѣдь слѣдующимъ пунктомъ стоять „оборонительныя дѣйствія.. до сбора значительныхъ силъ“? Но какое же это противодѣйствіе высадкѣ обороною? Партизанскими дѣйствіями? Не говоря однако о томъ, что дѣйствія эти успѣшны только въ своей странѣ, что ихъ раіонъ—тылъ противника, едва ли можно понять, какъ ими можно противодѣйствовать высадкѣ?... О Портъ-Артурѣ же—ни слова.

Но главное отличіе Куропаткинскаго плана отъ суворовскаго въ томъ, что Суворовъ зналъ, гдѣ онъ начнетъ военныя дѣйствія и не зналъ, гдѣ ихъ кончитъ, Куропаткинъ же зналъ точно, гдѣ и чѣмъ онъ закончитъ войну, но не зналъ, гдѣ и какъ онъ ее начнетъ.

Оттого и результаты ихъ дѣйствій оказались столь несхожими!

III.

Импровизація штаба и команднаго состава.

„Организація не должна замѣняться импровизаціей.“

(*Старая академическая истина*).

„Одна изъ непонятныхъ странностей этой войны заключалась въ томъ, что на самыя отвѣтственные мѣста назначали людей, не обладавшихъ соотвѣтствующей подготовкой...“

Бар. Теттау.—„18 мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками“.

Импровизація, въ которой въ теченіе войны такъ много винули генерала Куропаткина, когда онъ формировалъ отряды изъ баталіоновъ разныхъ полковъ и ввѣрялъ надъ ними начальствованіе разнымъ лицамъ, совершенно незнакомымъ съ подчинявшимися имъ войсками, такъ что войска не знали своего начальника, начальникъ своихъ войскъ, а войска другъ друга,—началась еще въ Петербургѣ при формированіи штаба командующаго арміей.

Прежде всего онъ не призналъ возможнымъ оставить начальникомъ своего штаба то лицо, которое указывалось ему Положеніемъ о полевомъ управленіи войсками и которое уже исполняло эту долж-

ность у временно-командовавшего арміей генерала Линевича. Я говорю о генералѣ Холщевниковѣ. Почему? Будучи военнымъ министромъ и выбирая генерала Холщевникова на должность начальника штаба Приамурскаго военного округа, этого, во всякомъ случаѣ, вѣроятнаго театра войны, генераль Куропаткинъ, казалось бы, долженъ былъ при этомъ выборѣ руководствоваться прежде всего соображеніями пригодности этого генерала быть въ случаѣ войны начальникомъ штаба арміи.

И дѣйствительно, назначеніе генерала Холщевникова на этотъ постъ произошло при исключительныхъ условіяхъ. Вмѣсто трехъ, четырехъ кандидатовъ, представляемыхъ обычно командующему войсками округа для выбора на должность начальника штаба, генералу Гродекову, въ концѣ 1901 года, предложенъ былъ одинъ—Холщевниковъ, очевидно, какъ единственно отвѣчавшій требованіямъ времени и обстановки. Назначеніе состоялось—и Холщевниковъ, повидимому, оправдалъ исключительное довѣріе, ему оказанное. Прибывъ на Дальній Востокъ и убѣдишисъ, что въ дѣлахъ окружного штаба нѣтъ рѣшительно никакихъ соображеній на случай войны съ Японіей, возможность которой предвидѣлась однако еще со времени японо-китайской войны 1894—1895 г.г. и съ тѣхъ поръ только крѣпла, генераль Холщевниковъ тотчасъ принялся за разработку ихъ—и къ марту 1902 года мобилизаціонный планъ, можно сказать—первый планъ для войскъ Дальняго Востока—былъ составленъ, а въ маѣ того же года, по возвращеніи генерала Гродекова изъ Маньчжуріи, и введенъ въ дѣйствіе. Это была первая крупная

заслуга государственнаго значенія, оказанная генераломъ Холщевниковымъ *).

Затѣмъ, въ дополненіе къ мобилизаціонному плану и докладу общихъ основаній плана стратегическаго развертыванія, составлены были впервые планъ устройства въ тылу военныхъ сообщений Приамурскаго военнаго округа и планъ формированія военно-врачебныхъ заведеній военнаго времени и эвакуаціи больныхъ и раненыхъ.

Лѣтомъ того же 1902 года, подъ руководствомъ Холщевникова, произведена была первая поѣздка по Маньчжуріи офицеровъ генеральнаго штаба Приамурскаго военнаго округа, во время которой обслѣдованы пути наступленія противника, переправившагося черезъ Ялу въ районѣ Шахедзы, черезъ Фынхуанченъ къ Ляояну, намѣчены Феншуйлинская и Айсяндзянская позиціи, спроектирована оборона Ляояна и освѣщена возможность наступленія противника на Гиринъ, въ обходъ лѣваго фланга нашей арміи **).

Уже изъ этого легкаго абриса задачъ первой полевой поѣздки вы видите, что планъ дѣйствій японцевъ предугаданъ былъ генераломъ Холщевниковымъ вѣрно, а главное—вѣроятный театръ войны былъ имъ хорошо изученъ. Точно также предуга-

*) По этому плану стратегическаго развертыванія войскъ Приамурскаго военнаго округа и подхода подкрѣпленій къ нимъ, райономъ сосредоточенія опредѣлялся Хайченъ—Ляоянъ. Впослѣдствіи, когда изъ Маньчжуріи часть нашихъ войскъ, ее оккупировавшихъ, была выведена,—сосредоточеніе ихъ предположено было у Харбина, но затѣмъ,—снова у Ляояна—Хайчена.

**) Результатомъ поѣздки явился также впервые составленный краткій обзоръ восточно-азиатскаго театра военныхъ дѣйствій.

дано имъ было въ планѣ войны и бездѣйствіе флота, на содѣйствіе котораго Холщевниковъ не рассчитывалъ подобно Алексѣеву и Куропаткину.

Вмѣстѣ съ тѣмъ топографическому отдѣлу штаба округа дана была задача заполнить карту Южной Маньчжуріи преимущественно въ направленіи Ялу—Фынхуанченъ—Феншунлинъ—Ляоянъ. И въ мѣрѣ малыхъ силъ и средствъ это было сдѣлано. Между прочимъ, освѣтить на картѣ районъ сѣвернѣе Ляояна Холщевникову не удалось, такъ какъ Куропаткинъ, еще военный министръ, поставилъ ему на видъ, что „много съемочныхъ работъ исполнено по Ляодунскому полуострову и очень мало по тоже важному для Россіи пространству между магистралью Восточной Китайской желѣзной дороги и р. Амуромъ“. Такова была его прозорливость *).

Какъ видите, первоначальная подготовка наша къ войнѣ съ Японіей была выполнена Холщевниковымъ. И уже одно это казалось бы побуждало Куропаткина дорожить имъ, какъ человѣкомъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть первой черной работы, какъ человѣкомъ, находящимся въ курсѣ дѣлъ и знающимъ театръ войны.

И казалось Куропаткинъ оцѣнилъ все это. Посѣтивъ наканунѣ войны Дальній Востокъ и ознакомившись съ выполненными штабомъ округа за два года работами, онъ призналъ ихъ „большими“ и

*) Какъ мало цѣнило тогда наше воен. м-ство эту работу видно хотя бы изъ того, что изъ небольшого вообще числа топографовъ штаба округа, 6 или 7 человѣкъ отвлечено было работами для нуждъ Китайской Вост. жел. дороги.

заявилъ, что „дѣятельность окружнаго штаба, видимо, поставлена на твердую почву“.

Прибывъ къ арміи и принимая Холщевникова, какъ исп. долж. начальника ея штаба,—онъ сказалъ ему:

— Низко вамъ кланяюсь за все, что вы здѣсь сдѣлали. Я написалъ Государю, что нашелъ здѣсь все въ такомъ видѣ, что не только не нахожу нужнымъ что либо измѣнять, но буду лишь идти по тому же пути...

Но все это были только слова.

На вопросъ Холщевникова, чего ему слѣдуетъ ожидать, на какое назначеніе рассчитывать,—сдѣланный, очевидно, съ цѣлью узнать—быть ли ему и въпредъ начальникомъ штаба арміи, какъ это под-сказывалось положеніемъ о полевомъ управленіи войсками,—ген. Куропаткинъ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ ему дана директива выбрать себѣ въ начальники штаба или полнаго генерала, или стараго генералъ-лейтенанта, такъ какъ во главѣ корпусовъ также стоятъ старые генералы.

— Дорогой мой, сказалъ Куропаткинъ Холщевникову, вапа бѣда въ томъ, что вы молоды. Но я васъ назначаю начальникомъ восточнаго отряда, т. е. командиромъ корпуса. Довольны ли вы этимъ?

Холщевниковъ отвѣтилъ, что и этимъ доволенъ. Заготовленъ былъ проектъ приказа объ этомъ назначеніи, но проходили дни, приказъ не подписывался, разговоръ не возобновлялся, а когда намѣстникъ проѣхалъ въ апрѣлѣ изъ Артура въ Мукденъ, Холщевниковъ неожиданно получилъ предписаніе отправиться къ мѣсту своего постоянного служенія,—

въ Хабаровскѣ. Оттуда онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и, такимъ образомъ, его знакомство съ театромъ войны, какъ, бывшаго начальника штаба, осталось неиспользованнымъ.

Начальникомъ штаба арміи былъ избранъ вмѣсто него ген.-лейт. Вл. Викт. Сахаровъ, командовавшій передъ этимъ 4-й кавалерійской дивизіей въ Бѣлостокѣ и назначенный передъ самой войной командиромъ 1-го сибирскаго корпуса. Командовать этимъ корпусомъ вызванъ былъ изъ Варшавы баронъ Штакельбергъ, хотя состояніе здоровье этого генерала и лишало его возможности обходиться на войнѣ безъ посторонней помощи, безъ особаго гигиеническаго режима и ѣздить верхомъ.

Избраніе ген. Сахарова состоялось еще въ Петербургѣ и почему то весьма долго хранилось въ такой тайнѣ, что о немъ не зналъ даже братъ Владиміра Викторовича, Викторъ Викторовичъ Сахаровъ, смѣнившій генерала Куропаткина на посту военного министра. Очевидно однако, что назначеніе это должно было, путемъ родственныхъ связей, обезпечить Куропаткину содѣйствіе въ Петербургѣ, такъ сказать, обезопасить его тылъ *).

Правда, Вл. Викт. Сахаровъ былъ знакомъ съ театромъ войны, такъ какъ въ 1900 году, во время усмиренія боксерскаго движенія въ Китаѣ командовалъ тамъ однимъ изъ отрядовъ. Но о томъ, въ какой мѣрѣ ген. Куропаткинъ использовалъ знанія

*) О томъ, въ какой мѣрѣ этотъ расчетъ оправдался, я пока не признаю удобнымъ говорить.

и способности и этого генерала, я скажу ниже, а теперь буду продолжать объ импровизаціи штаба.

Важная, отвѣтственная должность генераль-квартирмейстера штаба арміи была предложена генераломъ Куропаткинымъ прежде всего г.-м. А. А. Благовѣщенскому, который, въ порядкѣ прохожденія службы нашими офицерами генеральнаго штаба хотя и былъ въ это время генераль-квартирмейстеромъ Кіевскаго военнаго округа, но извѣстенъ былъ въ арміи, какъ знатокъ передвиженія войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, какъ составитель цѣннаго, въ практическомъ отношеніи, сборника законоположеній по этому предмету. Какъ добросовѣстный человѣкъ, А. А. Благовѣщенскій отказался отъ этого предложенія, откровенно признавшись, какъ это онъ и самъ мнѣ говорилъ, что совершенно не знакомъ съ театромъ предстоящей войны, что изученіе его потребуетъ много времени, много труда, а что теперь уже поздно учиться,—надо дѣйствовать.

Тогда этотъ постъ былъ предложенъ Куропаткинымъ начальнику военныхъ сообщеній Виленскаго военнаго округа г.-м. В. И. Харкевичу.

Генераль Харкевичъ, въ свою очередь, извѣстенъ въ военной литературѣ, какъ изслѣдователь войны 1812 года и, въ частности, какъ апологетъ Барклая-де-Толли, о которомъ онъ наканунѣ войны напечаталъ интересную статью въ „Военномъ Сборникѣ“.

Въ академіи генеральнаго штаба, съ легкой руки одного изъ ея профессоровъ, часто повторяется афо-

ризмъ: „Родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній.“ Это выраженіе стало ходячимъ, и генераль Куропаткинъ не могъ его не знать, а зная, не могъ не считаться съ тѣмъ, что выборъ на должность своего ближайшаго помощника по стратегической части лица, умственно воспитавшагося на барклаевскомъ планѣ терпѣнія и отступленія, предрѣшаетъ до нѣкоторой степени характеръ соображеній, которыя будутъ высказываться его генераль-квартирмейстеромъ, а стало-быть, и возможный характеръ нашихъ дѣйствій въ Манчжуріи. Событія, какъ извѣстно, это оправдали. Конечно, не апологетъ Барклая могъ быть „Скобелевымъ“ при Куропаткинѣ. Конечно, не онъ могъ вдохновлять командующаго арміей на смѣлый, рѣшительный образъ дѣйствій противъ смѣлаго и дерзкаго врага. Но, конечно, въ немъ скорѣе всего ген. Куропаткинъ могъ найти поддержку въ своихъ рѣшеніяхъ въ духѣ терпѣнія и осторожности. Несомнѣнно также и то, что театръ войны 1812 года былъ извѣстенъ ген. Харкевичу лучше Манчжурскаго театра.

Не будемъ однако удивляться тому, что ген. Харкевичъ это предложеніе принялъ, достойно скорѣе удивленія то, что ген. Куропаткинъ, получивъ отъ ген. Благовѣщенскаго отказъ, мотивированный несвоевременностью для генераль-квартирмейстера дѣйствующей арміи, изучать театръ уже начавшейся войны, предложилъ этотъ постъ снова лицу, съ этимъ театромъ не знакомому.

Но, можетъ быть, знатоку передвиженія войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, генералу Благовѣщенскому,

было предложено стать начальникомъ военныхъ сообщений арміи? Нѣтъ, его назначили дежурнымъ генераломъ, вѣдающимъ личный составъ арміи.

Начальникомъ военныхъ сообщений былъ назначенъ ген.-маіоръ Забѣлинъ, правда, нѣкогда служившій по передвиженію войскъ, но къ началу войны бывший помощникомъ начальника канцеляріи военного министерства.

Казалось бы, если уже генералъ Куропаткинъ желалъ сохранить при себѣ и на войнѣ своихъ сотрудниковъ мирнаго времени, то генералу Забѣлину, соприкасавшемуся во время его управленія военнымъ министерствомъ съ вопросами хозяйственными и финансовыми, надлежало скорѣе всего предложить мѣсто начальника канцеляріи штаба арміи. Однако, эту должность занялъ профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба по кафедрѣ тактики, полковникъ Даниловъ.

Начальникомъ санитарной части арміи избранъ былъ занимавшій должность кіевскаго губернатора ген.-лейт. Треповъ, по прежней своей службѣ кавалерійскій офицеръ.

Другой губернаторъ—екатеринославскій,—ген.-лейт. графъ Келлеръ, назначенный въ распоряженіе генерала Куропаткина, послѣ Тюрнченскаго боя назначенъ былъ имъ начальникомъ Восточнаго отряда.

При всей разносторонности дѣятельности нашихъ губернаторовъ, нельзя не признать, что она не даетъ подготовки для завѣдыванія санитарной частью на войнѣ, а продолжительная служба по граждан-

ской администраціи не увеличиваетъ опыта по управленію войсками въ бою.

Но въ арміи давно уже не было секретомъ, что для генерала Куропаткина наилучшимъ дипломомъ и гарантіей пригодности человѣка на всякое дѣло являлся „бѣлый крестикъ“, въ какихъ бы чинахъ и при какихъ бы обстоятельствахъ эта почетная награда не была получена.

Обладателю этого креста генераль Курепаткинъ прощалъ многое, если не все.

Припоминается отношеніе генерала Куропаткина, еще въ бытность его военнымъ министромъ, къ одному лицу, которое хотя и обладало „бѣлымъ крестикомъ“, но подлежало привлеченію къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго за злоупотребленія по хозяйственной части.

Лицо это пожелало принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ.

— Вашъ крестъ у меня на сердцѣ,—сказалъ ему генераль Куропаткинъ и,—„для необходимаго на войнѣ душевнаго равновѣсія“, выхлопоталъ этому лицу освобожденіе отъ привлеченія его къ слѣдствію.

Лицо его отправилось потомъ и на войну съ Японіей, хотя лѣта и комплекція не давали основаній ждать отъ него большой энергіи и подвижности подъ знойными лучами маньчжурскаго солнца.

Онъ ихъ и не проявилъ.

Уже на войнѣ обратился къ ген. Куропаткину съ просьбой о принятіи на службу въ армію другой генераль, уволенный въ отставку изъ командировъ полка—„не по своей охотѣ“.

— Надо принять: у него золотое оружіе.

И приняли;—а потомъ оказалось, что этого „героя“ разыскиваетъ судебный слѣдователь, и съ нимъ не знали, какъ поступить.

Точно также, только наличностью георгіевскаго креста объясняли въ арміи назначеніе послѣ Тюренченскаго боя начальникомъ 6-й вост.-сиб. стрѣлковой дивизіи г.-м. Романова, который заслужилъ свой крестъ, какъ саперный офицеръ, еще поручикомъ въ Русско-Турецкую войну за удачный взрывъ фугаса, и передъ войною былъ начальникомъ Электротехнической школы.

А между тѣмъ генералу В. Н. Данилову, служившему въ краѣ до войны и на войнѣ стяжавшему себѣ репутацію истиннаго героя, „кумира солдатъ“ и „генерала-отъ-наступленія“, въ командованіи какою-либо частью въ дѣйствующей арміи было отказано; онъ былъ отправленъ въ тылъ и только въ іюль 1904 г. принялъ отъ ген. Романова 6-ю дивизію, которую покрылъ славой, а себѣ заслужилъ георгіевскій крестъ.

Назначеніе начальникомъ восточнаго отряда, вмѣсто генерала Холщевникова, генерала Засулича можетъ быть также объяснено только гипнозомъ „бѣлаго креста“. Извѣстна печальная репутація этого генерала въ минувшую войну, начатая „паникой“ подъ Тюренченомъ и не отмѣченная ни однимъ проблескомъ таланта, энергіи, рѣшительности и даже личнаго мужества. Послѣ войны его не задержали на службѣ, хотя много еще такихъ же героевъ уцѣлѣло на ней. Очевидно и среди нихъ онъ оказался „выдающимся“. Но на войнѣ генералъ Куропаткинъ не

могъ почему то съ нимъ разстаться, какъ и съ генералами Штакельбергомъ, Дембовскимъ, Слущевскимъ, Левестамомъ и цѣлой плеядой другихъ, меньшихъ по своему положенію отрицательныхъ величинъ. Въ отношеніи ихъ принимались только палліативныя мѣры обезвреженія. Однихъ Куропаткинъ держалъ подъ непосредственной своей опекой, командуя за нихъ корпусами (Штакельбергъ—послѣ Вафангоу), другихъ оставлялъ безъ фактической власти, распредѣляя ввѣренныя имъ части по другимъ корпусамъ (5-й Сибирскій корпусъ—послѣ Ляояна и 1-й армейскій корпусъ въ послѣдній періодъ операціи на Шахѣ); третьимъ, наконецъ, онъ давалъ переэкзаменовки, испытывая ими долготерпѣніе арміи, платившей за нихъ лишнею кровью и новыми неудачами.

Такая „переэкзаменовка“ выпала между прочимъ и на долю генерала Ренненкампа. Будучи недоволенъ дѣйствіями его въ первый періодъ кампаніи, до Ляояна, Куропаткинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ написалъ ему весьма рѣзкое письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы онъ, оправдалъ наконецъ, свои георгіевскіе кресты, полученные въ 1900 году. Съ этою цѣлью ему ставилась новая отвѣтственная задача и для выполненія ея ему давался значительный отрядъ. Неуспѣхъ „переэкзаменовки“ долженъ былъ повлечь за собою отъѣздъ генерала Ренненкампа съ театра войны. Объ этомъ мнѣ говорило хорошо освѣдомленное лицо, имѣвшее въ своихъ рукахъ упомянутое выше письмо Куропаткина. Переэкзаменовка не удалась. Генераль Ренненкампфъ во время ея былъ раненъ въ ногу, и эта рана спасла его, хотя долго

еще послѣ того циркулировали въ штабѣ арміи слухи, что къ арміи онъ не вернется. Но онъ вернулся.

Эту систему „переекзаменовокъ“ нельзя не признать совершенно безнравственною. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, ставить исходъ той или другой операціи, а тѣмъ болѣе—важной, серьезной въ зависимость отъ лица, въ способностяхъ котораго возникаетъ сомнѣніе? Не значить ли это извращать ея смыслъ и значеніе, ставя цѣлью не столько достиженіе тѣхъ или другихъ результатовъ, потребныхъ въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, сколько „оправданіе“ репутаціи того или другого генерала?

Я не буду сейчасъ говорить объ остальныхъ лицахъ Куропаткинскаго штаба. Онъ былъ многочисленъ, въ его свитѣ было много титулованныхъ лицъ, было много сослуживцевъ Куропаткина по Скобелевскому штабу, много мелкихъ и крупныхъ сотрудниковъ по управленію военнымъ министерствомъ, но мало было людей, воспитанныхъ для тяжелой работы въ обстановкѣ войны, не было въ немъ представителей Арміи, и это обстоятельство было роковымъ въ томъ смыслѣ, что штабъ командующаго арміей, а чрезъ него и самъ ген. Куропаткинъ, не имѣли непосредственной, тѣсной связи съ войсками. Настроеніе послѣднихъ не сообщалось командующему арміей, и потому онъ не могъ черпать въ немъ поддержку въ недостававшихъ ему качествахъ рѣшимости и энергіи.

Изъ мѣстныхъ военныхъ дѣятелей въ составъ штаба вошли только интендантъ Приамурскаго округа ген. Губеръ—интендантомъ арміи и начальникъ ин-

женеровъ округа ген. Александровъ—инспекторомъ инженеровъ арміи, но послѣдній, съ прибытіемъ на театръ войны профессора инженерной академіи, ген. Величко, обращенъ былъ Куропаткинымъ въ простого прихода-расходчика шанцеваго инструмента, а на ген. Губера, добросовѣстнаго труженика, заботливаго о войскахъ интенданта, отлично знавшаго продовольственныя средства края, но чрезвычайно скромнаго челоуѣка, ген. Куропаткинъ продолжалъ смотрѣть какъ на того армейскаго капитана, который нѣкогда служилъ у него въ Закаспійской области. Этотъ взглядъ, конечно, не только не облегчалъ трудную работу интенданта, но усугублялъ ея тяжесть.

Въ итогѣ надо признать въ выборѣ ген. Куропаткинымъ людей для своего штаба какую-то странную смѣсь наивной довѣрчивости, основанной на внѣшнихъ признакахъ, на старыхъ личныхъ связяхъ и воспоминаніяхъ, и словно умышленное игнорированіе тѣхъ, кто могъ быть ему дѣйствительно полезенъ, кто былъ знакомъ съ театромъ войны, съ его особенностями, его населеніемъ, и кто могъ установить живую, дѣятельную, органическую связь арміи съ ея вождемъ.

IV.

Тюренченъ.

Назначенный командующимъ войсками экспедиціоннаго отряда для покоренія Ахаль-Теке, Скобелевъ, по прибытіи въ Закаспійскій край, немедленно пожелалъ видѣть и знать все, что входило въ его расчеты и соображенія. Онъ даже осмотрѣлъ Манчишлакъ, хотя эта мѣстность и не входила въ районъ его военныхъ дѣйствій. 1-го іюля (1880 г.) Скобелевъ съ 800 чел. конницы и пѣхоты и 12 орудіями идетъ изъ Баи на рекогносцировку Геокъ-Тепе и 10-го возвращается въ Баи; 25-го іюля съ сотнею казаковъ онъ идетъ къ Михайловскому заливу, что составляетъ 300 верстъ. Онъ проходитъ ихъ въ трое сутокъ; потомъ онъ явился въ Красноводскъ, Чикишляръ, объѣхалъ всѣ пункты и посты, гдѣ только его личное присутствіе было нужно. Получивъ въ Чикишлярѣ извѣстіе, что скопище текинцевъ, около 10,000 ч. идетъ на передовые наши пункты, онъ верхомъ, а гдѣ и пѣшкомъ и на ротныхъ повозкахъ, въ 25 час. проскакалъ 230 верстъ и явился въ Баи, въ самый тревожный моментъ...

Извѣстно, что вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ, прогремѣвшимъ въ Артурѣ въ ночь съ 26-го на 27-е января 1904 г., полки Отдѣльной Забайкальской казачьей бригады, составившіе впослѣдствіи славный Передовой конный отрядъ генерала Мищенко, двинулись къ русско-корейской границѣ, 2-го

февраля перешли ее и углубились въ горы и лѣса Кореи.

— Мы не могли допустить мысли, — говорилъ мнѣ впослѣдствіи участникъ этой корейской экспедиціи, командиръ I Читинскаго полка полковникъ Павловъ, — чтобы у насъ была другая задача, кромѣ сбора свѣдѣній о пунктахъ высадки японцевъ и путяхъ ихъ наступленія къ Ялу...

Но первоначальное, приподнятое настроеніе диктовало другое — жаждали боя, искали скорѣе врага для побѣды.

И когда въ первыхъ числахъ марта отрядъ генерала Мищенко, прорвавшись далеко впередъ, подходилъ уже къ Пенъяну, оставивъ въ сторонѣ укрѣпленный городокъ Чончжю съ корейско-японскимъ гарнизономъ, генераль Флугъ писалъ командовавшему еще въ то время арміей генералу Линевичу, что адмиралъ Алексѣевъ хотя и доволенъ дѣйствіями генерала Мищенко, но признаетъ ихъ чрезвычайно осторожными.

Генераль Линевичъ, сообщая объ этомъ сторожившему рѣку Ялу генералу Кашталинскому, въ письмѣ, пересланномъ генералу Мищенко, сопровождалъ это мнѣніе Намѣстника выраженіемъ своего сожалѣнія, что Мищенко не „потрепалъ“ японцевъ.

— Крови хотять, — сказалъ по этому поводу Мищенко и отвелъ свой отрядъ къ Чончжю, гдѣ 15-го марта и произошелъ извѣстный бой.

Какъ разъ наканунѣ этого дня въ Ляоянѣ былъ, наконецъ, къ арміи генераль Куропаткинъ.

Будущій характеръ дѣйствій нашего полководца тотчасъ же сказался: онъ приказалъ отряду генерала

Мищенко отходить назадъ, на правый берегъ Ялу. Это приказаніе вызывалось опасеніемъ Куропаткина на первыхъ же порахъ войны лишиться конницы, но оно же сводило къ нулю значеніе кавалеріи, услуги которой въ качествѣ „глазъ и ушей арміи“ были особенно цѣнны именно въ эти первые дни.

23 марта конный отрядъ ген. Мищенко благополучно, несмотря на сильный ледоходъ и отсутствіе средствъ переправы, вернулся на нашъ, правый берегъ Ялу. Конница была спасена, но зато связь съ противникомъ была потеряна. Ялу легла гранью между нами и японцами. Было ясно до очевидности, что здѣсь произойдетъ первое серьезное столкновеніе противниковъ. Японцы, прекрасно понимая чрезвычайно важное моральное значеніе успѣха при первомъ столкновеніи, особенно тщательно старались его обезпечить.

А что дѣлали мы?

Оборона рѣки была поручена отряду ген. Кашталинскаго изъ 8 батальоновъ, 24 пѣшихъ и 8 горныхъ орудій и 8 пулеметовъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля, когда обнаружилось сосредоточеніе японцевъ у Ичжоу положеніе отряда, удаленнаго на 200 верстъ отъ главныхъ силъ, было признано опаснымъ и онъ усиленъ былъ на 10 батальоновъ пѣхоты.

Начальствованіе надъ этимъ отрядомъ, ставшимъ именоваться Восточнымъ, генераль Куропаткинъ ввѣрилъ командиру 2 сибирскаго корпуса, генералу Засуличу.

Это была опять-таки импровизація. Отрядъ состоялъ изъ войскъ 3 сибирскаго корпуса, а командовалъ имъ командиръ 2-го; командиръ же 3-го,

генераль Стессель, оставленъ былъ съ частью войскъ 2 корпуса въ Артурѣ.

Чѣмъ обусловленъ былъ выборъ именно генерала Засулича для руководства такой отвѣтственной операціей, трудно сказать. Вѣроятно, какъ я уже говорилъ выше, наличностью и у этого генерала гипнотизировавшаго Куропаткина „бѣлаго крестика“. И такъ какъ ген. Засуличъ въ теченіе всей минувшей войны ничѣмъ не ознаменовалъ свою дѣятельность, кромѣ неудачъ, то мы можемъ сказать, что выборъ ген. Засулича не можетъ служить доказательствомъ старанія генерала Куропаткина обезпечить успѣхъ перваго столкновенія.

Самъ новый начальникъ Восточнаго отряда не былъ, видимо, настроенъ бодро и не носилъ въ своемъ сердцѣ вѣры въ успѣхъ

— Однажды въ апрѣлѣ, —разсказывалъ мнѣ генераль К., —я былъ приглашенъ къ командующему арміей. Смотрю, возлѣ его вагона, съ сигарой въ зубахъ, сосредоточенный и хмурый, ходитъ генераль Засуличъ.

— Что вы, спрашиваю, —Михаилъ Ивановичъ?

— Да вотъ, дали порученіе, за которое, увѣренъ, потомъ ругать меня будутъ. Командующій арміей назначаетъ меня начальникомъ Восточнаго отряда, на Ялу, и приказываетъ отвести оттуда войска, отступая съ боемъ. Мои дѣйствія всегда будутъ имѣть, такимъ образомъ, характеръ пораженія. Отступая подъ напоромъ значительныхъ силъ, по мѣстности пересѣченной, я несомнѣнно понесу большія потери... И вотъ обвиненіе готово!

Какъ видите, настроеніе невеселое. Уже отбѣз-

жая къ войскамъ, начальникъ ихъ смущенъ былъ призракомъ отвѣтственности, неизбежности того, „что ругать будутъ“. Что же могъ онъ внушить своимъ войскамъ, смущенный самъ неопредѣленностью поставленной ему задачи?!...

А она была формулирована, дѣйствительно, довольно неопредѣленно. Усиливая отрядъ съ 8 батальоновъ до 18-ти и указывая, съ одной стороны, на силу позиціи за Ялу, обезпеченной съ фланга рѣкою Ай-хэ, а съ другой—на многочисленность нашей конницы, генералу Засуличу ставилось задачей задерживать противника возможно продолжительное время,—но не принимать рѣшительнаго боя...; тщательно обдумать всѣ распоряженія по оборонѣ... и отступленію...; не быть вынужденнымъ къ спѣшному отступленію—и не давать противнику трофеевъ. Очевидно было, что командующій арміей и хочетъ боя и боится его, хочетъ побѣды и боится пораженія.

— Вполнѣ надѣюсь, писалъ онъ Засуличу (№ 2589), что вы дадите отпоръ врагу съ должной твердостью, но съ благоразуміемъ...“

Ясно, что отрядъ долженъ былъ принять бой и что онъ приметъ его: позиція была сильная, хотя и запрещено было возводить на ней сомкнутые опорные пункты;—отрядъ усиленъ, конница многочисленна....

Что же сдѣлалъ ген. Куропаткинъ, чтобы воодушевить войска для перваго боя, чтобы внушить имъ вѣру въ себя, въ свои силы, въ будущій успѣхъ,—вѣру, столь необходимую для „отпора съ должной твердостью“,—для „отступленія съ боемъ“, чтобы это

отступление не превратилось въ паническое бѣгство? А вѣдь такъ именно и случилось потомъ подъ Тюренченомъ.

Онъ остается въ Ляоянѣ, онъ привѣтствуетъ прибывающіе батальоны стереотипной, заученной фразой—„Надѣюсь, братцы, постараетесь“! — онъ объѣзжаетъ позицію подъ Ляояномъ; — онъ ѣдетъ въ Мукденъ, чтобы дѣлать тамъ тоже самое, что бы тамъ, въ тылу, „выбрать пункты для укрѣпленія позицій“ (?!), чтобы побесѣдовать съ дзянь-дзюнемъ „о прекращеніи враждебныхъ отношеній“ (?) къ намъ мелкихъ китайскихъ властей и о поставкѣ населеніемъ продовольственныхъ припасовъ, подводъ и рабочихъ“; — онъ пишетъ Засуличу попрежнему неопредѣленные, расплывчатые директивы, плохо соображенные со стратегической и тактической обстановкой.

Такъ, въ отвѣтъ на донесеніе о дѣйствіяхъ нашихъ охотничьихъ командъ, Куропаткинъ незадолго передъ Тюренченскимъ боемъ писалъ Засуличу:— „Не увлекайтесь своими успѣхами на лѣвомъ флангѣ. Это только демонстрація противника. Его цѣль—вашъ правый флангъ, который онъ хочетъ отрѣзать отъ моря и тѣмъ облегчить себѣ высадку въ Дагушанѣ“.

Планъ Куроки, по которому и разыгрался Тюренченскій бой, какъ извѣстно, заключался въ томъ, чтобы ударомъ на лѣвый флангъ русскихъ, обороняющихъ позицію за рѣкой Ай-хе, отрѣзать отъ Фынхуанчена какъ отрядъ генерала Капшалинскаго, такъ и войска, оборонявшія Ань-дунь-сянь. Противъ праваго фланга, за который такъ боялся

Куропаткинъ, японцы ограничились, какъ извѣстно, только демонстраціей. Словомъ, случилось, какъ разъ наоборотъ тому, что изъ своего „прекраснаго далека“ провидѣлъ Куропаткинъ.

Побывай онъ самъ на Ялу, посмотри онъ самъ расположеніе войскъ,—быть можетъ и не случилось бы того, что произошло. Онъ увидалъ бы, что правый флангъ нашей позиціи обстрѣливается фланговымъ огнемъ съ острововъ и командующихъ высотъ у Ичжу; онъ, можетъ быть, инстинктивно понималъ бы, что стратегическое значеніе имѣетъ нашъ лѣвый флангъ, съ потерей котораго мы отрѣзываемся отъ Фынхуанчена, базы Восточнаго отряда. Вѣдь никакое, самое долгое, пристальное разсматриваніе карты не можетъ замѣнить живого впечатлѣнія отъ мѣстности, которое дается личнымъ съ нею знакомствомъ.

Несомнѣнно, такъ поступилъ бы Скобелевъ, Суворовъ и Наполеонъ, всѣ истинные полководцы „Божіею милостью“.

Никто, кто любитъ солдатъ не на словахъ, не въ приказахъ, не могъ бы быть спокоенъ за отрядъ, которому предстоитъ выдержать первый натискъ врага, который удаленъ на 200 верстъ, біеніе сердца котораго нельзя подслушать, настроеніе уловить и во время своимъ присутствіемъ, своимъ горячимъ словомъ поддержать. Талантъ всегда экспансивенъ, горячъ, нетерпѣливъ... Онъ не усидѣлъ бы на мѣстѣ, онъ былъ бы тамъ, онъ провѣрилъ бы лично, все ли готово для „праздника“. И тогда войска не вели бы боя безъ диспозиціи,

безъ начальниковъ, находившихся за 12 верстъ отъ боя, какъ находился ген. Засуличъ.

Генераль Куропаткинъ, флегматичный и спокойный, оставался въ Ляоянѣ. Его не тянуло ни на Ялу, ни въ Портъ-Артуръ, никуда, гдѣ назрѣвали чреватые послѣдствіями событія. Если на Ялу, онъ не могъ проѣхать въ своемъ пудмановскомъ вагонѣ, то что мѣшало ему взглянуть на Артуръ, посмотреть, какъ выросли за годъ, послѣ посѣщенія имъ Артура (въ 1903 году), его валы, на которыхъ, годъ назадъ, генераль Стессель заявлялъ „съ гордостью и мужествомъ, что отразить атаку всей японской арміи“;—какъ много въ немъ собрано запасовъ, какъ силенъ духъ гарнизона и его вождей? Министерскій постъ, видимо, сдѣлалъ Куропаткина тяжелымъ, неподвижнымъ, не военачальникомъ, а военнымъ бюрократомъ, уклоняющимся отъ послѣдствій своихъ распоряженій, боящимся отвѣтственности за нихъ и „умывающимъ руки“.

Станнымъ кажется послѣ этого изумленіе Куропаткина исходомъ Тюренченскаго боя. А между тѣмъ это изумленіе было такъ велико въ Ляоянѣ, что граничило съ паникой, тѣмъ болѣе что штабъ-квартира арміи охранялась чуть ли не однимъ батальономъ. Сдѣлали даже видъ, что самый бой, явился для командующаго арміей полною неожиданностью, такъ какъ позиція у Тюренчена, на которой предписывалось дать отпоръ „съ должной твердостью“,—имѣла де лишь „демонстративный характеръ“... Началось „умываніе рукъ“, началось то, что потомъ въ болѣе крупномъ масштабѣ повторилось подъ Ляояномъ, который вдругъ прини-

зился въ глазахъ Куропаткина до значенія простого „тегъ-де-пона“.

Долго никто не зналъ истинныхъ размѣровъ событій. Самые фантастическіе рассказы о потеряхъ 11-го и 12-го полковъ, объ отступленіи 22-го полка, о паникѣ въ обозахъ, о покинутой поля сраженія штабомъ Восточнаго отряда летѣли по линіи желѣзной дороги и встрѣчали насъ, стремившихся въ это время къ Ляояну. Подъ ихъ впечатлѣніемъ полковникъ Громовъ, командиръ злополучнаго 22-го полка, былъ отрѣшенъ отъ командованія и обезславленъ. Отрѣшенъ былъ также отъ командованія батареей, потерявшей свои орудія, подполк. Покатилло, убитый потомъ подъ Ляояномъ. Назначено было слѣдствіе. Ужъ если можно было назначать его на основаніи слуховъ, то казалось бы, что оно должно было выяснить не только обстоятельства, при которыхъ отступилъ 22-ой полкъ, были брошены орудія 3-ей бат. 6-ой вост.-сиб. стрѣлк. арт. бригады и произведенъ безпорядокъ въ обозѣ, но и о дѣйствіяхъ начальника Восточнаго отряда, объ его отъѣздѣ изъ подъ Тюренчена и вообще о поведеніи въ этотъ день всѣхъ чиновъ его штаба. Вѣдь носилась молва, что на дорогѣ въ Фынхуанченъ остались важныя бумаги.

Но искали виноватыхъ, конечно, только среди „стрѣлочниковъ“. И, конечно не нашли. Заключение по слѣдственному производству, съ которымъ согласился Куропаткинъ, гласило, что потеря шести орудій произошла при такихъ обстоятельствахъ, которыя исключаютъ всякую возможность обвиненія кого-либо въ оставленіи орудій;—что ни со сто-

роны командира 22-го полка, полк. Громова, ни со стороны кого-либо другого изъ чиновъ полка не обнаружено совершенія какихъ-либо уголовно-наказуемыхъ поступковъ и что роты во время и послѣ боя отходили въ возможномъ, при столь пересѣчен-ной мѣстности, порядкѣ: что виновника первоначальнаго появленія слуха объ японской кавалеріи,—слуха, вызвавшего панику въ обозахъ, обнаружить не удалось изъ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній...

— Мы, кажется, поторопились,—сказалъ потомъ Куропаткинъ по поводу поспѣшности, съ которою онъ отчислилъ Громова и Покатилло, хотя это признаніе не остановило его и потомъ отчислять другихъ съ такой же поспѣшностью... Такъ было съ генераломъ Орловымъ послѣ Ляояна,—съ временно командовавшимъ 10-мъ вост.-сиб. стр. полкомъ подполковникомъ Рындинымъ, геройски павшимъ подъ тѣмъ же Ляояномъ,—съ есауломъ уральскаго казачьяго войска Ливкинымъ... Случай съ послѣднимъ особенно характеренъ.

Онъ высланъ былъ въ сентябрѣ или октябрѣ 1904 года съ небольшимъ экспедиціоннымъ отрядомъ противъ хунхузовъ,—нашелъ ихъ гдѣ-то въ долину Ляохе, и сталъ преслѣдовать... Фудутунъ какой-то или тифаньгуанъ, желая выручить изъ бѣды земляковъ, тотчасъ же пожаловался Куропаткину на то, что Ливкинъ со своимъ отрядомъ перешелъ будто бы границу Монголіи.

Тифаньгуаню на слово повѣрили... Ливкину посланъ былъ грозный приказъ немедленно прибыть въ Мукденъ; о дѣйствіяхъ его приказано было про-

известить предварительное слѣдствіе „на предметъ преданія суду за неисполненіе лично отданнаго Ливкину командующимъ арміей приказанія строго соблюдать нейтралитетъ Китая“.

Ливкинъ, конечно, явился и выяснилъ, что границы Монголіи онъ не переступалъ, что карты, на которыя смотрѣли его обвинители, въ этомъ отношеніи не вѣрны. Ливкина отъ слѣдствія освободили, но вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь гораздо ранѣе, освобождена была отъ энергичнаго преслѣдованія и хунхузская шайка, разгромъ которой, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ особенно желателенъ...

Но вернемся къ Тюренчену. Когда первое впечатлѣніе отъ неудачнаго „отступленія съ боемъ“ стало проходить, Куропаткинъ попробовалъ улыбнуться и сдѣлать видъ, что „все къ лучшему въ семъ худшемъ изъ міровъ“...

— Это ничего, ничего,—говорилъ онъ какъ-то въ кругу генераловъ и чиновъ своего штаба, своимъ глухимъ, тягучимъ, медлительнымъ голосомъ.— Пусть нація воспитывается въ пораженіяхъ.

Всѣ молчали, опутивъ глаза, и только у одного генерала Самсонова вырвалось невольно восклицаніе:

— А все-таки лучше, если бы была побѣда!

Говорятъ, что это восклицаніе было причиной, почему этотъ талантливый, храбрый и энергичный генералъ, одинъ изъ немногихъ генераловъ, заслужившихъ себѣ безупречную репутацію въ этой войнѣ, все время оставался въ тѣни, на второстепенныхъ роляхъ.

Зато упорно выдвигались изъ тѣни, покрывавшей ихъ имена, генералы Штакельбергъ и Засу-

личъ, никогда не претендовавшіе быть „Скобелевыми“ при Куропаткинѣ.

Стали себя утѣшать и успокаивать относительно и потери орудій совершенно новымъ, небывалымъ еще у насъ, афоризмомъ, какъ впрочемъ не бывало у насъ до этой злосчастной войны и такой массовой потери артиллеріи.

— Это старый, отжившій свой вѣкъ взглядъ, что терять орудія позоръ. Вѣдь это не болѣе, какъ кусокъ металла. Разъ орудія исполнили свое назначеніе, потеря ихъ ничего не значитъ. При современномъ развитіи техники утрату ихъ легко возстановить.

Не говоря уже о томъ, что послѣдній аргументъ фактически опровергается всѣми событіями минувшей войны, на которую мы явились съ артиллеріей полевой, осадной и, особенно, горной, постоянно числомъ своихъ орудій уступавшей артиллеріи японцевъ, я, какъ бывший артиллеристъ, принявшій предъ фронтомъ батареи, на артиллерійскомъ знамени—орудіи, присягу,—никогда не могъ согласиться съ этимъ безнравственнымъ взглядомъ и въ спорахъ по этому поводу пробовалъ протестовать. Мнѣ возражали на это:

— Такъ смотритъ самъ Куропаткинъ...

„Такъ сказалъ Заратустра“.

Но у Заратустры слово не расходилось съ дѣломъ. А Куропаткинъ тотчасъ послѣ Тюренчена, въ отмѣну прежнихъ своихъ указаній генералу Стесселю объ упорной оборонѣ Цзинь-чжоуской позиціи, „до штыковъ“, послалъ приказаніе не доводить ея обороны до этого градуса, дабы не рисковать снова потерять орудія. А когда въ октябрѣ

на Шахѣ, на Путиловской сопкѣ, намъ удалось, наконецъ, захватить четыре японскихъ орудія, генераль Куропаткинъ былъ такъ обрадованъ этимъ событіемъ, что поспѣшилъ по телеграфу испросить Высочайшее соизволеніе на награжденіе генерала Путилова орденомъ св. Георгія.

А казалось-бы, если потерять орудія, этотъ „кусокъ металла“, не важно и не больно, то и радоваться такъ взятію ихъ нѣтъ особыхъ причинъ.

Но изъ этихъ противорѣчій, свидѣтельствующихъ объ отсутствіи системы и общихъ идей, сотканъ весь генераль Куропаткинъ.

Отношеніе къ Мукденскому штабу.

„Распредѣленіе власти на театрѣ войны въ началѣ военныхъ дѣйствій было своеобразное и не вполне ясное“...

(Бар. Темтау).

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1904 года я прибылъ въ Мукденъ, въ главную квартиру намѣстника—главнокомандующаго.

Здѣсь наносился первый серьезный ударъ тому идеалистическому настроенію, съ которымъ каждый изъ насъ ѣхалъ тогда на войну. Здѣсь впервые приходилось убѣждаться въ томъ, что и стихія войны не смывала съ людей ихъ мелочнаго эгоизма, капризовъ самолюбія, тщеславія и расчетовъ. Приходилось убѣждаться въ томъ, что всѣ эти явленія обыденной жизни здѣсь выросли въ роль историческихъ факторовъ, сводя народное дѣло съ его пьедестала и превращая его въ частное дѣло того или другого лица.

Прислушавшись къ толкамъ въ столовой штаба намѣстника, поговоривъ съ разными лицами, съѣхавшимися въ Мукденъ, я вынесъ впечатлѣніе, что противникъ былъ гораздо ближе, чѣмъ всѣ мы думали, что онъ—въ Ляоянѣ и что это не японцы, а Куропаткинъ и его штабъ. Едва ли не главную роль въ этомъ враждебномъ настроеніи играло назначеніе Куропаткина командующимъ арміей безъ

предварительнаго согласія на это назначеніе намѣстника, однако, на роль его самостоятельнаго помощника. Цѣлому ряду лицъ пришлось остаться вслѣдствіе этого не у дѣлъ, а намѣстникъ—главнокомандующій лишенъ былъ полноты своей власти, такъ какъ предѣлы самостоятельности командующаго арміей, его помощника, не были точно очерчены, и этотъ послѣдній то прямо сносился съ Петербургомъ, то считалъ нужнымъ испрашивать указаній намѣстника, а то сообщалъ ему о своихъ распоряженіяхъ *post factum*.

Къ тому же это были люди разныхъ вѣдомствъ: одинъ — военно-морского, другой—военно-сухопутнаго, въ прошломъ у нихъ ничего не было общаго, а при существующей розни нашихъ отдѣльных вѣдомствъ, каждый изъ нихъ добивался осуществленія своихъ плановъ и желаній путемъ различныхъ вліяній, воздѣйствій и средствъ. Эта междувѣдомственная и личная борьба прикрывалась въ Мукденѣ симпатичной маской негодованія на Куропаткина за его бездѣйствіе подъ Тюренченомъ и возмущенія на его тактику „терпѣнія“ вообще. Здѣсь, въ Мукденѣ, строились болѣе смѣлые, энергичные и рѣшительные планы кампаніи..- И оглядываясь теперь на прошлое, зная теперь, что и нашъ побѣдоносный противникъ также дѣйствовалъ не безъ крупныхъ промаховъ, невольно спрашиваешь себя: не правъ ли былъ и въ самомъ дѣлѣ мукденскій штабъ, требуя движенія впередъ, и не вытекало ли это требованіе изъ большаго знанія имъ нашего противника.

— А вотъ попадете въ Ляоянь,—говорили мнѣ

побывавшіе и тамъ, и здѣсь,—и вы услышите другія рѣчи.

И дѣйствительно, въ Ляоянѣ, съ пѣной у рта, говорили о Мукденѣ, говорили съ озлобленіемъ людей, которыхъ тянуть въ бездну.

Разница была только въ томъ, что въ Мукденѣ всѣ сходились въ уваженіи къ намѣстнику, въ признаніи его авторитета и преклонялись предъ его государственнымъ умомъ, пониманіемъ обстоятельствъ и огромной трудоспособностью. Въ ляоянскомъ же штабѣ относительно его главы существовали различныя мнѣнія, и онъ былъ менѣе единодушенъ въ защитѣ Куропаткина. И это объясняется очень просто: штабъ намѣстника, составленный изъ людей, служившихъ въ краѣ до войны, сжился между собою и съ нимъ; штабъ же Куропаткина былъ собранъ *ad hoc*, отовсюду, и люди, его составлявшіе, мало знали другъ друга.

Рознь, существовавшая между двумя главными начальниками, шла и дальше, создавая цѣлую сѣть отношеній, сотканную изъ взаимнаго недовѣрія, недружелюбія и даже вражды.

Такъ, въ мукденскомъ штабѣ не существовало тѣснаго единенія между намѣстникомъ—главнокомандующимъ и начальникомъ его штаба, генераломъ Жилинскимъ. Это не было недружелюбіемъ, это было просто незнакомствомъ ихъ другъ съ другомъ, непривычкою дѣлать сообща одно дѣло, да еще такое крупное и отвѣтственное. Намѣстникъ желалъ, кажется, имѣть начальникомъ своего штаба своего стараго, постоянного, довѣреннаго сотрудника—генерала Флуга. Но въ Петербургѣ нашли, что онъ

слишкомъ молодъ для такого поста и послали намѣстнику генер. Жилинскаго. Генералъ Флугъ оставленъ былъ при намѣстникѣ—главнокомандующемъ въ роли генераль-квартирмейстера. Онъ и служилъ звеномъ между намѣстникомъ и его начальникомъ штаба.

Нельзя не признать, что такая связь могла быть очень опасной, не объединяя, а разъединяя этихъ двухъ лицъ, жившихъ каждый въ своемъ поѣздѣ и сравнительно рѣдко встрѣчавшихся. И только благодаря благородному характеру генерала Флуга, его огромному такту и выдержкѣ, эта опасность миновала.

Иначе обстояло дѣло въ лоянскомъ штабѣ. Тамъ между командующимъ арміей и его начальникомъ штаба стоялъ болѣе честолюбивый генераль-квартирмейстеръ, ген. Харкевичъ, и отчужденіе между Куропаткинымъ и Вл. Вик. Сахаровымъ не только не устранялось, но въ началѣ кампаніи росло на почвѣ личныхъ, интимныхъ дѣлъ послѣдняго, которыя первый вначалѣ находилъ неумѣстными и несвоевременными на театрѣ войны и съ которыми въ послѣдствіи примирился.

Наконецъ, весь это переплетъ недружелюбныхъ и недоувѣрчивыхъ отношеній завершался еще и тѣмъ, что не было желательной близости и между начальниками обоихъ штабовъ.

Эти шесть лицъ: главнокомандующій и командующій арміей, начальники ихъ штабовъ и ихъ генераль-квартирмейстеры не составляли единодушной коллегіи и не объединялись въ нее даже въ самые

серьезные моменты кампаніи. Припоминается два характерныхъ факта.

21 іюля прибылъ въ Ляоянъ изъ Харбина намѣстникъ съ генераломъ Жилинскимъ, а изъ Айсандзяна—генераль Куропаткинъ съ генераломъ Сахаровымъ. Надвигался генеральный ляоянскій бой. Предстояло обсудить цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ. Въ вагонъ намѣстника на совѣщаніе, которое продолжилось полтора часа, приглашены были ген. Куропаткинъ и ген. Жилинскій. Генераль Сахаровъ же остался на перронѣ ляоянскаго вокзала, среди собравшейся публики, для которой это маленькое съ виду обстоятельство не прошло незамѣченнымъ.

То же самое повторилось 23 сентября 1904 г. въ Мукденѣ, въ знаменательный день перехода арміи въ наступленіе на Шахэ.

И въ томъ, и въ другомъ, случаѣ совершенно справедливо высказывалось осужденіе ген. Куропаткину за то, что онъ не противодействуетъ этому игнорированію своего начальника штаба *).

*) „Въ интересахъ справедливости“ меня просятъ отмѣтить, что, на основаніи „Положенія о полевомъ управленіи войскъ“, начальникъ штаба главнокомандующаго обязанъ присутствовать на докладахъ командующихъ арміями, начальники же штабовъ армій этихъ обязательствъ не имѣютъ, и что когда ген. Жилинскій узналъ, что ген. Сахаровъ на это обижается, то онъ при первомъ же докладѣ ген. Куропаткина спросилъ послѣдняго: не найдетъ ли онъ возможнымъ пригласить своего начальника штаба? Куропаткинъ на это согласился и ген. Сахаровъ былъ приглашенъ.—„Къ сожалѣнію, добавляетъ мой корреспондентъ,—это случилось незадолго до отъѣзда ген. Жилинскаго“.

Охотно дѣлаю это дополненіе, такъ какъ оно, нисколько не колебля сообщенныхъ мною фактовъ, удостовѣряетъ, что въ этомъ игнорированіи начальника штаба арміи повиненъ былъ самъ командующій ею, который не догадывался до предложенія ген. Жилин-

И это было тѣмъ болѣе странно, что и самъ генераль Куропаткинъ не всегда считалъ нужнымъ скрывать свои чувства къ мукденскому штабу. Однажды, и это было какъ разъ въ дни, предшествовавшіе моему пріѣзду въ Мукденъ, такъ что мнѣ рассказывали объ этомъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшаго, это неудовольствіе было проявлено имъ въ крайне рѣзкой формѣ. Куропаткинымъ былъ приглашенъ въ Ляоянъ полковникъ генеральнаго штаба С., пользовавшійся расположеніемъ намѣстника, и ему предложено было доложить о состояніи японской арміи, съ которою полковникъ былъ близко знакомъ до войны. Докладъ былъ выслушанъ благосклонно, и полковникъ С. любезно приглашенъ къ обѣду. За обѣдомъ, говорятъ, съ нимъ не было сказано ни слова. А когда обѣдъ кончился, генераль Куропаткинъ, аккуратно складывавшій свою салфетку, вдругъ скомкалъ ее нервнымъ движеніемъ руки и, обращаясь черезъ столъ къ полковнику С., громко сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Полковникъ С.! Если вы позволите себѣ распространять слухи, подрывающіе духъ арміи (очевидно, рѣчь шла о большей готовности японской арміи къ войнѣ, чѣмъ нашей), я выплю вась изъ арміи...

скаго возбудить вопросъ объ участіи ген. Сахарова въ совѣщаніяхъ.

Что же касается заявленія моего корреспондента, что ген. Жилинскій всегда имѣлъ добрыя отношенія съ ген. Сахаровымъ, то не утверждая, что они были дурными (этого я и ранѣе не говорилъ), я позволяю себѣ остаться при убѣжденіи, что они не были достаточно близкими, а были скорѣе холодно официальными, что и понятно при антагонизмѣ, существовавшемъ между ихъ непосредственными начальниками—адм. Алексѣевымъ и ген. Куропаткинымъ.

И бросивъ салфетку, онъ повернулся и вышелъ изъ столовой.

Полковникъ С. остался стоять, пораженный какъ громомъ, не понимая, чѣмъ онъ провинился, и за что его хотятъ удалить изъ арміи.

А вечеромъ, на вопросъ начальника штаба, по поводу это инцидента, въ чемъ дѣло, генераль Куропаткинъ сказалъ:

— Ничего! Пусть знаютъ тамъ... въ Мукденѣ...

Вотъ при какой обстановкѣ назрѣвала Вафангоуская операція, на которой столкнулись противоположныя стремленія двухъ вождей и двухъ штабовъ, стоявшихъ во главѣ одной арміи.

VI.

Вафангоу.

„...Графъ Бобринскій (адъютантъ Куропаткина) разсказалъ, что взятіе японцами Киньчжоу произошло очень неожиданно... Но все таки генераль Куропаткинъ,—даже рискуя паденіемъ Портъ-Артура, не намѣренъ идти на выручку, пока не сосредоточить всѣхъ войскъ“.

(Бар. Теттау).

21 апрѣля 1904 года, къ вечеру, противъ Бицзиво показались японскіе транспорты, а утромъ 22-го съ нихъ начали высаживаться войска. Японцы совершенно даромъ тратили снаряды, поддерживая, какъ слѣдуетъ по учебнику тактики, свою высадку артиллерійскимъ огнемъ.

Имъ не только никто не хотѣлъ мѣшать, напротивъ, ихъ готовы были поощрять. Въ бытность свою въ Инкоу, въ 20-хъ числахъ марта, генераль Куропаткинъ сказалъ адмиралу Л., направлявшемуся въ Артуръ и ему тамъ представлявшемуся, что чѣмъ больше японцевъ высадится на Квантунъ, тѣмъ лучше.

Штабъ его популяризировалъ эту мысль, отвѣчая на недоумѣнные вопросы, почему не противо-дѣйствуютъ высадкѣ:—„надо дать японцамъ спо-

койно высадиться и проникнуть въ Маньчжурію. Чѣмъ дальше они продвинутся въ нее, тѣмъ вѣрнѣе мы ихъ разобьемъ, тѣмъ скорѣе мы кончимъ войну. Не надо только гоняться за маленькими успѣхами. Это не умно и не практично. Терпѣніе—и однимъ хорошимъ ударомъ мы кончимъ войну...

И вотъ, въ Ляоянѣ, стоустая молва наканунѣ уже Тюренчена (18 апрѣля) повторяла эти мысли въ еще болѣе грубой редакціи: „ура! японцы переходятъ Ялу“. Такъ, будто-бы, Куропаткинъ телеграфировалъ въ Петербургъ. Сомнѣваемся, конечно, чтобы такая телеграмма могла быть въ дѣйствительности послана, но что огромная самоувѣренность существовала,—это фактъ. И онъ подтверждается еще разъ тѣмъ, что передалъ мнѣ одинъ изъ видныхъ и доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артура. Присутствуя при осмотрѣ Цзинь-чжоусской позиціи ген. адъют. Алексѣевымъ 21 марта 1904 года, онъ слышалъ своими ушами, какъ Алексѣевъ говорилъ ген. Жилинскому:

— Я ему (Куропаткину) говорилъ, что японцевъ не слѣдуетъ пускать за Ялу, а онъ утверждаетъ, что—нужно, чтобы ихъ припереть.

Развивая въ этомъ разговорѣ далѣе свою мысль, намѣстникъ высказалъ, что японцевъ не надо пускать за Ялу, между прочимъ, еще и по соображеніямъ политическимъ,—это произведетъ дурное впечатлѣніе для насъ въ Европѣ...

Но, очевидно, Куропаткинъ для осуществленія по своему плану „противодѣйствія высадкѣ“, не хотѣлъ считаться и съ Европой.

22-го апрѣля намѣстникъ слѣшно выѣхалъ изъ

Портъ-Артура со своимъ штабомъ и, какъ тогда выражались, — „проскочилъ благополучно“. Къ вечеру 22-го японцами высажено было больше 10 тысячъ, занята желѣзная дорога и Портъ-Артуръ — увы навсегда — былъ отрѣзанъ отъ Россіи *).

— „Завидую опредѣленности и простотѣ задачи, которая выпадетъ на славныя войска Квантунской области, если на нихъ обрушится главный ударъ“, — писалъ въ началѣ мая Куропаткинъ Стесселю.

Относительно опредѣленности спорить не приходится, ну, а на счетъ простоты — это звучитъ теперь горькой ироніей, когда намъ всѣмъ уже хорошо извѣстно, какова была въ дѣйствительности твердыня Артура, въ какихъ надежныхъ рукахъ она находилась и насколько обезпечена была крѣпость продовольствіемъ и боевыми припасами.

Странно, что бывшаго военнаго министра, а въ данный моментъ командующаго маньчжурской арміей, въ размышленіяхъ о судьбѣ Артура смущалъ одинъ только вопросъ — о мясѣ. Еслибы не это, „то я былъ бы совершенно спокоенъ, какими бы силами японцы васъ не атаковали“ — писалъ онъ Стесселю.

— „Патроновъ и хлѣба много, а это главное. Снарядами крѣпость снабжена по положенію за немногими исключеніями... Выручка будетъ... Вамъ всѣмъ необходимо запастись, кромѣ непоколебимой твердости, мужествомъ еще и терпѣніемъ...“

Тогда, въ Ляоянѣ, въ эти успокоительныя заявленія еще вѣрилось. Но теперь, когда извѣстно,

*) Прорывъ къ Артуру поѣзда подполк. Спиридонова не могъ конечно, почитаться восстановленіемъ сообщенія съ Артуромъ, какъ о томъ успѣшилъ донести Куропаткинъ.

что не хватило Портъ-Артуру не только мяса—питались подъ конецъ кониной—но и снарядовъ, которые пришлось выдѣлывать кустарнымъ способомъ въ портовыхъ мастерскихъ,—когда извѣстно, что безъ артиллеріи, снятой съ судовъ эскадры, Портъ-Артуръ не могъ бы столько продержаться—а вѣдь на нее, конечно, въ началѣ войны не рассчитывали, понуждая флотъ къ выходу во Владивостокъ,—всѣ эти заявленія Куропаткина не знаешь, какъ и понимать. Да ихъ, видимо, и не понимали ни въ Артурѣ, ни въ Мукденѣ, ни въ Петербургѣ. Судьба отрѣзанной отъ родины крѣпости вездѣ и всѣмъ внушала самыя серьезныя опасенія...

— „Скорая помощь необходима. Доношу это для спасенія всего дѣла“,—телеграфировалъ Стессель въ Мукденъ.

И онъ былъ правъ. Съ участію Артура, какъ показали событія, связана была участь всей кампаніи.

Я пріѣхалъ въ Мукденъ какъ разъ въ тѣ дни, въ двадцатыхъ числахъ мая, когда эти зловѣщія слова Стесселевской депеши тайнственно передавались изъ устъ въ уста, но уже съ успокоительнымъ добавленіемъ, что помощь Артуру рѣшена, что борьба намѣстника съ Куропаткинымъ по этому вопросу окончена побѣдой первого.

Передавали, что намѣстникъ съ самаго почти отъѣзда изъ Артура настаивалъ на переходѣ Куропаткина къ активнымъ дѣйствіямъ для помощи отрѣзанной крѣпости. Онъ тогда еще указывалъ, что если раньше это сдѣлать было рискованно, то теперь, когда армія значительно усилилась въ числѣ ба-

тальяоновъ и орудій, возможно, не отступая нисколько отъ главной задачи—сохранить желѣзную дорогу, какъ единственную связь съ Россіей и возможность продолжать сосредоточеніе арміи—двинуть часть силъ, отъ двухъ до четырехъ дивизій къ Артуру.

Куропаткинъ возражалъ на это, что кровавый тюренченскій опытъ доказываетъ, какъ трудно руководить операціями войскъ, выдвинутыхъ на 250 верстъ отъ раіона сосредоточенія арміи, и что если генераль Засуличъ, принимая бой, могъ еще рассчитывать съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ на спокойное отступленіе, то еще труднѣе можетъ сложиться обстановка для корпуса, двинутаго къ Портъ-Артуру. Высадкой японцевъ у Сеньючена и въ другихъ мѣстахъ онъ можетъ быть всеѣмъ отрѣзанъ и поставленъ между двухъ огней.

Куропаткинъ находилъ, что ни численность маньчжурской арміи, ни расположеніе ея силъ, а главное—полная невыясненность, куда японцы направятъ свой главный ударъ, не позволяютъ ему рискнуть на эту операцію.

Ему на это возражали, что надо торопиться, пока подъ Артуромъ можетъ быть не болѣе трехъ-четырехъ дивизій японцевъ; что надо торопиться, пока мы стоимъ еще на Цзиньчжоуской позиціи, а когда она падетъ, придется брать ее всей маньчжурской арміей; что въ распоряженіи командующаго находится достаточно кавалеріи (и надо только ея умѣло пользоваться),—и можно было бы еще добавить, что руководство операціями войскъ можно облегчить приближеніемъ къ нимъ руководителя.

Куропаткинъ отвѣчалъ, что по докладу ген. шт. кап. Гурко, прибывшаго изъ Портъ-Артура гарнизонъ его, вмѣстѣ съ моряками, исчисляется въ 45000 чел. и что поэтому японцы не могутъ еще имѣть „подавляющаго превосходства“ надъ нимъ; стало быть, крѣпость еще не нуждается въ немедленной выручкѣ...

Въ подобнаго рода отвѣтахъ приходится видѣть только систему проволочекъ, затягиваніе дѣла, такъ какъ ясно, что именно отсутствіемъ еще пока „подавляющаго превосходства“ японцевъ и надо было спѣшить воспользоваться для выручки крѣпости...

И въ этихъ пререканіяхъ на бумагѣ прошелъ почти мѣсяцъ. Въ теченіе его мы потеряли Цзиньчжоу. Задача выручки Артура становилась еще труднѣе.

Самъ Куропаткинъ признавалъ теперь, что въ случаѣ ея осуществленія ему придется брать эту позицію у японцевъ ускоренными осадными работами... *)

Наконецъ, изъ Петербурга была получена телеграмма съ выраженіемъ крайней тревоги за Портъ-Артуръ и съ возложеніемъ отвѣтственности за судьбу его всецѣло на Куропаткина **).

*) Теперь извѣстно, что по требованію Куропаткина, для стрѣльбы по судамъ непріятельскаго флота при предполагавшемся обратномъ взятіи Цзиньчжоуской позиціи, данъ былъ даже заказъ французскому гражданину Захарову на изготовленіе 24-хъ 120 мм. пушекъ, которыя и были доставлены въ Либаву въ іюнѣ и въ іюлѣ 1905 года.

**) Хотятъ, кажется, теперь отрицать фактъ вліянія Петербурга на Куропаткина. Миѣ кажется, что это невозможно и даже не нужно. Вотъ если бы Петербургъ „связывалъ крылья“ Куропаткину,

Намѣстникъ вызвалъ его въ Мукденъ. Свиданіе состоялось и было очень продолжительно. Мнѣ передавали, что предъ штабомъ было сказано только слѣдующее:

— Ну, что же, стало быть отступленіе кончено? Теперь вы будете наступать?

— Да, этого хочетъ Россія,—отвѣтилъ, будто бы, Куропаткинъ.

По другой версіи онъ, будто бы, сказалъ лицамъ своего штаба, что онъ противъ этого наступленія, но что ему „приходится повиноваться, какъ солдату“.

И, наконецъ, еще передавали, что въ этотъ день намѣстникъ, выйдя къ приглашеннымъ имъ къ себѣ на обѣдъ лицамъ нѣсколько позднѣе обычнаго часа (6 ч. веч.), сказалъ собравшимся;—„Извините, господа, что я васъ нѣсколько задержалъ... За то мы переходимъ въ наступленіе... Мнѣ удалось убѣдить въ этомъ генерала Куропаткина“...

Такъ, жребій былъ брошенъ ..

Генералъ Стессель былъ объ этомъ увѣдомленъ.

— „Я сдѣлаю все возможное для выручки Артура,—писалъ Куропаткинъ Стесселю.—Но вамъ нужна выручка, а не пораженіе маньчжурской арміи по частямъ, а потому запаситесь терпѣніемъ. Спѣшное движеніе недостаточными силами принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу... Въ первую очередь назначенъ сильный корпусъ генерала Штакельберга.

какъ нѣкогда вѣнскій „гофкригсратъ“—Суворову, тогда отрицаніе вліянія Петербурга было бы понятно, при настоящемъ же положеніи вещей Петербургъ можно только благодарить за подталкиванье чрезмѣрно „терпѣливаго“ Куропаткина.

За нимъ въ іюнѣ будетъ двинуть еще корпусъ, въ іюлѣ еще одинъ“...

Но вѣдь такой способъ выручки и создавалъ возможность пораженія маньчжурской арміи по частямъ?!

Вѣдь самъ же генералъ Куропаткинъ раньше заявлялъ, что если мы потеряемъ позицію на Цзинь-чжоу, мы вынуждены будемъ брать ее осадными работами и всей маньчжурской арміей, а не однимъ корпусомъ. И тѣмъ не менѣе теперь на югъ имъ былъ двинуть только корпусъ *).

Исходъ операціи извѣстенъ. Отвѣтственность за неудачу была возложена тогда всецѣло на генерала Штакельберга, какъ потомъ неудачу за Ляоянъ слагали на Орлова, за Шахе—на всѣхъ, кромѣ Куропаткина, за Сандепу—на Гриппенберга, а за Мукденъ—на Каульбарса.

Но, возвращаясь къ Вафангоу, позволяю себѣ думать, что главная отвѣтственность остается все-таки на Куропаткинѣ. Она обусловливается прежде всего тѣмъ, что, подчинившись „какъ солдатъ“ приказу наступать для выручки Артура, онъ не отдался исполненію этого приказанія всей полнотой

*) По авторитетному заявленію ген. Жилинскаго, въ николаевской академіи ген. штаба видно, что генералу Куропаткину предложено было на выборъ два плана: или, выставивъ къ югу заслонъ, всѣми силами обрушиться на армію Куроки и отбросить ее за Ялу, причемъ японцы врядъ ли бы предприняли что нибудь серьезное противъ Портъ-Артура, по крайней мѣрѣ—до поры, до времени;—или, оставивъ сильный заслонъ противъ Куроки, значительными силами двинуться на югъ для операцій противъ войскъ, непосредственно дѣйствующихъ противъ Портъ-Артура. Изъ нихъ онъ выбралъ второй, наименѣе рекомендованный.

душевныхъ силъ и потому не принялъ всѣхъ мѣръ для наилучшаго обезпеченія успѣха операціи. Такъ, онъ многократно увѣдомлялъ генерала Стесселя, что готовить ему сильную выручку, а въ дѣйствительности назначаетъ силы совершенно недостаточныя для осуществленія этой выручки.

Генералу Штакельбергу даны были 1-я и 9-я вост.-сиб. стрѣлк. бригады съ ихъ артиллеріей, 2-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи, Приморскій драгунскій полкъ, два сибирскихъ казачьихъ полка и двѣ забайкальскихъ казачьихъ батареи. Это въ сущности и составляло тѣ двѣ дивизіи пѣхоты съ дивизіей казаковъ, съ которыми Куропаткину первоначально, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ предлагалось штабомъ намѣстника-Главкома идти на выручку Артура. Но уже депешою отъ 18 мая предлагая Куропаткину безотлагательно произвести наступленіе съ цѣлью выручки Портъ-Артура, намѣстникъ выражалъ желаніе, чтобы силы, для этого назначаемыя, были доведены до 4-хъ дивизій. И это понятно. Съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго соотношеніе силъ измѣнилось, и, конечно, не въ нашу пользу. Японцы высадили на Квантунъ двѣ арміи, взяли Цзиньчжоу и оттѣснили къ Артуру дивизію Фока, на содѣйствіе которой мы рассчитывали въ этой операціи.

Во-вторыхъ, сознавая трудность руководить операціями войскъ за 200—300 верстъ и имѣя уже опытъ Тюренчена, генералъ Куропаткинъ и на этотъ разъ, даже при усугубившейся трудности операціи, все-таки остался въ Ляоянѣ.

До сихъ поръ точно неизвѣстно, какая имъ была дана задача генералу Штакельбергу. Одни говорили, что цѣль его дѣйствій отвлечь на себя вниманіе осаднаго корпуса, оттянуть часть его силъ къ сѣверу и тѣмъ замедлить тѣсное обложеніе; другіе понимали выручку въ болѣе простомъ и тѣсномъ смыслѣ разбить японцевъ и, если не заставить ихъ отказаться отъ осады Портъ-Артура съ суши, то, во всякомъ случаѣ, нанесеннымъ пораженіемъ ихъ обезсилить, въ то же время увеличивъ гарнизонъ Артура.

Какъ понималъ самъ генералъ Куропаткинъ слово „выручка“, трудно сказать. Часто его употребляя, онъ только однажды далъ намекъ на раскрытіе его смысла, когда писалъ генералу Стесселю, что выдвинулъ ему „навстрѣчу до Вафангоу“ сильный отрядъ и скоро продвинется далѣе.

На отсутствіе опредѣленныхъ директивъ, данныхъ Штакельбергу, указываетъ и самый ходъ боя. Въ первый день его—1-го іюня мы оборонялись на заранѣ намѣченной позиціи; ночь съ 1-го на 2-е провели въ колебаніяхъ, то намѣреваясь отступленіемъ своимъ оттянуть на сѣверъ отъ Артура противника, то рѣшаясь перейти въ наступленіе, чтобы разбить врага. казавшагося намъ поколебленнымъ неудачными попытками сбить насъ съ позиціи.

Всѣхъ этихъ колебаній не могло бы быть, если бы генералу Штакельбергу его задача была формулирована ясно и опредѣленно.

Отсутствіе такой формулировки можно было бы еще извинить, если бы самъ командующій арміей былъ близко къ оперирующему корпусу. Но, пов-

торяю, онъ оставался въ Ляоянѣ, несмотря на то, что по словамъ его генераль-квартимейстера ген. Харкевича, сказаннымъ мнѣ утромъ 2-го іюня, „мы (были) наканунѣ важныхъ событій“.

Увы, мы были уже гораздо ближе къ новому пораженію. Въ то время, когда эта громкая фраза произносилась, исходъ нашего наступленія у Вафангоу уже опредѣлился.

Я не буду описывать и разбирать этотъ бой, участникомъ котораго не былъ, такъ какъ задержанный болѣзнью въ Мукденѣ, попалъ въ Ляоянъ только ночью съ 1-го на 2-ое іюня и не могъ изъ него тотчасъ же выѣхать далѣе безъ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей. Да это и не входитъ въ мои задачи. Онѣ сводятся къ выясненію полководческой личности Куропаткина, въ данномъ случаѣ — къ выясненію того, что сдѣлалъ командующій арміей для подготовки успѣха.

И опять приходится сказать, какъ и относительно Тюренчена,—почти что ничего.

А между тѣмъ, опять-таки, времени для этого было достаточно, если вспомнимъ, что наступленіе 1-го корпуса началось въ половинѣ мая, а рѣшено было и того ранѣе.

Объѣхалъ-ли генералъ Куропаткинъ войска, которымъ ставилась такая важная трудная задача? Говорилъ-ли онъ имъ о святомъ долгѣ выручки отрѣзанныхъ въ Артурѣ товарищей? Нѣтъ и нѣтъ. А эта моральная подготовка была такъ важна, особенно послѣ нашей неудачи подъ Тюренченомъ! И если все-таки духъ войскъ, дравшихся подъ Вафангоу, по свидѣтельству участниковъ, былъ вели-

колѣпенъ, то, конечно, мы обязаны этимъ не генералу Куропаткину, а искони высокимъ качествамъ русскаго солдата. Вѣдь это фактъ, и его подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи самъ генераль Гернгроссъ, что войска, подошедшія мѣстами къ противнику на сто шаговъ, несмотря на страшный зной, на утомленіе и адскій огонь противника, орудійный и ружейный, не хотѣли отходить по приказаніямъ, полученнымъ чрезъ адъютантовъ и ординарцевъ, и потребовался объѣздъ позицій лично генераломъ Гернгроссомъ, уже раненымъ, чтобы войска начали отступленіе.

Сдѣлалъ-ли что-нибудь генераль Куропаткинъ, чтобы ускорить движеніе генерала Штакельберга, начатое отъ Дашичао въ срединѣ мая и развивавшееся крайне медленно, какъ бы неохотно? Нѣтъ. И будетъ понятно-почему, если мы вспомнимъ несочувствіе генерала Куропаткина этому наступленію.

Осмотрѣлъ-ли генераль Куропаткинъ позицію южнѣе Вафангоу, выбранную барономъ Штакельбергомъ для того, чтобы при оттягиваніи противника на сѣверъ нанести ему большія потери? Нѣтъ. А съѣздить туда въ пульмановскомъ вагонѣ было достаточно времени съ 23 мая по 1 іюня.

И если бы командующій арміей туда поѣхалъ, онъ увидалъ бы, что позиція выбрана неудачно, укрѣплена поверхностно, а войска расположены не-искусно. Позиція не соотвѣтствовала силамъ, имѣла одинъ путь отступленія, опорныхъ пунктовъ на ней не было, рѣка Фуджоу-хэ препятствія не представляла, высоты сѣверо-восточнѣе деревни Паджян-гудзя давали возможность противнику скрытно раз-

вернуть свои силы и огнемъ своей артиллеріи вдоль рѣки разъединить оборону западнаго и восточнаго участковъ нашей позиціи.

Военно-инженерное искусство не на много усилило эту слабую позицію. Болѣе или менѣе солидныхъ укрѣпленій возведено не было. Вырыты были на высотахъ окопы для артиллеріи и выкопаны для стрѣлковъ ровики незначительной профили. Старые японскіе окопы остались неразрушенными. Работали по укрѣпленію позиціи китайцы, среди которыхъ всегда бывало нѣсколько переодѣтыхъ японцевъ.

Растянутый по фронту боевой порядокъ растянуть былъ и въ глубину, причемъ резервъ, состоявшій не только изъ пѣхоты, но и артиллеріи, стоялъ въ двухъ группахъ.

Если бы командующій арміей посѣтилъ войска, готовившіяся къ бою, то, вѣроятно, диспозиція для боя была бы отдана. А то и тогда, и теперь говорятъ, что и на этотъ разъ, какъ подъ Тюренченомъ, диспозиціи отдано не было. Въ ней же представлялась особая надобность для второго дня боя, когда было рѣшено перейти въ наступленіе.

Разногласіе въ штабѣ по этому вопросу было такъ велико, что, какъ говорили потомъ, начальникъ штаба 1-го сиб. корпуса, г.-маіоръ Ивановъ, не раздѣлявшій наступательныхъ тенденцій, отказался составлять диспозицію на 2-е іюня и устранился отъ дѣлъ.

Въ роли начальника штаба въ этотъ день выступилъ полк. Гурко, но диспозиція осталась не составленной и войска дрались, какъ тогда же говорили, „по записочкамъ“.

Если бы генераль Куропаткинъ болѣе активно относился къ судьбѣ возложенной на него операціи, то и слѣдующіе за нимъ начальники сдѣлали бы то же самое.

Между тѣмъ командиръ корпуса, ген. Штакельбергъ прибылъ къ войскамъ, начавшимъ наступленіе въ половинѣ мая, только 23-го числа и руководилъ войсками въ бою такъ же издалека, какъ ген. Засуличъ подѣ Тюренченомъ. Только этимъ отдаленнымъ руководствомъ и можно психологически объяснить и это продолжительное колебаніе о характерѣ дѣйствій для второго дня боя и то, что наши батареи, стоявшія открыто на высотахъ, и на этотъ день оставлены были на тѣхъ же позиціяхъ, по которымъ японцы пристрѣлялись еще наканунѣ.

Въ частности, отсутствіе опредѣленно поставленнаго корпусу плана дѣйствій и продолжительное колебаніе—что дѣлать дальше, имѣли результатомъ то, что, рѣшившись перейти въ наступленіе, мы не подтянули къ себѣ съ вечера и за ночь подкрѣплений изъ Гайчжоу, тогда какъ къ японцамъ за это время подошло почти двѣ дивизіи. Вообще съ удивительной точностью повторены были генераломъ Куропаткинымъ подѣ Вафангоу всѣ промахи въ обезпеченіи успѣха и руководствѣ операціей, допущенные имъ подѣ Тюренченомъ. И результатъ былъ тотъ же, несмотря на героизмъ войскъ.

Но ореолъ Скобелевской славы, осѣнявшій Куропаткина, былъ такъ великъ, что и въ этотъ разъ общественное мнѣніе арміи не его винило въ новомъ пораженіи. Все негодованіе, вся боль обиды

за напрасныя жертвы и бесплодное геройство, обрушились на ген. Штакельберга. Безъ злобы, безъ раздраженія о немъ не могли говорить и не стѣснялись говорить даже очень крупныя лица въ арміи. Второй уже генераль терялъ довѣріе своихъ войскъ, но командующаго арміей это, повидимому, не смущало: и генераль Засуличъ, и ген. Штакельбергъ оставались командовать корпусами. Страдали по прежнему „стрѣлочники“.

Правда, послѣ Вафангоу слѣдствія назначено не было, но и безъ него отозваны были въ Ляоянь „на покой“ генераль Ивановъ и полковн. Гурко.

Первый—за проявленіе гражданскаго мужества не подписать роковой диспозиціи; второй,—пожалуй, за такое же мужество, принять на себя въ трудную минуту тяжелыя обязанности начальника штаба *).

Относительно самого генерала Куропаткина передавали, что онъ рвалъ и металъ на Штакельберга

*) На покоѣ, въ положеніи „опальнаго боярина“, какъ шутили тогда въ Ляоянѣ, полк. Гурко пробылъ почти два мѣсяца—и былъ назначенъ затѣмъ начальникомъ конницы Южнаго отряда. На представленіе ген. Сахарова, что есть лица старше полк. Гурко, ген. Куропаткинъ отвѣтилъ:—„Онъ сынъ фельдмаршала, его имя произведетъ отличное впечатлѣніе на войска“. Полк. Гурко оказался отличнымъ боевымъ офицеромъ и начальникомъ, но этого то ген. Куропаткинъ, видимо, въ немъ не угадалъ и какъ оказывается оцѣнивалъ его по инымъ мотивамъ, которые я бы назвалъ „военнымъ сентиментализмомъ“. Руководиться ими—путь скользкій и опасный вообще, а у насъ, въ особенности. Даже такихъ „народныхъ героев“, какъ Суворовъ, Кутузовъ и Скобелевъ, солдаты наши знаютъ только поверхностно, больше по имени,—поэтому я сомнѣваюсь, чтобы сибирскіе казаки, которыми пришлось командовать полк. Гурко, знали что либо о боевыхъ заслугахъ его отца—фельдмаршала.

за неудачу, а потомъ успокоился, будто бы, на томъ соображеніи, что такъ какъ Вафрангоуская операція была ему навязана, то неуспѣхъ ея только доказываетъ вѣрность его взглядовъ.

Дорогой цѣной покупала Россія спасеніе репутаціи Куропаткина, какъ стратега!

VII.

Отношеніе къ войскамъ.

— „Я люблю войну. На войнѣ офицеръ поправляется...“

(*Куропаткинъ*).

— „Я люблю войну. Каждая нація имѣетъ право и обязанность распространяться до своихъ естественныхъ границъ...“

(*Скобелевъ*).

Послѣ Вафангоу я впервые увидѣлъ Куропаткина среди солдатъ,—среди раненыхъ.

Извѣстно, что послѣ того какъ русское общество и армія извѣрились въ таланты Куропаткина, какъ военнаго администратора, тактика и стратега,—его защитники и тамъ, и тутъ особенно настойчиво подчеркивали его любовь къ солдату, его заботливость о немъ.

Трудно, тяжело и непріятно говорить и спорить съ ними по этому вопросу. Упускаютъ изъ виду, что забота полководца о солдатѣ есть не только его священный долгъ, но и прямая его выгода.—„Сила арміи въ ногахъ“,—говорилъ Морицъ Саксонскій, разумѣя между прочимъ важность хорошей и легкой обуви для солдатъ.—„Сила арміи въ котлѣ“,—говаривалъ, перефразируя этотъ афоризмъ, генераль

Г—вичъ на Курскихъ маневрахъ.—„Главное дѣло, чтобы солдатъ всегда былъ сытъ — поучалъ Мищенко.—Отъ сытости здоровье и веселье. Сытый солдатъ бодръ духомъ и готовъ работать 24 часа въ сутки. Отъ сытости и порядокъ. Сытый солдатъ отъ своей части не отобьется...“

Ясно, что отождествлять любовь къ солдату съ заботой о немъ не всегда возможно. Послѣдняя можетъ быть дѣломъ простого, холоднаго расчета. Я думаю, что такъ оно и было у Куропаткина. И этотъ расчетъ онъ лишь драпировалъ словами жалости, участія и любви къ солдату, когда своимъ немного глуховатымъ медлительнымъ голосомъ говорилъ:

— Ради Бога, ужъ вы тамъ постарайтесь, чтобы доставить въ войска, пока нѣтъ полушубковъ, хоть теплые китайскіе халаты...

И это „ради Бога“ звучало такъ сердечно, что слышавшіе его уходили очарованными Куропаткинымъ.

— Какъ онъ любить солдатъ!—воскликали они, не замѣчая цѣлаго ряда фактовъ, противорѣчившихъ этому выводу. Факты эти свидѣтельствовали не только объ отсутствіи истинной, безкорыстной любви Куропаткина къ солдату, къ той сѣрой арміи вообще, которая несла на себѣ тяготы войны, но и объ отсутствіи выдержки въ желаніи казаться любящимъ и заботливымъ.

Ни въ чемъ у него не было системы и все было отрывочно и случайно. Возьмемъ хотя бы вопросъ о наградахъ для нижнихъ чиновъ. Рациональная его постановка—одинъ изъ крупныхъ факторовъ моральнаго воздѣйствія на войска. Нашъ солдатъ очень

цѣнить этотъ маленькій серебряный „егорьевскій“ крестикъ и охотно жертвуетъ за него жизнью. То обстоятельство, что этотъ крестикъ — единственная солдатская боевая награда — за нею уже слѣдуетъ крестъ деревянный, т. е. награда въ небесахъ, — обязываетъ: съ одной стороны — не скупиться особенно на него, а съ другой — отличать имъ дѣйствительно достойныхъ. Отъ многихъ авторитетныхъ защитниковъ Портъ-Артура приходилось уже слышать мнѣніе, что скудость Стесселя на солдатскіе кресты имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что на вылазки находилось все меньше и меньше охотниковъ. Но не приходилось по крайней мѣрѣ слышать, что въ Артурѣ награждали этими крестами не за подвигъ, а за званіе. Между тѣмъ на маньчжурскомъ театрѣ войны это было одно время введено Куропаткинымъ въ правило. Такъ, обходя санитарные поѣзда съ ранеными, Куропаткинъ награждалъ знакомъ отличія военнаго ордена всѣхъ раненыхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей.

Сперва въ поѣздъ являлся адъютантъ командующаго арміей, обыкновенно — полковникъ гр. Бобринскій, и опрашивалъ: кто унтеръ-офицеръ? Койки ихъ отмѣчались, и затѣмъ командующій арміей, обходя вагоны, съ ними бесѣдовалъ и имъ вручалъ награды. Бывали такіе факты, что крестъ получалъ унтеръ-офицеръ съ оторваннымъ пальцемъ, а рядовой, пробитый нѣсколькими пулями, или лежавшій съ забинтованною головою такъ, что виднѣлся только кончикъ носа или глаза, или лишившійся всей ноги или руки, оставался безъ награды...

И тотъ, кто шелъ по этимъ вагонамъ велѣдъ за многолюдной и блестящей свитой командующаго, могъ подслушать солдатскія рѣчи, осуждавшія этотъ порядокъ.

— „Ваше высокоблагородіе, неужели мнѣ креста не дадутъ? Я вѣдь весь бой выдержалъ... раненъ изъ послѣднихъ... Сами видите, что отъ руки осталось, а мнѣ креста нѣтъ... А вотъ взводный мой первымъ раненъ, на пунктъ унесли—и крестъ получилъ. Оно, конечно, пускай получаетъ, только за что же насъ обходить?“...

Согласитесь, что такіе обходы санитарныхъ поѣздовъ не только не подымали духъ войскъ, а скорѣй угашали его. Вѣдь многіе изъ этихъ раненыхъ рядовыхъ, залѣчивъ свои раны, возвращались въ строй и, оставаясь рядовыми, знали, что и при новой ранѣ имъ рассчитывать на крестъ нельзя. Представленія же начальства нижнихъ чиновъ къ знаку отличія военного ордена ходили по штабамъ томительно долго, долго вылеживались затѣмъ въ управленіяхъ дежурныхъ генераловъ, подвергались тамъ совершенно механическимъ сокращеніямъ и, получивъ утвержденіе, нерѣдко не заставляли уже въ живыхъ „кавалера“.

Одинъ изъ батареинныхъ командировъ рассказывалъ мнѣ даже слѣдующій фактъ, которому я съ трудомъ бы повѣрилъ, если бы не зналъ товарищаразсказчика. За Ляоянъ, гдѣ батарея его геройски исполнила свой долгъ, представлено было человекъ 10—12 къ знаку отличія военного ордена. Утверждено было къ награжденію только восемь. Батарея получила оффиціальное объ этомъ увѣдомленіе и

списокъ удостоенныхъ. Въ день торжественной раздачи наградъ эти восемь были вызваны, поздравлены и получили кресты. Батарея шумно привѣтствовала своихъ новыхъ „кавалеровъ“. Офицеры ихъ цѣловали. Товарищи-солдаты кричали имъ „ура“ и качали. И вдругъ въ разгаръ этой радости командира батареи вызываютъ въ штабъ.

— Вы получили лишніе кресты.

— Никакъ нѣтъ.

— А я говорю—да. Извольте вернуть три креста.

— Мнѣ назначено на батарею восемь и я получилъ восемь.

— Нѣтъ, вамъ назначено пять.

— Никакъ нѣтъ, восемь. Вы сами поздравили восемь человѣкъ.

— Нѣтъ, я поздравилъ пять. Извольте три вернуть.

— У меня бумага.

— Это ошибка.

— Но кресты уже выданы.

— Извольте три вернуть.

— Я не могу этого сдѣлать.

— Я вамъ приказываю.

— Я не могу этого сдѣлать. Я не знаю, съ кого мнѣ снять.

— Извольте повиноваться и доставить мнѣ три креста...

Наслушавшись въ заключеніе, что батарея его ничего особеннаго не сдѣлала, чтобы ее такъ награждать, командиръ батареи ушелъ, рѣшившись крестовъ не выдавать. Но за ними прислали изъ штаба адъютанта.

Пришлось уступить.

— Взволнованный и смущенный до послѣдней степени собралъ я батарею — рассказывалъ мнѣ подполковникъ Л.—и передалъ ей вкратцѣ свою бесѣду съ начальствомъ и требованіе послѣдняго.

— Рѣшайте сами, кто долженъ вернуть кресты, а для меня вы всѣ равны въ своемъ геройствѣ и въ заслугахъ на крестъ.

Поблѣднѣли не одни кавалеры. Пошептались между собой и порѣшили, что вернуть кресты должны трое послѣднихъ, стоящихъ въ спискѣ. Сняли эти съ себя заслуженные кресты и отдали. О впечатлѣніи, которое долженъ былъ произвести весь этотъ эпизодъ на батарею,—судите сами.

Но вернемся къ раздачѣ крестовъ лично командующимъ. И тутъ оказывались обойденными не только рядовые, но и унтеръ-офицеры. Помню, оставъ отъ свиты командующаго арміей при обходѣ имъ санитарнаго поѣзда съ ранеными подъ Вафангоу, я былъ остановленъ однимъ раненымъ.

— Ваше высокоблагородіе, я—фельдфебель, раненъ, а креста мнѣ не дали... Это по ошибкѣ. Меня тутъ не было, въ вагонѣ, когда спрашивали, кто тутъ унтеръ. Явите милость, доложите обо мнѣ командующему арміей.

Я спросилъ его, кто онъ такой и о претензіи на знакъ военнаго ордена фельдфебеля 11 роты 4-го вост.-сиб. стрѣлк. полка Егюшина передалъ полковнику гр. Бобринскому. Тотъ тутъ же доложилъ Куропаткину и послѣдній, такъ какъ поѣздъ уже ушелъ, по телеграфу приказалъ сообщить куда-

нибудь—въ Телинъ или Куанченцы о пожалованіи Егосину креста.

— А то что же, бѣдняга, всю дорогу будетъ сокрушаться о крестѣ. Пусть утѣшится...

Но этотъ знакъ вниманія и участія, быть можетъ не единичный, былъ все-таки фактомъ случайнымъ.

Припоминается, что однажды, кажется—передъ Ляоянскимъ боемъ, при обходѣ Куропаткинымъ другого санитарнаго поѣзда, я снова былъ остановленъ однимъ изъ солдатъ, кучей ходившихъ за командующимъ. Онъ также сообщилъ мнѣ, что, будучи унтеръ-офицеромъ и раненымъ, онъ не получилъ креста. Теперь онъ возвращался въ строй. Я уже зналъ причину и потому спросилъ его прямо:

— Тебя въ поѣздѣ везли?

— Такъ точно.

— Командующій арміей обходилъ его?

— Никакъ нѣтъ, не былъ.

— Оттого и не получилъ. Если бы на твое счастье обходилъ—былъ бы у тебя крестъ.

— Не повезло, стало быть,—сказалъ раненый, отходя отъ меня.

Дѣло въ томъ, что, взявъ, было, себѣ за правило посѣщать санитарные поѣзда, командующій арміей, когда число этихъ поѣздовъ увеличилось, дѣлалъ это уже изрѣдка. Ему, дѣйствительно, могло быть недосугъ, но отъ его имени могъ всегда это дѣлать кто-либо изъ чиновъ его многочисленнаго штаба.

Помню, наконецъ, что при обходѣ Куропаткинымъ того же поѣзда съ ранеными подъ Вафангоу, вѣроятно, не меня одного неприятно поразилъ фактъ

незаслуженнаго недовѣрія, проявленнаго имъ къ одному изъ раненыхъ. Тотъ, взволнованнымъ, возбужденнымъ голосомъ доложилъ, между прочимъ, командующему арміей, что, будучи съ патрулемъ на крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, онъ въ числѣ другихъ семи человѣкъ раненыхъ былъ захваченъ японцами въ плѣнъ и отведенъ въ фанзу. Вечеромъ ихъ, одного за другимъ, японцы стали выводить изъ фанзы и прикалывать. Тогда рассказчикъ, не дожидаясь своей очереди, собрался съ силами, выскочилъ въ окно, скрылся въ гаолянѣ, пробрелъ всю ночь и добрался до своихъ. Куропаткинъ выслушалъ все это съ видимымъ недовѣріемъ и, зажавъ въ рукѣ крестъ, предназначенный рассказчику, прошелъ мимо. Недоумѣніе отразилось на лицахъ рассказчика и его сосѣдей—слушателей.

Думается, что усумниться было позволительно, но такъ какъ доказать несправедливость этихъ словъ ничѣмъ было нельзя, то лучше было бы повѣрить, чтобы не обойти наградой и не оскорбить недовѣріемъ человѣка въ томъ случаѣ, если онъ говорилъ сущую правду.

Но были случаи и массоваго оскорбленія Куропаткинымъ людей, выполнявшихъ свой долгъ, своимъ недовѣріемъ, своими поспѣшными выводами и приговорами.

Такъ, отрѣшивъ полковника Громова отъ командованія 22 полкомъ за отступленіе его подъ Тюренченомъ, ранѣе чѣмъ слѣдствіе выяснило обстоятельства, при которыхъ оно совершилось, генералъ Куропаткинъ распространилъ свое неудовольствіе и на солдатъ этого полка. Натыкаясь на нихъ среди

раненыхъ подъ Тюренченомъ при обходѣ санитарнаго поѣзда, онъ никому изъ нихъ не далъ креста, и, говорятъ, только иронически спрашивалъ: „а ты японцевъ видѣлъ?“...

Между тѣмъ слѣдствіе выяснило, „что роты во время и послѣ боя отходили въ возможномъ, при столь пересѣченной мѣстности, порядкѣ“.

Такое отношеніе командующаго арміей было руководящимъ для другихъ чиновъ арміи, и 22 полкъ, вплоть до Ляояна, былъ въ какомъ то обособленномъ положеніи штрафованнаго, положеніи, невыносимомъ для солдатъ и офицеровъ, ибо ихъ всячески обходили своимъ вниманіемъ начальники и казнили какъ постояннымъ напоминаніемъ о Тюренченѣ, такъ и долгой безсмѣнной службой на передовыхъ постахъ восточнаго отряда. Мы же знаемъ теперь, что этотъ вопросъ—„видѣли ли вы японцевъ?“—слѣдовало задать не 22 полку, который ихъ видѣлъ, а другимъ лицамъ, которые дѣйствительно ихъ не видали, но которые ни къ какому слѣдствію не привлекались и остались на своихъ мѣстахъ.

И это наказаніе младшихъ за грѣхи старшихъ было явленіемъ довольно обычнымъ. Такъ, въ ноябрѣ 1904 года мнѣ передавали въ штабѣ главнокомандующаго и въ штабѣ 3 сибирскаго корпуса, что генералъ Куропаткинъ отклонилъ представленіе къ наградамъ офицеровъ этого корпуса за бои у Каотайцзы—Бенсиху, возложивъ, такимъ образомъ, на нихъ отвѣтственность за неудачный исходъ наступленія арміи въ сентябрѣ—октябрѣ на Шахэ и въ частности—за неудачу обходнаго движенія этого корпуса. Между тѣмъ можно винить въ этой не-

удачѣ кого угодно—самого Куропаткина, начальника восточной группы войскъ, генерала Штакельберга, командира корпуса, генерала Иванова,—но только не войска, трое сутокъ штурмовавшихъ „Проклятую сопку“ у Каотайцзы, проявляя чудеса стойкости и мужества. И если эта сопка осталась въ рукахъ японцевъ, если обходное движеніе корпуса на Бенсиху было остановлено, то виновать въ этомъ, говорю какъ очевидецъ, генераль Иванова, прекрасный человекъ, знающій артиллеристъ, отличный позиціонный генераль, что онъ и доказалъ подъ Ляояномъ, но неудачно импровизированный Куропаткинымъ полководецъ.

Дѣйствія одного только батальона подполк. Некрасова противъ „Проклятой сопки“, откуда на этотъ геройскій, но злополучный батальонъ, подобравшійся къ ея подножію, скатывались огромныя каменные глыбы, который разстрѣливался пулеметами, который безъ провіанта просидѣлъ подъ сопкой три дня и двѣ ночи, все выжидая удобнаго момента для штурма,—должны составить блестящую страницу въ исторіи 21 вост.-сиб. стрѣлк. полка, свидѣтельствуя о вѣчно живомъ геройскомъ духѣ русской арміи.

И генераль Куропаткинъ напрасно говорилъ послѣ Хайчена и, говорятъ, писалъ даже объ этомъ въ Петербургъ, что за 28 лѣтъ, истекшихъ со времени русско-турецкой войны, русскій солдатъ и русскій офицеръ стали хуже. По справедливости должно сказать, что хуже стали генералы и среди нихъ—самъ Куропаткинъ. Вѣдь это фактъ, что именно онъ не оправдалъ репутаціи, заслуженной

имъ въ русско-турецкую войну. За эти 28 лѣтъ онъ сдѣлалъ себѣ, правда, внѣшнимъ образомъ блестящую карьеру, но за то и далеко отошелъ отъ той армейской среды, изъ которой вышелъ и которая долго считала его своимъ человѣкомъ.

На нее онъ смотрѣлъ теперь только, какъ на „пушечное мясо“. А почетныя назначенія, награды и матеріальное благополучіе предоставлялъ представителямъ той новой для него среды, которые могли быть ему полезны своими связями и положеніемъ въ Петербургѣ.

Въ арміи, въ свое время надѣлала не мало шума исторія назначенія командиромъ 8-го (а можетъ быть и 5-го—не помню точно) сиб. казачьяго полка одного изъ адъютантовъ Куропаткина въ чинѣ ротмистра. Вотъ какъ передавалъ эту исторію однажды за обѣдомъ въ одномъ кружкѣ, гдѣ былъ и я, генералъ С.

— Является ко мнѣ сегодня—говорилъ онъ—адъютантъ командующаго, ротмистръ графъ С. и представляется по случаю назначенія его командиромъ сибирскаго казачьяго полка?

— Какъ?—изумленно спрашиваю я—вы? командиромъ полка?

— Такъ точно,—уже смущенно отвѣчаетъ ротмистръ.

— Какъ же это такъ случилось—спрашиваю я его.

— Командующій арміей предлагалъ полкъ полковнику графу Б. Тотъ отказался. Потомъ—полковнику К.—также отказался, барону О.—также отка-

зался... Я—слѣдующій по старшинству адъютантъ, командующій мнѣ и предложилъ... Я не счелъ себя въ правѣ отказаться...

— Ну, а еслибъ вы отказались, такъ командующій предложилъ бы слѣдующему, штабъ-ротмистру князю У., и тотъ также долженъ былъ бы согласиться.—Удивляюсь! А командовали ли вы эскадрономъ?—Оказалось, что командовалъ нѣсколько недѣль на законномъ основаніи...

— Смѣлый вы человѣкъ,—говорю я ему,—что беретесь командовать теперь казачьимъ полкомъ.

Ротмистръ ушелъ чрезвычайно смущеннымъ.

— Завтра, чего добраго, полкомъ назначать командовать Торчинова *), —закончилъ свой рассказъ генералъ С., безъ вѣдома котораго состоялось назначеніе ротмистра.

Но не принять полка уже было нельзя графу С. и онъ его принялъ, прокомандовалъ имъ нѣсколько недѣль и вернулся въ штабъ командующаго. Мѣсяца черезъ два, три онъ былъ произведенъ въ гвардіи полковники и снова принялъ тотъ же полкъ, въ которомъ онъ съ полковничьими погонами уже не чувствовалъ себя такъ неловко передъ старыми войсковыми старшинами.

О чемъ свидѣлствуетъ этотъ фактъ? О томъ, что въ пониманіи Куропаткина, очевидно, не штабъ существовалъ для арміи, а армія для штаба. Доказываетъ развѣ онъ любовь Куропаткина къ тѣмъ, кто въ рядахъ арміи несъ тяжелую будничную и во всѣхъ отношеніяхъ плохо вознаграждае-

*) Торчиновъ—ординарецъ Куропаткина, прапорщикъ милиціи изъ осетинъ.

ему ю службу? Конечно, нѣтъ. Наконецъ, развѣ подобныя назначенія отвѣчали интересамъ службы? Неужели во имя ея обходился цѣлый рядъ штабъ-офицеровъ, имѣвшихъ и большой служебнѣй опытъ и военное образованіе? Нѣтъ и нѣтъ. И такое отношеніе Куропаткина къ рядовымъ армейскимъ офицерамъ свидѣтельствуется не однимъ рассказаннымъ выше случаемъ. Я могъ бы привести и другіе, но этотъ—самый яркій.

Но и въ штабѣ Куропаткина были не только „Веніаміны“, но и пасынки. Такъ, припоминается мнѣ маленький, но характерный эпизодъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Л.,—очень дѣльнымъ, симпатичнымъ, но, къ сожалѣнію, и очень скромнымъ человекомъ. Послѣ боевъ на Шахѣ въ сентябрѣ и октябрѣ 1904 года капитану поручено было, по приказанію Куропаткина, составить діаграммы силъ нашихъ и японскихъ.

— Вы ихъ потомъ и отвезете въ Петербургъ,—сказано было ему для обоощренія въ трудѣ.—Дадите тамъ объясненіе лично.

Командировка предстояла лестная. И вдохновленный ею, а также мечтой хоть на нѣсколько дней вырваться въ Петербургъ, повидать жену и родныхъ, отдохнуть мѣсяць-полтора отъ тяжелыхъ однообразныхъ впечатлѣній жизни въ Чансямутунѣ, капитанъ Л. засѣлъ въ полутемной фанзѣ за составленіе и вычерчиваніе діаграммъ. Согнувшись надъ каной, упершись въ нее колѣнями, въ самой неудобной позѣ, работалъ онъ, не покладая рукъ нѣсколько дней, и представилъ не карты, а картины. И вотъ, когда работа была сдѣлана, ему ска-

зали: сперва—что представлять высокому начальству діаграммы будетъ не онъ, а флигель-адъютантъ кн. Трубецкой; онъ же Л., будетъ лишь его сопровождать для объясненій по вопросамъ, которые могутъ вытечь изъ доклада кн. Трубецкаго; а потомъ бѣдному Л. объявили, что онъ вовсе не поѣдетъ, а сопровождать кн. Трубецкаго будетъ сотникъ гр. Адлербергъ. Капитанъ Л. остался на одномъ куропаткинскомъ „спасибо“, для передачи котораго приказано было позвать „того капитана, который составляетъ діаграммы“. Фамиліей даже не поинтересовались.

О системѣ раздачи наградъ можно было бы рассказать очень много. Ограничусь здѣсь немногимъ. Всѣ помнятъ приказъ по арміи, отданный уже въ декабрѣ 1904 г. и гласившій: „замѣчено мною, что командиры частей представляютъ къ награжденію за боевыя заслуги орденомъ св. Владимира съ мечами и бантомъ и золотымъ оружіемъ, съ надписью за „храбрость“, такихъ лицъ, которыя не оказали особыхъ подвиговъ личнаго мужества...“ и т. д. Этотъ упрекъ былъ обращенъ не по адресу и слишкомъ запоздалъ. Весь штабъ командующаго арміей былъ украшенъ и золотымъ оружіемъ, и Владимиромъ съ мечами и бантомъ, а за какіе подвиги личнаго мужества?

Я хорошо помню тотъ день, когда генералъ Б. сообщилъ въ кружкѣ чиновъ штаба, что командующій арміей разрѣшилъ награждать чиновъ управленій арміи также орденами съ мечами и бантами. „Ура“ покрыло это сообщеніе. Съ этого и началась наградная вакханалія. Титулярный совѣтникъ За-

дорощенко, личный секретарь командующаго арміей, награжденъ былъ по представленію начальника санитарной части орденомъ св. Станислава 3 ст. съ мечами. Тѣмъ же орденомъ награжденъ былъ чиновникъ Шевцовъ, занимавшійся перепискою на машинкѣ въ вагонѣ командующаго... Что же, скажите, пожалуйста, панегиристы генерала Куропаткина, такое сравненіе въ наградахъ дѣйствительныхъ боевыхъ трудовъ, тягостей и лишеній строевыхъ офицеровъ съ заслугами чиновниковъ, жившихъ въ комфортабельной обстановкѣ, не обезцѣнивало боевыхъ трудовъ, боевыхъ наградъ арміи и свидѣтельствовало о любви къ ней?!

Я вообще затрудняюсь сказать, что дѣлалось командующимъ арміей для подъема духа войскъ. Кромѣ знаменитаго приказа передъ наступленіемъ въ сентябрѣ—ни одного обращенія къ арміи, нравственно потрясенной небывалымъ ходомъ кампаніи. Все свелось къ короткой стереотипной фразѣ: „на дѣюсь братцы, постараетесь“—съ которою Куропаткинъ обращался и къ войскамъ, приходившимъ на театръ войны, и къ тѣмъ, кто исполнилъ уже свой долгъ, запечатлѣвъ его своею кровью—къ раненымъ, въ санитарныхъ поѣздахъ. Я хорошо помню эти слова, сказанныя Куропаткинымъ въ одномъ изъ санитарныхъ поѣздовъ наканунѣ ляоянскаго сраженія.

Солдаты очень скоро оцѣнили это приглашеніе „постараться“. Одна изъ сестеръ милосердія передавала мнѣ слѣдующій свой діалогъ съ раненымъ солдатомъ одного изъ полковъ злополучной орловской дивизіи, бѣжавшей подъ Янтаемъ.

— Какъ же вы это бѣжали?!—спрашивала она.

— Бѣжали, сестрица, бѣжали.

— Да вѣдь вы только что изъ Россіи прибыли?

— Только что, сестрица, только что.

— Я сама видѣла, какъ командующій арміей съ вами здоровался, просилъ васъ постараться, послужить—и вы ему обѣщали.

— Да, какъ же не обѣщать. Ему это первое удовольствіе такъ съ нами здороваться.

А вотъ и иллюстрація заботъ командующаго арміей. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1904 года, въ хмурый холодный вечеръ я встрѣтилъ на мукденскомъ вокзалѣ начальника 6 вост.-сиб. стрѣлк. дивизіи ген.-м. Данилова, который, залѣчивъ свою рану въ ногу, полученную въ сентябрѣ подъ Проклятой сопкой, возвращался теперь къ войскамъ. Прихрамывая, опираясь на трость, генералъ со скучающимъ видомъ ходилъ по перрону.

— Вотъ брожу въ ожиданіи завтрашняго поѣзда—усмѣхаясь сказалъ мнѣ генералъ.

— Долго ждать...

— Да и холодно, а главное—не знаю, гдѣ спать буду. До этапа далеко, да и поди биткомъ набить. Придется продремать на стулѣ.

На счастье генерала я могъ предоставить ему для ночлега цѣлое купе въ вагонѣ, чѣмъ онъ былъ чрезвычайно обрадованъ.

Въ такомъ положеніи находились подчасъ высшіе строевые чины арміи. Въ какомъ же пребывали низшіе, все это рядовое офицерство?! Бывалъ ли генералъ Куропатникъ на этапахъ? Видалъ ли онъ, въ какихъ условіяхъ жило тамъ офицерство? Зналъ ли

онъ, что оно пило и ѣло на этихъ вокзальчикахъ, и какія цѣны тамъ за все драли?

Говорятъ, что однажды у себя за обѣдомъ Куропаткинъ выразился:—„Я люблю войну. На войнѣ офицеръ поправляется“...

Какъ—кто! А строевой офицеръ едва ли могъ поправить и свое здоровье, и свои финансы, когда съ него въ походномъ отдѣленіи гв. эк. общества брали за теплые сапоги по 19 рублей.

Въ началѣ войны, когда войскъ было мало, офицерамъ, пріѣзжавшимъ изъ отрядовъ Ляоянъ, разрѣшено было еще довольствоваться въ столовой штаба командующаго арміей. Потомъ, когда офицерства этого стало много, это было воспрещено. Правда, это мотивировалось тѣмъ, что за каждого столующагося командующій арміей приплачивалъ изъ собственныхъ суммъ, но мнѣ кажется, что находившихся въ распоряженіи командующаго арміей суммъ было достаточно, недоставало только умѣнія ими распоряжаться.

18-го іюля, въ день боя подъ Хайченомъ, въ санитарномъ вагонѣ я былъ свидѣтелемъ выдачи пособій изъ этихъ суммъ раненымъ офицерамъ. Въ вагонъ явился тотъ же полковникъ гр. Бобринскій и, опросивъ раненыхъ офицеровъ объ ихъ служебномъ положеніи, выдалъ отъ имени командующаго арміей раненому въ отрядъ генерала Мищенко полковнику К., бывшему на правахъ командира полка, 800 рублей на „починку кителя“, какъ онъ выразился,—ротному командиру, семейному,—500 р. и несемейному оберъ-офицеру—250 руб. Это было настолько щедро, что полковникъ К. тотчасъ же пере-

далъ 300 р. для раздачи раненымъ нижнимъ чинамъ того же поѣзда.

Думается, что если можно было быть столь щедрымъ въ раздачѣ пособій, то можно было на эти деньги и организовать довольствіе офицеровъ, хотя бы въ такихъ центрахъ, какъ сперва Ляоянь, а потомъ Мукденъ. Помнится, что въ дни сентябрьскаго наступленія, обходя позицію 11-го и 12-го полковъ, я пораженъ былъ условіями, въ которыхъ принуждены были жить офицеры. Меня всегда интересовалъ вопросъ, какъ и чѣмъ они питаются. Вернувшись въ Мукденъ, я получилъ отъ главнаго полевого интенданта арміи предложеніе въ короткой запискѣ высказать, что не достаетъ войскамъ по части продовольственной. Я тогда же указалъ на отсутствіе нормированныхъ цѣнъ на припасы, продававшіеся такъ называемыми „шакалами“—маркитантами по невѣроятнымъ цѣнамъ—и главнымъ образомъ на желательность обезпеченія офицеровъ казеннымъ пайкомъ изъ артельнаго котла.

Такъ практиковалось нѣкогда у насъ въ батареѣ во время большихъ волынскихъ маневровъ и мы, офицеры, уже не заботились о своемъ обѣдѣ, а ѣли вмѣстѣ съ нижними чинами. О томъ же, кажется, говорилъ генералу Губеру другой военный корреспондентъ П. Н. Красновъ. Надо отдать справедливость ген. Губеру, онъ не былъ педантомъ и пользовался всякимъ практическимъ указаніемъ, откуда бы оно не исходило. И потому, въ ноябрѣ состоялся приказъ по арміи, которымъ устанавливался казенный паекъ для офицеровъ, врачей, священниковъ и сестеръ милосердія. Но въ общемъ

должно сказать, что заботы объ офицерствѣ было мало. Отсутствіе таковой не искупалось такими вещами, какъ раздача заурядъ-прапорщикамъ погонъ въ даръ отъ имени командующаго арміей.

Кстати по поводу послѣдняго факта. Командующій арміей пожелалъ, чтобы погоны заурядъ-прапорщиковъ имѣли номера дивизій. Ему на это указали, что это не соотвѣтствуетъ законоположенію о заурядъ-прапорщикахъ. Онъ выразилъ недовѣріе и недоумѣніе къ тому, чтобы это обстоятельство не было предусмотрѣнно соотвѣтствующимъ приказомъ по военному вѣдомству. Ему показали этотъ приказъ, подписанный имъ самимъ въ качествѣ военнаго министра.

Въ общемъ, это были, конечно, пустяки, обращать вниманіе на которые было тѣмъ болѣе странно, что соблюденіе формы одежды въ маньчжурской арміи было упразднено. Въ то время какъ въ мукденскомъ штабѣ обращали на это самое серьезное вниманіе и преслѣдовали всякія рубашки, куртки и тужурки, въ Ляоянѣ на этотъ счетъ было совершенно свободно. Одѣвался кто во что хотѣлъ, и я видѣлъ на ляоянскомъ вокзалѣ офицера въ сѣрой коломянковой рубашкѣ, подпоясанной шарфомъ, при шапкѣ и револьверѣ, но въ спальныхъ кожаныхъ туфляхъ, одѣтыхъ на сѣрые носки. Съ наступленіемъ зимы этотъ маскарадъ сталъ еще пестрѣе, кожаныя куртки, сюртуки на мѣху, тулупы и теплые китайскіе халаты—все можно было видѣть одинаково и на офицерѣ, и на солдатѣ, и порой ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга. Это сейчасъ же сказалось на отданіи воинской чести: ее постепенно перестали отдавать и это было, конечно, однимъ

изъ элементовъ упадка дисциплины и деморализаціи арміи. Странно, что, заботясь о номерахъ дивизій на погонахъ заурядъ-прапорщиковъ, генераль Куропаткинъ не оцѣнивалъ въ то же время должнымъ образомъ дисциплинирующее значеніе воинской одежды вообще. Но это пристрастіе къ мелочамъ, къ деталямъ—характерная черта въ личности и дѣятельности генерала Куропаткина.

Ему ставятъ еще въ заслугу сбереженіе здоровья арміи, отсутствіе въ ней эпидемическихъ болѣзней. Подождемъ объ этомъ говорить до опубликованія истинныхъ цифръ военно-медицинскаго отчета за войну. Но вотъ фактъ, проливающий нѣкоторый свѣтъ на заботливость Куропаткина и въ этой области. Казалось бы, гдѣ-гдѣ, а ужъ въ Мукденѣ-то можно было бы заблаговременно приготовить помѣщенія для госпиталей. А между тѣмъ, что представлялъ изъ себя въ сущности госпиталь Георгіевской общины отряда имени Императрицы Маріи Ѳеодоровны?—Рабочую казарму, острогъ, но не госпиталь. Я посѣтилъ его впервые 31 октября 1904 года. Было холодно въ тепломъ пальто, грязновато и неуютно; земляной полъ; стѣны только что начинали штукатурить; деревянные нары; керосиновые лампы; соломенные грязные мѣшки вмѣсто матрасовъ и подушекъ; разноцвѣтныя китайскія одѣяла, подъ которыми дрожали больные и раненые, особенно тѣ, которые лежали близко къ дверямъ, выходящимъ прямо на улицу, и постоянно хлопавшимъ. Тамбуровъ, предохранявшихъ бы больныхъ, что бы ихъ не обдавало холодомъ, сыростью и вѣтромъ, сдѣлано не было. Только подъ 21-мъ ноября записано въ

моей книжкѣ, что въ госпиталѣ стало немного лучше. „Правда, по прежнему сыро, но уже не нары, а кровати, деревянные, некрашенныя и на нихъ красныя байковыя одѣяла. На оштукатуренныхъ, но еще не просохшихъ стѣнахъ кое-гдѣ олеографическія картинки изданій генерала Богдановича“. Вотъ и всѣ улучшенія едва ли не въ лучшемъ госпиталѣ.

И это рядомъ съ роскошнымъ поѣздомъ главнокомандующаго! Нѣтъ, пусть не спѣшатъ говорить объ его любви и заботливости объ арміи.

VIII.

Дашичао.

Неудачи подъ Тюренченомъ и Вафангоу, отвѣтственность за которыя общественное мнѣніе въ арміи возлагало на генераловъ Засулича и Штакельберга, сильно поколебали необходимое для успѣха на войнѣ довѣріе войскъ къ своимъ вождямъ. Особенно сильно возбуждены были страсти противъ барона Штакельберга. Ясно всѣми сознавалось, что пока войсками 1-го сибир. корпуса будетъ непосредственно руководить этотъ генераль, на нихъ нельзя возложить никакой отвѣтственной боевой задачи. Но генераль Куропаткинъ упорствовалъ и не желалъ отнимать командованіе у ген. Штакельберга, котораго съ началомъ войны самъ вызвалъ въ армію.

И вотъ, чтобы заполнить пропасть, раздѣлившую войска отъ ихъ старшаго начальника, чтобы сглаживать всѣ шероховатости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, чтобы поддержать духъ однимъ и удерживать другихъ (разумѣю—Штакельберга, Засулича, Левестама и пр.) отъ поспѣшныхъ и ошибочныхъ рѣшеній,—генераль Куропаткинъ рѣшилъ оставить Ляоянь и приблизиться къ войскамъ,

5-го іюня 1904 года, въ 7 ч. вечера, вмѣстѣ съ

начальникомъ штаба, генераль-квартирмейстеромъ и старшими адъютантами, онъ уѣхалъ въ Дашичао.

Съ этого момента Куропаткинъ началъ размѣниваться, не найдя середины, на которой онъ былъ бы близокъ къ войскамъ въ нужные моменты, какъ командующій арміей, и въ то же время далекъ отъ вмѣшательства въ распоряженія частныхъ войсковыхъ начальниковъ. Для него, какъ человѣка ординарныхъ способностей, эта близость оказалась пагубной; „мелочи жизни“ все болѣе и болѣе стали его увлекать, частныя распоряженія по войскамъ Южнаго отряда стали заслонять директивы и общія идеи, которыя и такъ были мало ему свойственны. Мы перестали вдругъ слышать о Штакельбергѣ, ибо все уже дѣлалось именемъ генерала Куропаткина. Командующій арміей сталъ командовать корпусомъ. Позже онъ командовалъ дивизіями; еще позже—полками и ротами. Съ высоты этихъ должностей все труднѣе стало ему охватывать общее положеніе дѣлъ, оцѣнивать обстановку, проникать въ замыслы противника. Онъ сталъ болѣе впечатлителенъ къ слухамъ, вслѣдствіе чего и начинается рядъ ударовъ по воздуху.

Такъ, 14 іюня генераль Левестамъ, командуя дивизіей на Далинскомъ перевалѣ, очистилъ его, полагая, что на него вышли здѣсь главные силы арміи Куроки...

— ...Имъ вездѣ мерещатся главные силы!—съ понятнымъ негодованіемъ воскликнулъ генераль Мищенко, упорная трехдневная оборона которымъ Сахотана была сведена къ нулю.

И онъ былъ правъ въ этомъ восклицаніи.

Однако, иначе, отнесся къ донесенію Левестама Куропаткинъ. Повѣривъ донесенію, что на Далинскій перевалъ вышли главныя силы арміи Куроки, командующій арміей собралъ 40 баталіоновъ и самъ повелъ ихъ отбивать перевалъ обратно.

— Къ его изумленію и негодованію,—разсказывалъ участникъ этой экспедиціи,—ударъ этимъ кулакомъ пришелся по воздуху. Японцевъ на перевалѣ не оказалось, и онъ безъ боя былъ снова нами занятъ.

Генералъ Левестамъ остался командовать дивизіей, а генералъ Куропаткинъ вернулся командовать корпусомъ въ Дашичао.

Въ Петербургѣ же было донесено, что „произведенною рекогносцировкой въ направленіи къ Далинскому перевалу обнаружено, что японцы нѣсколько отступили отъ занятыхъ ими наканунѣ позицій; оставленные японцами заставы, силою въ нѣсколько ротъ, послѣ небольшой перестрѣлки отошли назадъ“.

* * *

Бой подъ Дашичао назрѣвалъ. Чувствовалось, какъ все болѣе и болѣе скапливалось электричество вокругъ этого пункта, который охватывался кольцомъ японскихъ армій,—пока еще достаточно широкимъ. Всѣ съ тревогой и нетерпѣніемъ ждали слова, которое должно было въ значительной степени предрѣшить исходъ кампаніи. Отступимъ мы отъ Дашичао или нѣтъ?—вогъ вопросъ, который волновалъ насъ всѣхъ. Большинство высказывалось противъ отступленія просто потому, что вѣрило въ себя, въ наши силы, способныя сломить японцевъ;

другіе—потому, что понимали, какъ эти непрерывныя отступленія подрывали духъ войскъ, деморализовали ихъ; третьи—потому что сознавали важное стратегическое значеніе этого пункта, которымъ нельзя было, не слѣдовало поступаться (въ особенности такъ легко, какъ мы потомъ имъ поступились).

Стоя на позиціяхъ у Дашичао, мы владѣли Инкоу, владѣя Инкоу—владѣли всѣмъ теченіемъ Ляохэ, что было крайне важно уже потому, что по этой рѣкѣ доставлялись намъ въ изобиліи изъ Монголіи фуражъ, скотъ и продовольственные припасы, потому,—что, владѣя Ляохэ, мы закрывали доступъ японцамъ въ Монголію и тѣмъ обезпечивали ея спокойствіе *).

Въ штабѣ думали иначе. Тамъ видимо подготавливали общественное мнѣніе арміи къ новому отступленію и потому утверждали, что Дашичао намъ не нужно; что ошибочно заставляютъ Куропаткина сосредоточивать армію между Дашичао и Ляояномъ, а не между Телиномъ и Мукденомъ, а нѣкоторые говорили даже—Харбиномъ.

Самъ Куропаткинъ еще колебался, колебался не только въ томъ, отстаивать ли упорно Дашичао

*) Опасенія за Монголію мы почувствовали очень скоро послѣ эвакуаціи Инкоу—Дашичао. Вотъ, что записано въ моемъ дневникѣ 5 августа 1904 г.:—„генераль А. Б. Г. сообщилъ мнѣ, что сегодня у командующаго совѣщаніе относительно Ляохейскаго отряда, положеніе котораго становится серьезнымъ и который требуетъ все новаго и новаго усиленія... Западный фронтъ начинаетъ насъ беспокоить. Говорятъ, японцы направили по Ляохэ сильныя отряды по обоимъ берегамъ... Съ отдачею Инкоу и Ляохэ японцамъ, по словамъ А. Б. Г., мы испытываемъ уже нѣкоторое затрудненіе въ мясѣ. Доставка его изъ Монголіи затруднилась“...

или нѣтъ, но и вообще, принимать ли ему подѣ Дашичао бой или очистить позиціи безъ него.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ числа 25-го или 26-го іюня въ вагонѣ командующаго арміей состоялся военный совѣтъ, на который приглашены были только начальникъ штаба арміи и генераль-квартирмейстеръ.

Вотъ, что рассказывалъ мнѣ одинъ генераль со словъ одного изъ участниковъ этого совѣта.

Генералу Харкевичу было предложено высказаться первымъ, и онъ высказался за бой. Онъ говорилъ, что и превосходныя позиціи, и личное присутствіе Куропаткина обезпечиваютъ намъ успѣхъ его.

Генераль Куропаткинъ благодарно и сочувственно кивалъ головой во время рѣчи генераль-квартирмейстера...

Генераль Сахаровъ болѣе критически отнесся къ достоинствамъ позиціи у Дашичао, не находя ее „превосходною“. Онъ говорилъ, что боится ставить въ этомъ бою на карту вѣру арміи и русскаго народа въ Куропаткина.—„До сихъ поръ мы могли утѣшаться, что терпѣли поряженія Засуличи, Штакельберги и успокаивать себя тѣмъ, что когда возьмется за дѣло самъ Куропаткинъ,—побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Если мы будемъ разбиты и подѣ Дашичао—у насъ изсякнетъ послѣдняя надежда.“ И онъ совѣтовалъ безъ боя отступить къ Хайчену или, еще лучше, къ Айсандзяну.

Послѣ его рѣчи Куропаткинъ долго сидѣлъ въ молчаливомъ раздумьѣ, и, наконецъ, сказалъ:—„Сдадимъ Дашичао безъ боя. Сдѣлайте распоряженіе объ отступленіи къ Хайчену...“.

Въ тотъ же вечеръ часть обоза отправлена была назадъ къ Хайчену. Составлялась диспозиція войскамъ для отступленія... А за ночь Куропаткинъ передумалъ. Утромъ слѣдующаго за совѣтомъ дня эвакуація Дашичао была остановлена, обозы возвращены... Сказано: „будемъ сражаться!“... А еще на слѣдующій день, 28-го іюня, рѣшено отступить отъ Дашичао безъ боя... Но и это рѣшеніе не приведено было въ исполненіе, благо японцы не настаивали,—не атаковали.

И предоставивъ это дѣло волѣ Божіей, командующій арміей 9 іюля уѣхалъ изъ Дашичао въ Ляоянь, а 10-го утромъ выѣхалъ со штабомъ въ Аньпинъ и далѣе въ Гудзядзы, въ районъ расположенія 10-го корпуса, откуда, говорятъ, предполагалось движеніе на Фынхуанченъ.

Припоминается, что наканунѣ, вечеромъ, во время ужина, за которымъ присутствовалъ и генералъ С., высказывалось недоумѣніе по поводу этого переѣзда командующаго арміей съ крайняго праваго фланга на крайній лѣвый. Недоумѣвалъ и самъ генералъ С.—„Положительно не понимаю цѣли этой поѣздки“—говорилъ онъ и, когда въ это время къ намъ на столъ упало нѣсколько крупныхъ капель дождя, (мы ужинали на воздухѣ) поднявъ руку къ небу, онъ полусмѣя, полусерьезно воскликнулъ: „Видите, само небо протестуетъ противъ нашей поѣздки!“

— Но неужели вы не можете отговорить отъ нея командующаго арміей? Вѣдь вы же второе лицо въ арміи.

— На бумагахъ, на бумагахъ—перебилъ, улыбаясь генералъ С.

На другое утро Куропаткинъ уѣхалъ. А японцы какъ будто только этого и ждали—и 11 іюля атаковали наши позиціи. Они три раза ходили въ штыки, намѣреваясь прорвать нашъ центръ, но барнаульцы и омцы ихъ отбросили. Наша артиллерія, выстроивъ батареи на гребняхъ высотъ, стала въ сторонѣ, на закрытыхъ позиціяхъ, и въ первый разъ стрѣляла по невидимой дѣли, нанося противнику серьезный уронъ. Въ общемъ дѣло шло для насъ очень удачно. Тѣмъ не менѣе, согласно полученныхъ указаній, генералъ Зарубаевъ очистилъ Дашичао.

* *
*

Казалось бы, Куропаткину слѣдовало отнестись и къ факту перехода японцевъ въ наступленіе на Дашичао, и къ принятому Зарубаевымъ бою подымимъ, какъ явленіямъ давно ожидаемымъ, а отдавъ приказаніе очистить Дашичао, оставаться въ Гудаядзахъ ради того дѣла, для котораго онъ туда поѣхалъ... Но генералъ Куропаткинъ нервничалъ, и получивъ извѣстіе о началѣ Дашичаоскаго боя, тотчасъ же бросилъ лѣвый флангъ и поскакалъ опять на правый...

— Оку и Куроки его совсѣмъ загоняютъ—шутили въ Ляоянѣ и увѣряли о переименованіи штаба маньчжурской арміи въ полевой летучій штабъ.

Какая надобность была въ возвращеніи Куропаткина къ войскамъ Южнаго отряда,—не знаю. Думаю, что вызвано это было опасеніемъ за настроеніе войскъ послѣ новаго ихъ отступленія—и на этотъ разъ уже послѣ несомнѣннаго боевого успѣха.

Такія отступленія страшно деморализовали войска. Мнѣ пришлось говорить съ цѣлымъ рядомъ войсковыхъ начальниковъ—командирами ротъ, батальоновъ, полковъ, батарей и дивизионовъ и всѣ жаловались на то, что становится все труднѣе удерживать солдатъ въ бою на мѣстѣ.

Далекіе отъ проникновенія въ замыслы своего полководца, далекіе отъ пониманія тактической и стратегической обстановки (ее не знали подчасъ офицеры даже высокихъ ранговъ и положеній), солдаты инстинктивно сознали одно, что какъ ни дерись, а все равно велятъ отступать... Стало быть, всѣ эти жертвы, что ложатся вокругъ, напрасны, и неизвѣстно когда, и гдѣ скажутся ихъ результаты. Къ тому же палящее маньчжурское солнце дѣйствовало на людей, несоотвѣтственно обмундированныхъ и нагруженныхъ, расслабляюще и духовно и физически. Ничего, что бодрило бы и поддерживало въ нихъ энергію, не было.

Многихъ поражали солнечные удары, но еще больше людей оставляло окопы и брело въ тылъ, ссылаясь на изнуряющую жажду, на страшную головную боль отъ жары, на общую физическую слабость... И тѣмъ не менѣе атаки японцевъ подъ Дашичао были блистательно отбиты; наши войска вездѣ удержали свои позиціи и оставили ихъ лишь по приказанію, опять-таки ихъ глубоко оскорбившему и возмущившему. Рассказывали, что это возмущеніе сказалось въ буйствѣ и безчинствѣ проходившихъ черезъ станцію войскъ на вокзалѣ; — что вслѣдъ уѣзжавшему изъ Дашичао въ коляскѣ генералу Штакельбергу слышались бранныя слова...

Все это, конечно, вновь требовало присутствія Куропаткина при этихъ войскахъ, такъ какъ авторитетъ его стоялъ еще высоко, а вѣра въ его полководческіе таланты еще не изсякла.

Не для спасенія ли ея онъ и уѣхалъ изъ подъ Дашичао наканунѣ боя, чтобы предрѣшенный имъ отрицательный исходъ его (отступленіе) и на этотъ разъ не былъ связанъ съ его именемъ?

Какъ бы то ни было, одинъ изъ близко стоявшихъ къ Куропаткину офицеровъ генеральнаго штаба передавалъ мнѣ, что никогда еще командующій арміей не былъ „такъ милъ и благодушенъ, такъ елейно настроенъ“, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ отъ ген. Зарубаева донесеніе объ очищеніи Дашичао—Инкоу.

— Онъ для насъ загадка,—прибавилъ полковникъ.

— А для войскъ тѣмъ болѣе онъ—недоумѣніе,—сказалъ я.

IX.

Хайченъ.

13-го іюля командующій арміей прибылъ со штабомъ изъ Гудаядзы, а 14-го, въ 11 часовъ утра, отбылъ въ Хайченъ, къ которому уже стянулись отъ Дашичао войска Южнаго отряда.

Одинъ изъ двухъ военныхъ корреспондентовъ, которыхъ генераль Куропаткинъ по личному съ ними знакомству удостоивалъ иногда откровеніемъ, рассказывалъ мнѣ въ Хайченѣ, что командующій арміей самъ вписалъ въ его телеграмму слова: „первый періодъ войны конченъ, сосредоточеніе закончено, мы переходимъ въ наступленіе“.

Не знаю, насколько это отвѣчало его истиннымъ намѣреніямъ, но, встрѣтившись 17-го іюля въ Хайченѣ же съ генераломъ Гернгроссомъ, я самъ услышалъ отъ него, что Куропаткинъ сказалъ ему, показывая на рѣку Хайченъ-хэ: „Дальше этой рѣки ни шагу“.

И я готовъ уже былъ повѣрить въ начало новой эры. Я включилъ эти слова въ свою телеграмму; я отстоялъ ихъ передъ очень строгимъ цензоромъ, хотѣвшимъ было ихъ исключить; я отправилъ уже телеграмму со своимъ вѣстовымъ на телеграфную

станцію... Но недовѣріе мое къ рѣшительности и энергіи Куропаткина взяло верхъ, я самъ поспѣшилъ на телеграфъ и вычеркнулъ тамъ слова, передача которыхъ по телеграфу въ Россію, могла только на минуту ободрить русское общество, чтобы, затѣмъ, еще горше было его разочарованіе въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ.

Предчувствіе меня не обмануло. Прибывъ въ 4½ часа утра 20 іюля въ Хайченъ изъ Ляояна, гдѣ я въ теченіе 19 числа оправлялся отъ солнечнаго удара, полученнаго подъ Хайченомъ же наканунѣ, я нашелъ уже станцію очищаемой. Торопливо грузили раненыхъ въ товарные вагоны; спѣшно отправляли подвижной составъ станціи—и дѣлали это такъ поспѣшно, что платформы и вагоны уходили совершенно пустыми, тогда какъ по бокамъ пути лежали горы мѣшковъ муки и крупы, горы круговъ прессованной чумизы, горы бочекъ съ сахаромъ, соломенныхъ матовъ и стоги сѣна. Все это было зажжено въ тотъ же день поздно вечеромъ.

Командующій арміей уже покинулъ Хайченъ, и когда вечеромъ того же дня я проѣзжалъ чрезъ Айсандзянь, возвращаясь въ Ляоянь, я видѣлъ тамъ его освѣщенный поѣздъ.

П. Н. К. рассказывалъ мнѣ о странномъ совпаденіи: 17 іюля Куропаткинъ въ сопровожденіи своего штаба объѣзжалъ хайченскую позицію и вотъ тогда то сказалъ Гернгроссу, переданныя мнѣ послѣднимъ, слова:—„дальше этой рѣки ни шагу“. 18-го—къ Куропаткину пріѣзжалъ Штакельбергъ, и они совѣщались три часа,... а 19-го внезапно рѣшено было очистить Хайченъ.

Въ Ляоянѣ я нашелъ уже карриатуру на послѣднія событія.

— Хотите—говорили мнѣ шутники—видѣть весь ходъ войны изображеннымъ на одной схемѣ?

Я, конечно, хотѣлъ. У меня взяли записную книжку и на одной изъ ея страницъ съ серьезнымъ видомъ начертали: наверху—„Схема № 1“. Потомъ провели компасную стрѣлку остриемъ внизъ, обозначили сѣверъ и югъ. По серединѣ листа вертикально провели прямою линіею желѣзную дорогу и затѣмъ съ одной стороны ея, справа, сдѣлали четыре вѣтки—тупики. Самый южный изъ нихъ (верхній) былъ обозначенъ „№ 1—Дашичао“, слѣдующій—„№ 2—Хайченъ“, слѣдующій—„№ 3—Айсандзянь“ и, наконецъ, „№ 4—Ляоянь“..

Схема была не сложна, но остроумно-краснорѣчива.

Мы очистили Дашичао потому что боялись обхода слѣва. Мы очистили Хайченъ, потому что боялись обхода слѣва. Было несомнѣнно, что мы очистимъ и Айсандзянь, боясь обхода слѣва. Но никто не думалъ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы очистили и Ляоянь изъ боязни обхода слѣва.

Всѣ были убѣждены, что Ляоянь — эта столица манчжурской арміи, этотъ обнесенный оградой фортовъ пунктъ, подъ которымъ съ самаго начала войны всѣ ждали, какъ праздника, рѣшительнаго генеральнаго сраженія и вѣрили всѣ до послѣдняго солдата, что отдать его японцамъ нельзя,—не будетъ имъ отданъ. И если что поддерживало еще духъ войскъ, угашаемый рядомъ отступленій, такъ это именно сближеніе съ Ляояномъ, ожиданіе боя

подъ нимъ и вѣра въ побѣду, послѣ которой пойдѣмъ впередъ.

И эта вѣра, это общее одушевленіе вдохновило одного изъ моихъ коллегъ по перу написать въ концѣ іюля корреспонденцію „бѣлилами“, какъ онъ самъ выражался. Въ ней онъ говорилъ, что все идетъ совершенно по плану и къ лучшему... Эта корреспонденція была дана имъ на просмотръ одному изъ чиновъ штаба.

Черезъ два часа онъ былъ вызванъ къ своему цензору, и тотъ ему конфиденціально и внушительно сказалъ:

— Вы напрасно пишете статьи такого алармистскаго характера и тона. Въ высшихъ сферахъ, а стало быть и командующій арміей, настроены такъ, что, не теряя достоинства Россіи, рѣчь о мирѣ можетъ быть заведена и теперь.

Это говорилось однимъ. А другимъ—писалось и говорилось другое. И что особенно важно, это „другое“ говорилось и писалось для тѣхъ, кто не зналъ лично истиннаго положенія дѣлъ въ арміи, кто не жилъ въ ея атмосферѣ.

Отправляя въ первыхъ числахъ августа фельдегеря Р. въ Петербургъ, Куропаткинъ поручалъ ему передать, что если тамъ недовольны высшими въ арміи начальниками, то ихъ можно смѣстить.— „Въ Россіи найдутся люди... Въ арміи же чувствуютъ себя спокойно, и отступать больше не будемъ“...

Куропаткину было, очевидно, менѣе важно то обстоятельство, что это недовольство существовало уже въ арміи... Ему важно было то, что скажутъ

тамъ... И онъ продолжалъ удерживать на своихъ постахъ и Засулича, и Штакельберга—даже накануне рѣшительнаго ляоянскаго боя... Онъ и въ этомъ вопросѣ умывалъ свои руки, ожидая рѣшеніе его оттуда...

Удивительно, вообще какая рѣзкая дисгармонія существовала между душевнымъ настроеніемъ вождя и духомъ арміи. Въ ней, въ ихъ внутреннемъ духовномъ разладѣ крылась, на мой взглядъ, одна изъ крупныхъ причинъ нашихъ неудачъ.

Вотъ кстати еще одна иллюстрація этого разлада.

Въ первыхъ числахъ августа въ Ляоянѣ былъ приведенъ на двухнедѣльный отдыхъ много потрудившійся передовой конный отрядъ генерала Мищенко. Не дипломатъ, не придворный человекъ, начальникъ его за завтракомъ спросилъ у Куропаткина, опасается ли онъ за Портъ-Артуръ, и выдержать ли крѣпость осаду.

— „По лицу Куропаткина пробѣжала тѣнь“, рассказывалъ мнѣ вопрошавшій. Вопросъ былъ видимо ему непріятенъ, но онъ отвѣтилъ: „Можетъ быть кто нибудь и сомнѣвается, но я нѣтъ и не опасуюсь“,..

Однако въ дальнѣйшемъ разговорѣ у Куропаткина вырвалась фраза: Я хотѣлъ послать въ Артуръ 3-ю дивизію. Мнѣ не позволили и тѣмъ лишили меня душевнаго покоя“.

И это говорилось какъ разъ въ ту пору, когда увѣренность въ Ляоянскую побѣду сводила въ душу всей арміи покой за себя и за своихъ товарищей въ Артурѣ!

Тяжело и грустно вспоминать, чѣмъ это завершилось!

Х.

Ляоянь.—Побѣда.

Глазомѣръ! Быстрота! Натискъ!... Атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ... Въ атакѣ не задерживай... У насъ, русскихъ, нѣтъ тыла.

(Суворовъ).

...Старшему начальнику... въ теченіе боя слѣдуетъ, хотя бы только одинъ разъ, но кстати и во время, проѣхать подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ въ передовыя позиціи, дабы лучше обзрѣть поле битвы... и показать себя передъ началомъ священнаго боя къ атакѣ, достойнымъ подавать столь страшный по послѣдствіямъ сигналъ...

(Послѣдній приказъ Скобелева, 15-го іюня 1882 года, № 58).

—...Ты только на лицо солдата погляди! Такая рожа у него только тогда, когда онъ супостата одолѣлъ...

(Скобелевъ—Драгомирову на переправѣ черезъ Дунай въ 1877 г.).

Съ отходомъ войскъ отъ Хайчена—Симучена на Айсяндзянь—Ляндянсянь—Анпинлинскую позицію Ляоянь началъ готовиться къ торжественному и рѣшительному дню генеральнаго сраженія.

На площади поселка выросла огромная стѣна изъ мѣшковъ съ мукой, крупой и овсомъ. Эту стѣну обшили соломенными матами; изъ нихъ же

сдѣлали крышу на толстыхъ высокихъ столбахъ. Дѣлали все это солидно, прочно, повидимому, надолго.

На всѣхъ путяхъ стояли длинныя ленты поѣздовъ санитарныхъ, продовольственныхъ. Подвозили 5-ый сибирскій корпусъ... Ждали со дня на день головныя части 1-го армейскаго корпуса.

Впереди Ляояна снимали гаолянъ... Спѣшно доканчивали Ляоянскія укрѣпленія.

Но въ военныхъ дѣйствіяхъ опять наступило затишье. Войска горѣли нетерпѣніемъ рѣшительнаго боя, а ихъ въ томительномъ бездѣйствіи держали на позиціяхъ, которыя, по сознанію войскъ, должны были быть ими очищены при первомъ же натискѣ противника, такъ какъ ясно было для всѣхъ, что не онѣ, эти позиціи, та грань, съ которой будетъ сдѣланъ рѣшительный шагъ впередъ. Онѣ были растянуты по фронту на 70 верстъ, неравномѣрно укрѣплены и неравномѣрно заняты войсками. Наиболѣе слабъ былъ лѣвый флангъ этой огромной позиціи—Анпинлинскій ея участокъ, занятый только съ 20 іюля войсками 10-го корпуса.

Слѣдуетъ отмѣтить, что объ Янтаѣ, сыгравшемъ впослѣдствіи такую роковую роль въ исходѣ Ляоянской операціи, какъ то и не говорилось. А между тѣмъ именно лѣвый флангъ и мѣстность въ тылу его представляли особенную важность, такъ какъ съ самаго начала кампаніи выяснилось стремленіе японцевъ къ обходу насъ слѣва. И теперь, можно сказать, наканунѣ Ляоянской битвы, выросъ вдругъ слухъ, что японцы на Ляоянѣ не пойдутъ, а обходятъ его кружнымъ путемъ, дви-

гаясь въ обходъ нашего лѣваго фланга прямо на Мукденъ. Въ подтвержденіе достовѣрности этого слуха указывали на то обстоятельство, что въ Ляоянѣ стали снова возвращаться, покинувшіе было его въ ожиданіи битвы, китайцы-купцы, булочники, прачки.

И опасаясь за Мукденъ, гдѣ въ то время находился штабъ намѣстника—главнокомандующаго, не укрѣпленный и беззащитный, мы въ то же время досадовали, что Ляоянской битвѣ не суждено будетъ разыграться. А вѣдь она была обѣщана войскамъ, какъ реваншъ за всѣ предыдущія отступленія.

— И на кой чортъ мы стоимъ здѣсь!—говорили мнѣ офицеры нѣкоторыхъ частей, занимавшихъ айсяндзянскую позицію.—Все равно драться тутъ не будемъ. Не лучше ли заблаговременно спокойно отойти на ляоянскую позицію. Японцы послѣ каждаго шага впередъ отдыхаютъ, устраиваются, закрѣпляютъ свой успѣхъ и насъ не преслѣдуютъ... Стало быть, мы могли бы отойти спокойно, не спѣша занять ляоянскую передовую позицію, освоиться на ней, укрѣпиться... А то чего добраго, какъ погонять насъ отсюда, такъ мы на своихъ плечахъ принесемъ этихъ япошекъ въ Ляоянъ, да по дорогѣ еще потеряемъ нѣсколько орудій—вотъ и новая японская побѣда...

Такъ оно въ сущности и случилось. Нельзя было не согласиться съ этими простыми, здравыми сужденіями заурядныхъ строевыхъ офицеровъ, такъ ясно понимавшихъ обстановку.

И тѣмъ болѣе страннымъ является то обстоятельство, что этого не понималъ командующій

арміей. И не понимая, онъ колебался въ своихъ рѣшеніяхъ. То, что было подъ Дашичао, гдѣ Куропаткинъ то собирался упорно защищать этотъ пунктъ, то очистить его безъ боя, то принять бой рѣшительный, то, наконецъ, принять бой арріергардный, повторилось цѣликомъ и здѣсь. Первоначально Куропаткинъ намѣревался ограничиться арріергардными боями на позиціяхъ Айсяндзянь—Ляндянсянь—Анпинлинъ и принять рѣшительный бой подъ самымъ Ляояномъ. Но 11 августа онъ мѣняетъ этотъ планъ и принимаетъ рѣшеніе дать на этихъ позиціяхъ упорный бой всѣми силами 1, 2, 3 и 4 сибирскихъ корпусовъ и 10 армейскаго корпуса. Онъ признаетъ возможнымъ не только отразить съ нихъ противника, но при благопріятной обстановкѣ перейти съ нихъ въ наступленіе. Что побудило его къ этому измѣненію плана—понять трудно. Объяснять его только успѣшнымъ сосредоточеніемъ въ районѣ Мукденъ—Шахэ 5 сибирскаго корпуса и прибытіемъ первыхъ эшелоновъ 1 армейскаго корпуса въ Харбинъ недостаточно. Нашъ численный перевѣсъ все таки не искупалъ недостатковъ растянутой и прерывчатой позиціи, по своимъ свойствамъ отвѣчавшей только пассивному образу дѣйствій.

Но и измѣнивъ кореннымъ образомъ свой планъ дѣйствій, генераль Куропаткинъ все же оставлялъ инициативу ихъ въ рукахъ японцевъ. А тѣ, какъ будто, только этой перемѣны плана и ждали. И послѣ трехнедѣльнаго почти бездѣйствія они 11 же числа начинаютъ шевелиться. Въ теченіе этого и послѣдующихъ четырехъ дней происходитъ рядъ боевъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, бой выходитъ неупорнымъ... Мы теряемъ позиціи то тутъ,—то тамъ... И 13 числа отдается приказъ всей арміи отходить на передовыя Ляоянскія позиціи. Отходимъ уже съ боемъ, съ большими затрудненіями, по отвратительнымъ дорогамъ, теряемъ пушки, изнуряемъ людей... Ради чего?

16 августа утромъ утомленные пятидневнымъ непрерывнымъ походомъ и боемъ, подорванные нравственно новымъ отступленіемъ и какъ бы новымъ успѣхомъ врага, войска маньчжурской арміи собираются къ Ляояну... Спѣшно занимаютъ позиціи... Оглядѣться, устроиться на нихъ, приспособить ихъ для себя уже некогда... Противникъ идетъ по пятамъ...

Въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ не успѣли вытащить увязшую въ грязи батарею, какъ уже на нее насѣли японцы... Едва успѣли подхватить тѣла убитыхъ генерала Рутковского и командира 4 вост. сиб. стрѣлк. полка подполковника Раабена.

Уже 16 августа днемъ мы наблюдаемъ съ площади Ляоянскаго поселка разрывы непріятельскихъ шрапнелей. Завтра услышимъ грохотъ пушекъ. Вечеромъ, когда стемнѣло, на высотахъ, кольцомъ окаймляющихъ Ляоянъ, верстахъ въ шести впереди, загорѣлись бивачные огни... Тихо стало впереди. И эта тишь была и жуткая, и радостная вмѣстѣ. Для многихъ эта ночь была послѣднею. Но для тѣхъ, кто уцѣлѣетъ въ этой новой „бородинской битвѣ“, грядущій разсвѣтъ долженствовалъ быть началомъ новаго, свѣтлаго періода кампаніи. Въ

памяти невольно вставало съ дѣтства знакомое Лермонтовское стихотвореніе:

„Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
„И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ“...

.

Для сходства поэтической картины прошлаго съ дѣйствительностью не доставало только этого полковника, который говорилъ:

„Ребята не Москва ль за нами?
„Умремте жъ подъ Москвой,
„Какъ наши братья умирали...

Но къ чести нашихъ войскъ должно сказать, что и безъ этихъ воодушевляющихъ словъ полководца, пониманіе ими важности историческаго момента было полное;—что и безъ нихъ—

„... умереть мы обѣщали
„И клятву вѣрности сдержали
„Мы въ *Ляоянскій* бой...

Вечеромъ, часовъ въ 11, въ послѣдній разъ я былъ въ саду у башни Бейтасы съ пріятелемъ, который чуть свѣтъ долженъ былъ уѣхать въ свой отрядъ.

Въ саду было необычно тихо и малоллюдно, но хозяинъ ресторана „эвакуироваться“ не собирался. Къ нашему столику подошелъ подъесаулъ 1-го sib. казачьяго полка и, чокаясь съ нами стаканомъ шам-

панскаго, предлагалъ выпить за успѣхъ. Мы, конечно, охотно приняли тостъ... А онъ вдругъ опустился на стулъ и горячо, взволнованнымъ голосомъ, началъ говорить, что „даже теперь, когда отступленіе кончилось и мы очевидно рѣшаемъ дать подѣ Ляояномъ генеральный бой, никто не сказалъ войскамъ, что надо тутъ стоять до конца“.—„Вѣдь это же традиція, славная историческая традиція, говорить съ войсками лично или пламеннымъ приказомъ въ такіе знаменательные дни... А тутъ молчатъ... Никого не видно... Никто не выѣхалъ войскамъ навстрѣчу“...

И онъ со злобой стукнулъ кулакомъ по століку.

— И другого добраго обычая не соблюли,—сказалъ поручикъ конной батареи, подошедшій къ століку вслѣдъ за есауломъ,—молебна не отслужили. Святѣни Троицкой по позиціямъ не обнесли.

— Когда-жъ, теперь уже некогда... И такъ еле передохнуть успѣемъ...

И оба они стали винить Штакельберга, что онъ наканунѣ не отправилъ съ разсвѣтомъ обозы, а двинулъ ихъ только 8 часовъ и тѣмъ затянулъ маршъ всего отряда...

— Чего добраго и отъ Ляояна отступимъ—сказалъ кто-то—вокругъ століка стояла уже кучка офицеровъ.

— Ну нѣтъ, баста... Довольно—раздались голоса.

Потомъ, когда событія уже разыгрались, полковникъ ген. шт. Н. Н. О., встрѣтившись со мной на Ляоянскомъ вокзалѣ, уже обстрѣливавшемся, рассказывалъ мнѣ, что съ того момента, какъ онъ узналъ о существованіи секретной диспозиціи на

случай отступленія, онъ понялъ, что дѣло будетъ проиграно, что мы опять отступимъ, что и въ этотъ моментъ у Куропаткина нѣтъ рѣшимости, нѣтъ увѣренности ни въ себѣ, ни въ войскахъ. Да и откуда было имъ взяться, когда ни самъ Куропаткинъ, ни генералы Сахаровъ и Харкевичъ не посѣтили позицій, не соприкоснулись съ душою войскъ, ихъ оборонявшихъ, и чудесно раскрывавшейся на каждомъ шагѣ. Они оставались въ вагонахъ, по прежнему имѣли дѣло только съ бумагой донесеній и бесѣдовали съ крупными начальниками частей по телефону, отдавая имъ мелочныя распоряженія, размѣщая отдѣльные батальоны.

Такъ, поздно ночью 16-го августа Куропаткинъ по телефону приказалъ командиру 10-го корпуса занять сопку между Яютчи и Кавлицуномъ двумя батальонами, такъ какъ это ключъ его позицій...

Какъ будто это генералу Слѣчевскому не виднѣе было на мѣстѣ, а у командующаго арміею въ такую важную минуту не было болѣе крупнаго дѣла, чѣмъ давать своимъ корпуснымъ командирамъ совѣты по элементарнымъ вопросамъ тактики!...

Не знаю, чѣмъ будетъ объяснять свою неподвижность въ эти дни генераль Куропаткинъ. Одинъ губернаторъ, обвинявшійся въ бездѣйствіи власти во время еврейскаго погрома и въ частности обвинявшійся въ томъ, что не выѣхалъ на площадь и лично не воздѣйствовалъ на толпу громилъ, объяснялъ свое поведеніе тѣмъ, что онъ не могъ оторваться отъ телефона въ своемъ кабинетѣ, который звонилъ непрерывно, такъ какъ съ разныхъ концовъ разные власти по телефону просили у него указаній. Такъ было, вѣроятно. и тутъ.

Могутъ, конечно, замѣтить, что командующій арміей не долженъ былъ рисковать въ эти и важные, и страшные дни своей жизнью. Позволю себѣ съ этимъ положеніемъ не согласиться. Всѣ истинно великіе полководцы, одерживавшіе побѣды, въ извѣстные моменты собой рисковали, ибо этотъ рискъ всегда былъ плодотворенъ. Укажу на Наполеона при Арколѣ, на Суворова, всегда и вездѣ рисковавшаго и многократно раненаго, на Скобелева, никогда не упускавшаго случая дать примѣръ мужества войскамъ и тѣмъ воодушевить ихъ къ беззавѣтному исполненію долга. Конечно, нѣкоторые гибли: Густавъ Адольфъ, Тюреннь, Жуберъ. Но развѣ это всегда лишало ихъ войска побѣды? Развѣ это порою не давало ее? И развѣ даже на побѣжденнаго смерть не надѣвала лавроваго вѣнка? И что намъ изъ того, что нашъ командующій ни разу не былъ раненъ, когда мы проиграли такъ ужасно кампанію, не одержавъ ни одной побѣды?!

Да, наконецъ, и подъ Ляояномъ рисковать можно было умѣючи.

Бой кипѣлъ не съ одинаковымъ напряженіемъ во все время на всемъ фронтѣ: утромъ 17 августа было особенно горячо въ центрѣ, менѣе на правомъ флангѣ и на лѣвомъ; къ вечеру 17-го горячо стало на правомъ флангѣ и напряженность боя здѣсь все возрастала до самаго отхода съ передовыхъ позицій, 18-го числа въ 3 корпусѣ было тихо, а въ 10-мъ и совсѣмъ тихо... *) Да, наконецъ, неимовѣрно различна степень опасности для тѣхъ, кто стоитъ

*) О 17 корпусѣ я не говорю, такъ какъ въ немъ мнѣ въ эти дни быть не удалось.

на позиціяхъ, и для тѣхъ, кто ѣдетъ вдоль ихъ. И если бы командующій арміей проѣхалъ по фронту только трехъ корпусовъ: 1-го и 3-го сибирскихъ и 10-го армейскаго, занимавшихъ сравнительно небольшой районъ, онъ понялъ бы многое, чего онъ не понималъ, сидя въ своемъ вагонѣ, чего не чувствовалъ по телефону и чего не могли ему передать въ своихъ донесеніяхъ начальники частей. Я не говорю уже о томъ благотворномъ впечатлѣніи, которое произвелъ бы на войска, только что отбившія атаку, видъ вождя, авторитетъ котораго стоялъ еще довольно высоко... Сознаніе, что ими руководить теперь самъ Куропаткинъ, а не Штакельбергъ и не Засуличъ, еще глубже укрѣпило бы ихъ вѣру въ успѣхъ... Впрочемъ войска не такъ нуждались въ этомъ моральномъ воздѣйствіи, въ этомъ непосредственномъ общеніи съ своимъ вождемъ, сколько послѣдній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій фактъ, сообщенный мнѣ 19 числа двумя ранеными офицерами, капитаномъ 33-й вост.-сиб. стрѣлк. полка Л. и поручикомъ 4-й батареи 1 вост. сиб. стрѣлк. артил. бригады Н. Они говорили мнѣ, что еще 18 августа, въ 3 часа дня, получено было приказаніе отступать, но войскамъ объ этомъ не объявлять. Приказаніе это было до такой степени неожиданно, что не знали, какъ приступить къ его исполненію...

А пока медлили, — пришло уведомленіе, что приказаніе объ отступленіи сдѣлано ошибочно и что безъ особаго приказанія (?) отступать не слѣдуетъ. Стало быть о немъ все-таки думали!? И это въ то время, когда войска, отбивъ всѣ атаки, считали себя уже

побѣдителями и ждали только приказа перейти въ наступленіе. На позиціяхъ ясно всѣми чувствовалось, что энергія противника надломлена, увѣренность его въ себѣ поколеблена, его силы и средства борьбы подходятъ къ концу.

Сообщая вечеромъ 17-го августа штабу сосѣдняго, 10-го корпуса (я какъ разъ въ это время былъ тамъ) о результатахъ боя за день 3-го сибирскаго корпуса—что передовая высота, взятая утромъ японцами, ими очищена, что на лѣвомъ флангѣ корпуса отбиты безчисленные атаки японцевъ, командиръ его, ген.-лейт. Ивановъ прибавлялъ: „Потери огромны, но и бодрость духа еще огромна. Всѣ убѣждены, что мы никогда не отступимъ....“

Переданное войскамъ всѣхъ линій въ самый разгаръ боя того же 17 числа извѣстіе, что гарнизонъ Артура отбилъ блестящимъ образомъ штурмы крѣпости, длившіеся нѣсколько дней, и японцы, по выраженію телефонограммы Куропаткина,—„осѣклись“ и прекратили ея бомбардировку,—еще болѣе подняло духъ арміи и окрылило ее надеждою побѣдою подъ Ляояномъ быстро окончить войну.

— „...Телеграмма генерала Куропаткина, сообщалъ тотъ же генералъ Ивановъ Случевскому,—прочитана всѣмъ на позиціи. Всѣ кричатъ „ура“ и я кричу—„ура!“...“

Вся армія кричала.....

— Наши солдаты были такъ озлоблены на японцевъ,—разсказывалъ мнѣ 19 августа старшій унтеръ-офицеръ 1-й роты 34 вост.-сиб. полка, командовавший ею за убылью всѣхъ офицеровъ, Андрей К.,—что утратили всякій страхъ, стояли въ окопахъ во

весь ростъ, наблюдая за каждымъ движеніемъ противника, чтобы его встрѣтить каждую минуту или пулей, или штыкомъ...

Но японцы, потерпѣвъ неудачу въ цѣломъ рядѣ штыковыхъ атакъ и наполнивъ волчьи ямы своими трупами, къ вечеру 18 августа, уже не склонны были къ нимъ... На правомъ флангѣ, вытянувшись вдоль полотна желѣзной дороги, они залегли за насыпью и, за отсутствіемъ патроновъ, перебрасывались съ нами, лежавшими по другую сторону той же насыпи, камнями. Было отчетливо слышно и видно, какъ японскіе офицеры въ своихъ короткихъ коричневыхъ накидкахъ тщетно старались поднять своихъ людей въ атаку. То одинъ изъ нихъ, то другой выскакивали на полотно, махали палашомъ и звали за собою... Никто не шелъ. За насыпью слышалась возня, брань, удары не то палокъ, не то палашей... Но никто не показывался—и смѣльчаки офицеры скрывались обратно. Наши были въ такомъ экстазѣ благородной увѣренности въ себѣ, въ своей побѣдѣ, что щадили этихъ смѣльчаковъ непріятельскихъ офицеровъ и по нимъ не стрѣляли. По ихъ адресу въ нашихъ окопахъ слышались только то восторженные, то добродушно-ироническія замѣчанія:—Ахъ, молодцы!.. Ишь герой!.. Махай, не махай, все равно не пойдутъ, нынче наша взяла!..

Вообще выдержка, съ которою вели себя въ этотъ день наши войска, была изумительна. На нѣсколько ротъ 1-го вост.-стрѣлк. полка, сильно уже порѣдѣвшихъ отъ защиты люнета и редута подъ „Кулакомъ“, внезапно вышли изъ гаоляна въ разстояніи 800 шаговъ два японскіе батальона. Густой

колонной шли они въ атаку, стрѣляя пачками. Нашимъ ротамъ приказано было не отвѣчать, и онѣ молчаливо подпустили непріятеля на 150 шаговъ. Японцы не выдержали зловѣщей тишины, дрогнули и повернули... Только тогда вслѣдъ имъ мы открыли убійственный огонь.

Тотъ же поручикъ Н., на котораго я сослался раньше, рассказывалъ мнѣ о пѣхотной атакѣ на ихъ батарею утромъ 18 августа. Японцы шли опять-таки густыми колоннами, стрѣляя пачками. Японская артиллерія прекратила уже огонь. Непріятель былъ отъ батареи ближе 150 шаговъ... Прислуга и офицеры обнажили пашки и вынули револьверы. Подъ пачечнымъ огнемъ японцевъ 34 и 35 полки подались назадъ... Тогда на ихъ поддержку въ стройномъ порядкѣ вышелъ 19 вост.-сиб. стр. полкъ во главѣ съ своимъ молодымъ и беззавѣтно храбрымъ командиромъ, полк. Сычевскимъ... Шли, какъ на ученіи, и своимъ неожиданнымъ и грознымъ появленіемъ заставили японцевъ отступить.

Огромныя потери, которыя мы несли, никого не смущали. Когда одну изъ наиболѣе терпѣвшихъ батарей 1-го сиб. корпуса, потерявшую уже болѣе 40 человѣкъ прислуги, хотѣли замѣнить другою, люди кричали.—Не надо, мы всѣ умремъ!

Въ батареѣ убитаго—однимъ изъ первыхъ—подполковника Покатилло, на которую на первую въ предразсвѣтной мглѣ 17 августа бросились японцы и этимъ начали Ляоянскую эпопею, были выведены изъ строя всѣ офицеры, вся прислуга. Оставалось, говорятъ, одно время только пять человѣкъ, которые могли стрѣлять только изъ двухъ орудій. Взводомъ

этимъ командовалъ фейерверкеръ, который, не закрывая рта, кричалъ: „подавай патронъ!“ и стрѣлялъ цѣлый день. Патроны же ему подвозилъ одно время вѣстовой одного изъ офицеровъ, проѣзжавшихъ мимо и увидѣвшихъ безпомощное положеніе батареи.

Извѣстна повышенная нервность раненыхъ. Имъ кажется, что вмѣстѣ съ ними гибнетъ все, и они начинаютъ иллюзіонировать. Въ добросовѣстномъ заблужденіи они клянутся всѣми святыми, что всѣ перебиты, что они видѣли своими глазами, какъ командиру полка оторвало голову, что ротнаго командира разорвало въ клочки, что всѣ офицеры убиты, фельдфебель убитъ—„почитай, всѣ пропали“. По дорогѣ на перевязочный пунктъ они увѣряютъ всѣхъ и каждого, что дѣла наши очень плохи, что непріятеля видимо—невидимо, что противъ него не устоять. Такіе рассказы я слышалъ подъ Дапичао, Хайченомъ и даже еще 15 августа при отступленіи на передовыя Ляоянскія позиціи. Потомъ то же самое слышалъ на Шахэ...

Въ первые два дня ляоянскаго боя—ничего подобнаго. Масса раненыхъ, встрѣченныхъ мною въ эти дни при обѣздѣ позицій 1-го, 3-го и 10-го корпусовъ, поражала своимъ спокойствіемъ, своимъ самоотверженіемъ. Очень охотно, съ большимъ одушевленіемъ они рассказывали объ обстоятельствахъ боя, радуясь, что все идетъ отлично, что мы удержимся, что мы на этотъ разъ погонимъ японцевъ.—„Развѣ можно отдать Ляоянь, ишь чего захотѣли!..“

— Это ничего, что меня ранило, — говорили

другіе—нашихъ еще довольно осталось... За то ужъ сегодня наша взяла... Наворотимъ!..

Легко раненные не хотѣли уходить. Другіе тащились и ковыляли сами, не позволяя товарищамъ себя провожать.

Несли тяжело раненаго фельдфебеля. По дорогѣ онъ пришелъ въ себя и увидалъ, что несутъ его четверо, а двое идутъ съ боку.

— Вы зачѣмъ!—крикнулъ онъ на нихъ.

— На подмогу, Тихонъ Семенычъ... переměниться... Чажало вѣдь...

— Идите назадъ!—строго приказываетъ имъ фельдфебель.

— Вамъ же хуже будетъ, Тихонъ Семенычъ, коли кого изъ насъ убьютъ,—пытаются возражать двое.—Некому донести будетъ...

— Назадъ!—не слушая ихъ, грозно крикнулъ фельдфебель.

— Да, ей Богу, только донесемъ и вернемся... Сами знаемъ время какое,—упрямятся еще тѣ.

— Стой!—приказываетъ фельдфебель.—Я изъ носилокъ выйду...

Двое поворачиваютъ назадъ...

Я не пишу исторіи лоянской битвы. Я не описываю событій въ ихъ послѣдовательномъ развитіи по диспозиціямъ или вопреки ихъ. Я хочу только сказать о томъ, какъ они дрались... Какъ они умирали... И я передаю только тысячную долю того, что видѣлъ и слышалъ на полѣ лоянской битвы 17 и 18 августа 1904 года. Всѣ эти рассказы, летая изъ конца въ конецъ, передаваясь изъ устъ въ уста, вызывали на глаза

слезы умиленія и восторга, и, пробуждая въ сердцахъ стремленіе не отстать отъ другихъ, не посрамить и себя, создавали атмосферу героизма, насыщали воздухъ не только запахомъ крови, но и ароматомъ высокихъ, благородныхъ качествъ человѣческой души. И я чувствую, что здѣсь все это выходитъ блѣдно сравнительно съ тѣмъ подъемомъ души, который былъ тамъ,—который едва ли поддается передачѣ словами, который волнуетъ и теперь при одномъ воспоминаніи, мѣшаясь съ негодованіемъ противъ тѣхъ, которые ничего этого не видѣли, не слышали и не чувствовали.

*
* *
*

Разсвѣтъ 18-го августа засталъ меня въ районѣ 10-го корпуса, куда я прибылъ наканунѣ вечеромъ.

Ночь прошла спокойно. Относительно, конечно. Въ душной фанзѣ, взволнованному всѣми впечатлѣніями минувшаго дня, мнѣ спалось плохо, урывками... И каждый разъ, когда я просыпался, я слышалъ трескотню ружейной перестрѣлки... Она не умолкала... Ждали атакъ—ихъ не было... Утро настало, ясное, свѣтлое, солнечное — и спокойное, тихое... Послѣ вчерашняго грохота канонады по всему южному фронту, рѣдкій артиллерійскій огонь противника сегодня противъ позиціи корпуса можно было назвать тишиной...

Стало извѣстно, что за ночь японцы отступили... Отъ начальника лѣвофланговаго участка позиціи корпуса генерала Васильева пришла даже просьба разрѣшить ему атаковать отступающаго противника. Для этой цѣли онъ просилъ его усилить хотя бы двумя батальонами.

Генераль Случевскій колебался. Идея наступленія атаки обезсиленнаго противника носилась въ этомъ чистомъ, свѣжемъ, бодрящемъ воздухѣ ранняго утра... Она была въ умѣ и сердцѣ каждаго, пережившаго первый день ляоянской битвы и послѣ благополучно проведенной ночи весело и радостно смотрѣвшаго въ лицо второго дня... Но приученный къ вмѣшательству командующаго арміей въ каждый его шагъ, въ каждое его распоряженіе, въ передвиженіе каждаго баталіона, Случевскій не рѣшился распорядиться самостоятельно. Онъ донесъ о просьбѣ Васильева Куропаткину,—тотъ отказалъ.

Но до полученія этого отказа, Васильевъ уже продвинулся впередъ—занялъ двѣ деревни (Татунцзы и Хатуай), прогналъ японцевъ артиллерійскимъ огнемъ изъ третьей (Сіачунцзы) и намѣревался теперь идти дальше, донося, что это „отнюдь не рискованно...“ Онъ хотѣлъ фактомъ своего успѣха подкрѣпить свою просьбу о присылкѣ подкрѣпленія и сломить колебанія корпуснаго командира въ разрѣшеніи ему наступать.

Но было уже поздно. Отвѣтъ Куропаткина былъ на лицо и пресѣкалъ развитіе успѣха.

Васильеву отвѣтили, что задуманное имъ движеніе впередъ нежелательно:—это удлиняетъ позицію корпуса и ослабляетъ его силы... А чтобы лишить энергичнаго начальника возможности дѣйствовать на свой страхъ, ему, отъ имени командующаго арміей, предложили отдѣлить въ резервъ по возможности больше войскъ... „Это нужно, утѣшали Васильева,—для предстоящихъ активныхъ дѣйствій...“

Мы вѣрили и ждали...

Нетерпѣливо ждали ихъ и на фронтѣ сосѣдняго 3-го сибирскаго корпуса, куда я переѣхалъ изъ 10-го послѣ полудня... И здѣсь ночь и утро прошли сравнительно спокойно и благополучно. Попытка японцевъ прорваться на разсвѣтѣ между 3-мъ и 1-мъ сибирскими корпусами была парализована. Деревни, занятыя было ими—Тазы и Шандзяпу—были очищены къ полудню отъ противника артиллерійскимъ огнемъ, искусно руководимымъ такими артиллеристами, какъ самъ корпусный командиръ генералъ Ивановъ, начальникъ его артиллеріи полковникъ Шверинъ и подполковникъ Криштофовичъ,—и прочно заняты нами.

— Мы устояли... Мы устоимъ—говорили мнѣ въ штабѣ и на позиціяхъ генералы, офицеры и солдаты...

Пользуясь затишьемъ въ боѣ, они хоронили убитыхъ товарищей... На одномъ изъ склоновъ волнообразныхъ холмовъ, у самой дороги, выросло уже цѣлое кладбище... Видимо увѣренные, что это мѣсто, купленное кровью, останется за нами, люди дѣлали свое дѣло прочно, основательно, „на совѣсть...“ Могилы обкладывались дерномъ, на нихъ ставились бѣлые, свѣже вырубленные кресты съ надписями... Я читаю ихъ.—„9-го Вост.-Сибир. стрѣлковаго полка поручикъ Іосифъ Дорожнинскій и подпоручикъ Петръ Бирюковъ...“ Оба вмѣстѣ, какъ братья, въ одной могилѣ... Рядомъ:—„Подполковникъ 10-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка В. Н. Рынди́нъ, убитъ 17 августа 1904 года.“

Онъ временно-командовалъ полкомъ—и я вспо-

минаю, что Куропаткинъ, чѣмъ то недовольный имъ, хотѣлъ отрѣшить его отъ командованія...

Смерть помѣшала... Что-жъ, быть можетъ, одной несправедливостью—меньше... Но и однимъ героемъ—также...

* * *

Подходилъ къ концу и второй день ляоянской битвы. Мы по прежнему стояли крѣпко на передовыхъ позиціяхъ, отбивая всѣ атаки противника. Послѣднія становились все болѣе рѣдкими. Только огонь его росъ, и казалось, что онъ хотѣлъ залить насъ дождемъ своихъ пуль и снарядовъ. Но и этотъ потокъ изъ стали, мѣди, свинца и чугуна не въ силахъ былъ смыть ту живую преграду, которая опоясывала Ляоянъ. Увѣренность въ побѣдѣ росла въ нашихъ рядахъ и крѣпла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тише становилось на фронтѣ 3 и 10 корпуса. О томъ, что дѣлалось въ 17 арм. и 5 сибирскомъ корпусахъ, мы на юго-восточномъ фронтѣ не знали, но всѣ твердо вѣрили, что они отразятъ обходящую насъ слѣва армію Куроки. Введенный въ боевую линію, прямо изъ вагоновъ поѣзда, Выборгскій полкъ еще болѣе укрѣплялъ надежду, что мы въ рѣшительную минуту перехода въ наступленіе для довершенія успѣха окажемся въ численномъ перевѣсѣ и съ запасомъ свѣжихъ силъ, въ лицѣ 1 арм. корпуса.

Вотъ съ какими впечатлѣніями вернулся я въ 5-мъ часу дня 18 августа 1904 года въ Ляоянъ изъ района 3-го сибирскаго корпуса, чтобы послать телеграммы о ходѣ боя.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ и сядя въ половинѣ седьмого часа вечера на лошадь, чтобы снова

ѣхать на позицію, я увидѣлъ генерала Куропаткина на бѣломъ конѣ, въ сѣромъ кителѣ, во главѣ обширной свиты, направлявшагося, видимо, къ позиціямъ 1-го сибирскаго корпуса.

— Наконецъ-то!—подумалъ я и рѣшилъ не упустить случая видѣть его руководительство боемъ и, можетъ быть, присутствовать при томъ историческомъ моментѣ, когда введенъ будетъ въ дѣло послѣдній и крупный резервъ въ лицѣ самого вождя.

Я присоединился къ свитѣ.

Теплый августовскій вечеръ. Заходящее солнце, кладя на окрестность красноватый отблескъ, тонетъ къ западу отъ желѣзной дороги въ морѣ гаоляна, покрывающаго равнину, куда только глазъ хватаетъ. Его лучи протянулись по стальнымъ рельсамъ, и они блестятъ, тихіе и спокойные, — не гудящіе и не дрожащіе подъ колесами поѣздовъ, которыхъ на этомъ участкѣ уже больше не видно. Еще вчера по нимъ, и только на дрезинахъ, подвозили груды цинковыхъ ящиковъ съ патронами въ люнетъ у „Кулака“, занятый учебною командою пограничниковъ... Но теперь люнетъ—разверстая могила, и изъ тѣхъ, кого я наканунѣ здѣсь видѣлъ, съ кѣмъ разговаривалъ и ѣхалъ на дрезинѣ, вѣроятно никого уже нѣтъ въ живыхъ, такъ какъ изъ 340 человекъ этой команды отборныхъ молодцовъ съ тремя офицерами уцѣлѣло только 32, вынесшихъ одного тяжело раненаго офицера. Всѣ эти воспоминанія, такія еще близкія и вмѣстѣ съ тѣмъ такія уже далекія и невозвратныя, вмѣстѣ съ ревомъ орудій, трескомъ снарядовъ, трескотней винтовокъ, со всѣмъ этимъ адомъ звуковъ, несущимся намъ

на встрѣчу, создаютъ настроеніе, при которомъ вся прошлая жизнь, со всѣми ея тревогами, волненіями, съ такими же теплыми, но тихими августовскими вечерами кажется сплошной идилліей. Чувствуешь себя на порогѣ вѣчности не только въ смыслѣ личной участи, но и исторической будущности Родины...

Мы ѣдемъ молча, шагомъ. Изрѣдка командуящій арміей останавливается. Навстрѣчу намъ несутъ носилки, на которыхъ что-то безформенное прикрито сѣрымъ одѣяломъ, Поверхъ офицерская стрѣлковая фуражка.

— Кого несете?—останавливаетъ ихъ командуящій арміей.

— 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка капитана Верещагина.

— Убитъ или раненъ?

— Должно померли, ваше высокопревосходительство...—Притихли *).

— Царство небесное герою,—говоритъ Куропаткинъ, снимая фуражку и касаясь ею, при низкомъ поклонѣ, своего стремени.

Мы всѣ также обнажаемъ головы и смотримъ на эту сѣрую безформенную массу, словно желая, сквозь солдатское сукно одѣяла и тѣлесную оболочку убитаго, заглянуть въ его казавшееся намъ тогда застывшимъ сердце и отгадать и пережить все то, что только что имъ было пережито въ этомъ аду, куда мы направляемся.

Нѣсколько секундъ стоимъ мы молча надъ этимъ

*) Шс.-кап. Верещагинъ былъ, къ счастью, только тяжело раненъ и оправился.

тѣломъ; стоитъ командующій, стоитъ его большая свита, стоятъ четыре носильщика, не зная, идти ли имъ дальше, или поставить носилки на землю. Потомъ, какъ то сразу всѣ двигаются, каждый своей дорогой.

Бдемъ дальше. Громыхая, рысью, догоняетъ насъ одно орудіе. Мы всѣ сворачиваемъ съ узкой дороги и останавливаемся, чтобы пропустить его. Впереди молодець-фейерверкеръ. Его лошадь волнуется. Она то хочетъ перейти въ галопъ, то вертится на мѣстѣ, то идетъ рысью. Конь чувствуетъ опасность, изъ которой только что вышелъ и въ которую вновь возвращается. Всадникъ по наружности спокоенъ. Завидѣвъ командующаго арміей, онъ пріосанивается въ сѣдлѣ, беретъ лошадь въ шенкеля, натягиваетъ поводъ и зычно, какъ на учебномъ плацу, командуетъ: „смирно, равненіе налѣво!“ И головы уносныхъ и посаженной на орудія прислуги быстро поварачиваются по командѣ. Куропаткинъ здороваётся съ ними и спрашиваетъ:

— Откуда и куда?

— Опять на позицію. Лафетъ подмѣняли ваше...— кричитъ на ходу фейерверкеръ и конецъ его словъ тонетъ въ грохотъ орудія.

— Съ Богомъ, братцы!—говоритъ имъ вслѣдъ командующій. Но онѣ уже не слышатъ, И мы видимъ только ихъ подскакивающія на рытвинахъ фигуры, какія-то согнувшіяся и жалкія.

Бѣдное пушечное мясо!

Мы ѣдемъ дальше. Отѣхавъ версты три, останавливаемся у стараго китайскаго кладбища при дорогѣ. Какъ всегда, оно засажено деревьями. Тутъ

старыя развѣсистыя пихты, нѣсколько изъ нихъ уже свалилось. Мы стоимъ и наблюдаемъ картину боя, растилающуюся передъ нами. До позиціи версты двѣ, три. Ни одна пуля, ни одинъ снарядъ до насъ не долетаютъ. Но за то, Боже мой, что дѣлается тамъ, на этомъ небольшомъ клочкѣ земли, занятомъ 1-мъ сибирскимъ корпусомъ! Какое количество свинца падаетъ на головы съ неба! Оно все въ бѣлыхъ облачкахъ шрапнельнаго дыма, пронизанныхъ теперь красноватыми лучами заходящаго солнца. Разсѣются десятки однихъ, на ихъ мѣстѣ появляются другіе. И грохотъ, и трескъ безъ конца. Гулъ стоитъ въ воздухѣ. Кажется, что нельзя выйти оттуда живымъ или не раненымъ, какъ нельзя уйти сухимъ изъ-подъ ливня. На всѣхъ упадутъ его капли,—десятки, и сотни и тысячи капель. Такъ и изъ-подъ этого ружейнаго, пулеметнаго и шрапнельнаго дождя нельзя уйти цѣлымъ.

И такъ какъ никого намъ больше навстрѣчу не несутъ и раненые не проходятъ мимо насъ, то кажется, что тамъ никого уже нѣтъ въ живыхъ—всѣ перебиты. Но мы видимъ и слышимъ, какъ громы-хаютъ и наши орудія, какъ и изъ нихъ летятъ въ небо бѣлые дымки... Трещать и наши винтовки... Войска стоятъ, стало быть, держатся.

И послѣ слышаннаго и видѣннаго въ теченіе двухъ дней знаешь твердо, убѣжденно, что и не отойдутъ. Но какіе сверхчеловѣческіе нервы нужно имѣть, чтобы сорокъ часовъ стоять уже подъ этимъ свинцовымъ дождемъ, сорокъ часовъ слышать этотъ неумолчный грохотъ и видѣть смерть и раны своихъ

родныхъ, друзей и товарищей! Какъ велико сознание долга! Какъ сильна дисциплина!

Сумерки сгущаются и словно саваномъ заволакиваютъ горы и поля, столь обильно политыя человеческою кровью.

Мы стоимъ и смотримъ впередъ, не отрываясь. Командующій арміей молча курить папиросу.

Въ потемнѣвшемъ небѣ все труднѣе становится различать клубы шрапнельнаго дыма. Зато виднѣе огоньки выстрѣловъ. Они вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ, по нѣсколько сразу... Грохотъ не умолкаетъ. Впереди загорается деревня. Это должно быть горить Маेतунъ, дотолѣ безвѣстная китайская деревушка, за обладаніе которой вчера и сегодня такъ много пролито крови.

Оглядываюсь назадъ, на Ляоянъ—онъ затянутъ пеленою дыма. Дымъ тянется кверху и сливается съ темно-багровою зловѣщей тучей, пользующей съ сѣверо-запада...

Проходитъ нѣсколько минутъ—и раскаты грома все чаще и сильнѣе начинаютъ смѣшиваться съ грохотомъ битвы. Къ пламени горящихъ деревень, къ огнямъ орудійныхъ выстрѣловъ примѣшивается блескъ молніи, сверкающей все чаще и ослѣпительнѣе.

Туча быстро несется — и въ этомъ быстромъ, словно, гнѣвномъ движеніи ея чудится намъ Божій гнѣвъ на людей за войну... Кажется, грозой своей, небесной, хочетъ Онъ заглушить, потушить грозу земную... И обѣ грозы спорятъ, грохоча, сверкая...

Вотъ уже туча подошла и стала. Весь западъ неба задернулся черною завѣсою... Эта завѣса то и

дѣло раздирается сверху до низу огненными стрѣлами—и въ пылающей пропасти неба страшишься видѣть разгнѣваннаго Бога.

Къ командующему арміей подѣзжаетъ ген. Засуличъ, и они о чемъ-то между собою говорятъ. Передаютъ, будто онъ назначается начальникомъ обороны Ляояна.

Странно! Развѣ его теперь уже не обороняютъ второй день?

Засуличъ уѣзжаетъ въ направленіи къ Ляояну.

Куропаткинъ подзываетъ къ себѣ генерала Маслова, исполнявшаго до сихъ поръ въ Ляоянѣ обязанности начальника гарнизона. Масловъ спѣшившійся, какъ вся уже почти свита Куропаткина, подходитъ къ его стремени и, приложивъ руку къ большому козырьку своей фуражки, слушаетъ, что говоритъ ему командующій арміей. Онъ говоритъ приблизительно слѣдующее: — „Ну вотъ, теперь и вашъ чередъ насталъ. Вы остаетесь по прежнему начальникомъ гарнизона. На вашу долю выпадетъ много трудовъ и опасностей, но я на васъ надѣюсь. Вы останетесь въ Ляоянѣ до конца...“

— Что это значитъ?—смущенно думаю я, стоя у дерева на одномъ уровнѣ съ командующимъ арміей, съ трудомъ улавливая выраженіе его лица въ сумракѣ вечера, жадно ловя его слова и торопливо занося ихъ въ свою книжку, на листахъ которой я уже съ трудомъ различаю въ темнотѣ начертаніе словъ.

Подѣзжаютъ нѣсколько ординарцевъ.

Любимый сотрудникъ Куропаткина, полк. Сиверсъ при свѣтѣ пламени спички читаетъ ему до-

несенія. Отдѣльные слова ихъ жадно ловятся, связываются между собой и оживленно комментируются свитой.

— ...Говорятъ, генераль Штакельбергъ просить свѣжую бригаду, чтобы перейти въ наступленіе... Говорятъ, у японцевъ уже нѣтъ патроновъ. Ихъ упорство сломлено и ихъ обозы начинаютъ уже отходить къ Айсяндзяну...

Но и Штакельбергу отказано, какъ было отказано утромъ Случевскому.

— Николай Николаевичъ, — раздается голосъ Куропаткина, зовущаго Сиверса, — напишите генералу Зарубаеву, чтобы онъ послалъ на подкрѣпленіе красноярцевъ батальонъ тобольцевъ съ толковымъ штабъ-офицеромъ.

Сиверсъ пишетъ, а Куропаткинъ, покуривая папиросу, говоритъ собравшимся у его стремени офицерамъ свиты своимъ спокойнымъ, немного тягучимъ голосомъ.

— Богъ дастъ, завтрашній день будетъ для насъ такой же хорошій, какъ нынче, а послѣзавтра мы ихъ и погонимъ.

Я слышу это отчетливо своими ушами и радуюсь. Вѣдь у насъ еще резервъ не тронуть.

Вызывается очередной ординарецъ и посылается впередъ узнать о положеніи дѣлъ.

— Донесеніе привезете на фортъ № 4; мы туда поѣдемъ, — говоритъ ему вслѣдъ Куропаткинъ. И когда онъ исчезаетъ въ темнотѣ, Куропаткинъ трогаетъ своего коня... Мы переѣзжаемъ дорогу и цѣльной ѣдемъ на фортъ № 4-й. Мы ѣдемъ въ темнотѣ, лишь порой освѣщаемые и ослѣпляемые вспышками

молніи. Справа бой затихаетъ. На фонѣ ружейной трескотни уже выдѣляются теперь отдѣльные орудійные выстрѣлы, и они становятся всѣ рѣже и рѣже.

Мы ѣхали впередъ сперва довольно бойкой рысью, но потомъ остановились, свернули направо, опять остановились, вернулись назадъ, поѣхали влѣво... Фортъ № 4-й видимо намъ не давался въ руки. А тутъ еще и ливень насъ догналъ. Мы остановились въ полѣ, во мракѣ, какъ сбитая съ толку отара, не зная, что дѣлать, гдѣ укрыться отъ дождя, который не оставилъ уже на насъ ни одной сухой нитки, доказавъ лишній разъ, что всѣ „непромокаемые“ пальто промокаютъ. Послѣ короткаго совѣщанія и непродолжительныхъ новыхъ поисковъ дороги на фортъ № 4-й рѣшено было ѣхать въ Ляоянъ, который свѣтилъ намъ огоньками станціи и поѣзда командующаго арміей. По дорогѣ Куропаткинъ остановился у какихъ то интендантскихъ складовъ и вошелъ въ маленькій деревянный сарайчикъ, свѣтившійся единственнымъ окномъ. Говорятъ, тамъ въ это время находился генералъ Зарубаевъ. О чемъ они совѣщались и что было рѣшено въ этомъ совѣщаніи, въ то время мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Промокшіе, продрогшіе, усталые и унылые, мы вернулись въ Ляоянъ, темный, мрачный и безлюдный. Штабъ уже выѣхалъ. Въ отчетномъ отдѣленіи квартирмейстерской части мнѣ показали телеграмму, отправлявшуюся въ Петербургъ. Она содержала нѣкоторыя стратегическія соображенія командующаго арміей, но о ходѣ боя въ теченіе дня не говорила ни слова. Очевидно въ немъ не разобрались и его себѣ не представляли.

Смутное предчувствіе надвигающейся бѣды росло во мнѣ все сильнѣе. Оно зародилось еще тамъ, на полѣ, подъ пихтами китайскаго кладбища, гдѣ я рассчитывалъ увидѣть, какъ полководцы руководятъ сраженіями. Но я не видалъ. Наша группа съ генераломъ въ сѣромъ кителѣ на бѣломъ конѣ во главѣ, по своему удаленію отъ поля битвы, по своему пассивному отношенію къ ней, по этимъ мимолетнымъ, случайнымъ, подчасъ мелкимъ и ненужнымъ замѣчаніямъ и распоряженіямъ походила больше на группу туристовъ, выѣхавшихъ любоваться эффектнымъ, грандіознымъ зрѣлищемъ, чѣмъ на штабъ командующаго арміею, на средоточіе ума, воли и сердца сражающейся арміи. Еще тамъ, глядя на молчаливую, сутуловатую фигуру Куропаткина, на спокойствіе, вѣявшее отъ нея, я думалъ: „этотъ человѣкъ или очень хорошо рассчиталъ свою игру и увѣренъ въ успѣхѣхъ ея, или же онъ ровно ничего не понимаетъ въ сложной обстановкѣ битвы“.

Послѣдующія событія показали, что я былъ ближе къ истинѣ, кажется, во второмъ моемъ предположеніи.

Въ столовой штаба насъ собралось три-четыре человѣка. Съ трудомъ буфетчикъ утолилъ нашъ волчій аппетитъ и мы, усталые и молчаливые, скоро разошлись.

Штабная площадь была темна. Дождь стихъ— и на южномъ фронтѣ опять уже трещали ружья.

— Вотъ неугомонные! — ворчалъ полковникъ Карцевъ, направляясь со мною на ночлегъ въ одинъ изъ безхозяйныхъ теперь домиковъ.

XI.

Ляоянь—Отступление.

...Всякіе планы должны быть основаны на принципѣ пораженія непріятеля. Мудрое правительство можетъ простить неудачу генералу, потерпѣвшему пораженіе вслѣдствіе чрезмѣрной широты своихъ плановъ. Но генераль, ожидающій событій, старающійся обезпечить себя на всякомъ пунктѣ, предпочитающій лучше упустить благопріятный случай, чѣмъ взять на себя отвѣтственность, которой можно избѣжать, такой генераль хорошъ только съ точки зрѣнія врага...

(Сэръ Я. Гамильтонъ.—„Изъ записной книжки штабнаго офицера“, т. II).

— „...Большое счастье для насъ, что Куропаткинъ вчера или третьяго дня не атаковалъ насъ... Нашей удачѣ пока какъ то даже трудно вѣрить...“

(Слова, сказанныя сэру Гамильтону въ штабѣ арміи Куруки 4 сент. (22 авг.) 1904 г.)

„Значеніе мѣстныхъ предметовъ на войнѣ“, соч. Л. Тивалл: „...Почти всегда сраженіе проигрывается, если генераль остается пассивнымъ въ своей оборонительной позиціи, какъ бы она ни была хорошо укрѣплена ...“Замѣчаніе Скобелева: Это глубоко обдумать и при случаѣ не забывать...“

Брезжило дождливое сѣрое утро 19 августа 1904 г. Мутный свѣтъ его, мѣшаясь съ неотлетѣвшими еще тяжелыми сновидѣніями короткой и без-

покойно проведенной ночи, кошмаромъ ложился на душу. Въ ней не было уже энергіи, бодрости, вѣры въ успѣхъ, жажды борьбы, надежды на счастье... Отъ двухъ предшествовавшихъ дней—яркихъ, солнечныхъ, красочныхъ, сильныхъ своими впечатлѣніями—не оставалось и слѣда. Все было другое. И все въ другомъ казалось свѣтѣ. По небу ползли остатки вчерашней грозой разсѣянной тучи и оно казалось тяжелымъ, намокшимъ, сѣрымъ пологомъ госпитальнаго шатра. Почернѣвшія отъ дождя крыши и стѣны брошенныхъ домиковъ, огромныя лужи воды, черная склизкая земля, все наводило уныніе.

Насъ разбудилъ топотъ тысячи ногъ, гулъ толпы. Это безпорядочной толпой шли съ передовыхъ позицій солдаты.

Сѣро-зеленые лица, мутные глаза, безкровныя губы, мокрые спутанные волосы изъ-подъ сдвинутыхъ на затылокъ фуражекъ, мокрыя сѣрыя рубахи—въ грязи и крови отъ лежанья въ окопахъ—и озлобленные рѣчи.

— Отступаемъ...—бросаютъ они намъ на ходу, не дожидаясь нашего вопроса.

— Выбили васъ—или по приказанію?

— Ну, выбили!—съ удивленіемъ и возмущеніемъ въ голосѣ говоритъ солдатъ.

— Конечно, по приказанію!—съ раздраженіемъ поясняетъ другой.

— У насъ окопы копаютъ да имъ отдаютъ,—тѣмъ же тономъ говоритъ третій, не поворачивая головы въ нашу сторону...

Это были стрѣлки 3-го полка. Видимо, стыдъ и

безсильная злоба обиды душила ихъ, но они повиновались, отходили съ мѣстъ, купленныхъ цѣною столькихъ жертвъ, усилій и напряженія всѣхъ силъ души и тѣла, чтобъ устоять предъ этимъ ужасомъ смерти.

Въ мирное время, съ академическихъ кафедръ и на страницахъ военной печати мы любили повторять изреченіе Наполеона, что на войнѣ моральный элементъ относится къ матеріальному, какъ 3: 1. Этотъ афоризмъ стоитъ эпитафіомъ не на одномъ десяткѣ изслѣдованій о войнѣ. Но заучивъ его, какъ посредственные школьники, они, гнавшіе духъ, творческій, свободный, сильный и оригинальный во всемъ, что нарушало ихъ сладкій покой, ихъ самообольщеніе, не выработали въ себѣ умѣнія руководиться этимъ афоризмомъ на войнѣ. Они упустили изъ виду, что каждый шагъ назадъ съ позиціи, хотя бы и дурной, на лучшую, на болѣе сильную, есть шагъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію, если и на первой позиціи войска чувствовали себя побѣдителями. Конечно, и рѣчи быть не можетъ о томъ, что батареи и окопы передовой Ляоянской позиціи въ фортификаціонномъ отношеніи были несравненно слабѣе основной оборонительной линіи. Измѣряя ихъ силу теоретическимъ масштабомъ, взятымъ изъ учебниковъ фортификаціи, можно было сказать, что на нихъ войска не продержатся и двухъ дней, но ихъ неглубокіе рвы, невысокіе валы стали сильны воодушевленіемъ войскъ и—это было чудомъ—ихъ сила не убывала подъ градомъ разрушавшихъ ихъ снарядовъ, а росла въ теченіе двухъ дней съ каждымъ часомъ ляоянской битвы

вмѣстѣ съ ростомъ воодушевленія войскъ и ихъ вѣры въ наполовину уже одержанную побѣду. Духъ сильнѣе бетона—этого то и не понималъ Куропаткинъ. Линія фортвъ, построенныхъ вокругъ Ляояна г. Величко, манила къ себѣ его теоретическій умъ, и онъ страшился обвиненія въ нарушеніи правилъ военнаго искусства, которыя вычитывалъ онъ въ книжкахъ, а не въ сердцахъ солдатъ.

„Пускай слышу я старовѣромъ“,—мнѣ все равно, но я смѣю думать, что Куропаткину, если только онъ, какъ говорилъ 18-го вечеромъ, и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ „погнать“ японцевъ 20-го, не слѣдовало въ ночь на 19-е отводить войска съ передовыхъ позицій на форты и тѣмъ вызывать реакцію въ духѣ войскъ. А вѣдь только этой реакціей, неизбежно наступающей послѣ огромнаго напряженія и подъема силъ и должно объяснить отсутствіе энергіи въ дѣйствіяхъ 1-го сибирскаго корпуса, направленнаго къ Янтаю на поддержку дивизіи Орлова.

Надо было видѣть этихъ отступавшихъ съ передовыхъ позицій стрѣлковъ, этихъ столпившихся утромъ 19-го августа на Ляоянскомъ вокзалѣ офицеровъ въ тщетной надеждѣ подкрѣпить чѣмъ-нибудь свои силы—все было выпито, съѣдено, а новыхъ запасовъ уже не подвозилось,—чтобы сказать, что эти голодные, вымокшіе, истомленные боями и походомъ въ теченіе недѣли, люди, казавшіеся намъ выходцами съ того свѣта—такъ мало было вѣроятія уцѣлѣть за послѣдніе два дня битвы,—не въ силахъ уже будутъ вновь подняться на ту же степень воодушевленія и напряженія, которой продолжала требовать все развивавшаяся битва.

Но Куропаткинъ не видѣлъ ихъ и въ эти минуты. Его поѣзда въ этотъ ранній часъ утра уже не было больше на обычномъ мѣстѣ площади Ляоянскаго поселка. Раньше всѣхъ, раньше госпиталей его отвели въ безопасное мѣсто, версты за четыре за Ляоянь. И когда въ 1 часъ 45 мин. дня надъ вокзаломъ пронесся первый японскій снарядъ и началась спѣшная эвакуація станціи, послѣднихъ поѣздовъ съ ранеными и расположеннаго въ полуверстѣ госпиталя Георгіевской общины, когда распространился слухъ, что сестрѣ милосердія Л. Яковенко на перронѣ оторвало ногу, нельзя было не присоединиться къ взрыву негодованія, что, позаботившись объ отвозѣ своего поѣзда въ безопасное мѣсто, генералъ Куропаткинъ, предвидѣвшій или не предвидѣвшій бомбардировку станціи—не знаю,—не позаботился о безопасности раненыхъ.

По дорогѣ къ госпиталю я сталъ свидѣтелемъ встрѣчи уполномоченнаго Кр. Креста, (кажется, это былъ кн. Львовъ, главноуполномоченный земской организаціи) съ какимъ то санитарнымъ генераломъ.

— ...Генералъ Треповъ обязанъ былъ насъ предупредить...—раздраженнымъ голосомъ, громко, не стѣсняясь, негодующими выраженіями, говорилъ этотъ почтенный старикъ покорно слушавшему его генералу.—Что мы теперь будемъ дѣлать? Вѣдь у насъ свѣжеоперированные раненые! Куда ихъ тащить? Такъ нельзя поступать! О себѣ позаботились!.. Это возмутительно! Это преступно!

И не дожидаясь объясненій, онъ тронулъ свою лошадь и поскакалъ туда, гдѣ верстахъ въ двухъ отъ Ляояна спѣшно разбивали новый госпитальный

городокъ, куда тянулись вереницы носилокъ и плелись сотни раненыхъ *).

Далѣе я встрѣтилъ капитана генеральнаго штаба С., который подъ большимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что съ очищеніемъ передовыхъ позицій мысль о переходѣ въ наступленіе не оставлена и что Куропаткинъ на одной телеграммѣ положилъ такую резолюцію: „Сегодня готовится, завтра сблизаться, послѣзавтра атаковать“.

Куропаткинъ видимо хотѣлъ подражать Суворову, сказавшему подъ Измаиломъ: „Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра побѣда или славная смерть“.

Но сопоставляя эти двѣ формулы, раздѣленныя цѣлымъ вѣкомъ, мы видимъ какъ далека была ученикъ отъ великаго учителя.

Формула Суворова полна внутренняго духовнаго содержанія. Въ ней вылилось вполне опредѣленное рѣшеніе—побѣдить или славно умереть. Резолюція Куропаткина—бездушна: она опредѣляетъ механическія дѣйствія—„подготавливаться“ (какъ и въ чемъ должна выразиться эта подготовка?),—„сблизаться... атаковать“, но не содержитъ указаній на конецъ, вѣнчающій дѣло. И въ то время, какъ Суворовъ свою программу штурма Измаила проводилъ въ со-

*) Съ какою поспѣшностью покинулъ генералъ Куропаткинъ Ляоянъ можно судить по тому, что съ домика, въ которомъ онъ жилъ и который находился рядомъ съ поѣздомъ, забыли снять георгіевскій флагъ. Объ немъ вспомнили уже тогда, когда началась бомбардировка и по направленію выстрѣловъ стало видно, что японцы замѣтили его и усиленно обстрѣливали всю площадь желѣзнодорожнаго поселка. Японцы, вѣроятно, предполагали, что гдѣ Куропаткинскій флагъ, тамъ и Куропаткинъ.

знаніе каждого бойца, объявивъ ее войскамъ, Куропаткинъ дѣлалъ изъ своей резолюціи секретъ, извѣстный только нѣсколькимъ приближеннымъ, которые шопотомъ, конфиденціально передавали ее кое кому изъ офицеровъ, и до арміи она не дошла. Зато и результаты были діаметрально противоположны.

* * *

Безуспѣшно проискавъ цѣлый день въ Ляоянѣ и его окрестностяхъ цензора и сознавая, съ какимъ горячечнымъ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія извѣстій объ исходѣ битвы подъ Ляояномъ, я вынужденъ былъ вечеромъ 19 числа уѣхать изъ подъ Ляояна въ Мукденъ, чтобы хоть оттуда телеграфировать объ очищеніи нами передовыхъ позицій, отходѣ войскъ на форты и бомбардировкѣ Ляояна.

Никогда не забуду картины, разстилавшейся предо мной. Прямо впереди, на оконечности уходящихъ къ югу стальныхъ рельсъ—горящая станція; влѣво отъ нея—молчаливая черная громада китайскаго города. Между станціей, городомъ и нами—черная бездна, на которую только изрѣдка то тутъ, то тамъ ляжетъ и освѣтитъ на мгновеніе складку мѣстности или отдѣльное зданіе отсвѣтъ пламени пожара, раздуваемого вѣтромъ. Влѣво отъ поѣзда, не много назадъ, скрытые грядою холмовъ—огни бивака 3-го сибирскаго корпуса, отведеннаго въ резервъ. Вправо—огоньки обознаго бивака и, далеко назадъ, нарядно, празднично свѣтитъ электрическими огнями поѣздъ Куропаткина.

Канонада не смолкала, несмотря на спустившуюся ночь. Огненные змѣи, то и дѣло появлялись на темномъ небѣ и падали на землю, и пламя на землѣ

росло, вспыхивало съ новой силой и появлялось въ новыхъ мѣстахъ. Гулъ лопающихся снарядовъ и трескъ пожара смѣшивался съ лаемъ собакъ въ китайскомъ городѣ, ржаніемъ лошадей на обозномъ бивакѣ, столами и оханьями раненныхъ, предсмертнымъ бредомъ и вскриками умирающихъ, среди которыхъ стоялъ нашъ поѣздъ. Къ нему все прицѣпляли и прицѣпляли новые вагоны—товарные, конечно,—съ полуживымъ, полумертвымъ грузомъ. Старались отправить отсюда какъ можно больше раненныхъ, ибо никто уже изъ медицинскаго персонала не вѣрилъ въ то, что раненые завтра снова не окажутся подъ огнемъ. Пути и планы нашего полководца были для всѣхъ невѣдомы, неисповѣдимы. Наконецъ мы тронулись—и не отрывая глазъ отъ Ляояна, обогрѣннаго дорогою намъ всѣмъ кровью, разрушаемаго теперь японскими снарядами и освѣщеннаго въ своихъ развалинахъ заревомъ пожара,—покатили къ сѣверу, мимо казавшагося намъ иллюминированнымъ дворцомъ поѣзда Куропаткина, мимо тихаго, погруженнаго въ тьму и сонъ, небольшого бивака остатковъ славнаго 1 сибирскаго корпуса.

Потомъ я узналъ, что сонъ и покой этихъ людей, истомленныхъ боями въ теченіе недѣли, былъ недологъ. Въ ту же ночь корпусъ былъ поднятъ и двинутъ къ Янтаю.

Нашъ поѣздъ все ускорялъ свой ходъ, огни Ляояна все мельчали и мельчали; гулъ канонады, говоръ биваковъ все болѣе замиралъ въ отдаленіи, но никто изъ насъ не уходилъ съ площадокъ, не сводилъ глазъ съ огненныхъ точекъ и не отрывалъ своихъ мыслей и воспоминаній отъ кладбища на-

шихъ надеждъ и упованій. Жуткое чувство щемило сердце за тѣхъ, кто остался на фортахъ и стоялъ теперь тамъ подъ огненнымъ дождемъ съ неба въ ожиданіи своей очереди умереть безъ побѣды.

Я уѣзжалъ съ полной увѣренностью, что вернусь еще сюда подѣ Ляоянъ, побываю на этихъ фортахъ, такъ какъ зналъ со словъ чиновъ штаба, шедшихъ отъ Куропаткина, что на нихъ рѣшено продержаться хоть недѣлю — до полного разбитія Куроки, насъ обходившаго.

Но 20-го числа, несмотря на всѣ мои старанія, выѣхать изъ Мукдена на югъ мнѣ не удалось. Цѣлый день пробродилъ я по перрону въ тщетной надеждѣ дожидаться поѣзда, отдѣльнаго локомотива или хоть дрезины, уходившихъ бы на югъ. Оттуда приходили поѣзда и все съ ранеными, съ больными дезинтеріей (были и такіе)—и проходили на сѣверъ... Отбылъ въ Харбинъ и послѣдній эшелонъ полевого штаба намѣстника... Раненые, съ которыми мнѣ приходилось говорить—изъ рядовъ 4-го сибирскаго корпуса—разсказывали, что всю ночь съ 19-го на 20-е японцы бомбардировали Ляоянъ; что форты держатся. Попытки обойти справа не удались; корпусъ ходилъ въ штыки и сбилъ японцевъ съ высотъ, откуда они обстрѣливали Ляоянъ. Особый натискъ выдерживаетъ фортъ 6-й.

Но на югъ движенія не было, и только 21-го числа, около 2-хъ часовъ знойнаго дня, я выбрался изъ Мукдена на одномъ изъ двухъ локомотивовъ, спѣшно потребованныхъ на станцію Янтай.

Прибывъ туда черезъ часъ, мы узнали страшную новость: поѣзда далѣе не ходятъ, потому что

Ляоянь уже очищается. Слухи были самые сбивчивые, неясные, разнорѣчивые, сходящіеся только въ одномъ, что мы разбиты. Говорили, что еще утромъ 21-го числа наши дѣла были „ничего себѣ“; на востокѣ мы будто бы загнали три дивизіи Куроки въ рѣку и затопили ихъ; за то на югѣ мы сбиты и Оку идетъ въ обходъ на Мукденъ.

Правда извѣстна.

Трагизмъ этой правды заключался тогда для насъ въ той неожиданности, съ которой все произошло, въ той быстротѣ и внезапности, съ которою роковымъ образомъ измѣнилась тогда для насъ обстановка. Еще утромъ на фортахъ войска кричали „ура“ въ отвѣтъ на прочитанную имъ телеграмму генерала Куропаткина объ одержанномъ имъ успѣхѣ надъ Куроки.

А послѣ полудня пришло приказаніе очищать форты и Ляоянь.

Генералъ Куропаткинъ объясняетъ эту перемѣну фортуны „неожиданнымъ исчезновеніемъ съ поля сраженія двѣнадцати тысячъ полныхъ силъ и здоровья бойцовъ“, составлявшихъ злополучную 54-ю дивизію ген. Орлова.

Было ли это исчезновеніе неожиданнымъ и оно ли было причиной неудачнаго исхода ляоянской операціи—объ этомъ мы поговоримъ потомъ, а сейчасъ вернемся къ фактамъ.

На станціи Янтай происходило сущее столпотвореніе. Всѣ пути ея были забиты поѣздами, въ которые спѣшно грузились раненые; вмѣстѣ съ ранеными забивались здоровые, но деморализованные люди полковъ 54-ой дивизіи. Они же запружали

всю станцію, отыскивая воды, хлѣба и свободнаго мѣста въ отходившихъ поѣздахъ. Каждый изъ прибывавшихъ поѣздовъ они встрѣчали дикими, бессмысленными криками, въ которыхъ ничего нельзя было разобрать,—и ордою бросались на него. На перронѣ станціи толпы офицеровъ всѣхъ ранговъ и положеній. На всѣхъ лицахъ полная растерянность; никто не знаетъ, что будетъ дальше и что дѣлать теперь. Ждали Куропаткина, но никто не зналъ, гдѣ онъ, и всѣ за него безпокоились.

— Вотъ домъ, отведенный для командующаго арміей,—говорилъ мнѣ полевой главный интендантъ ген. Губеръ, показывая мнѣ рукой на одинъ изъ станціонныхъ домиковъ...—Приказано приготовить обѣдъ для него... Говорили, къ 12 часамъ будетъ, а теперь вотъ уже 4—и нѣтъ... Около сорока ординарцевъ ждетъ его,—пріѣхали съ донесеніями и за приказаніями... Федоръ Федоровичъ Треповъ ждетъ, ему тоже здѣсь назначено было свиданіе. Ему по санитарной части, а мнѣ по интендантской нужны распоряженія и указанія. Вы понимаете, какое ужасное мое положеніе. Куропаткинъ велѣлъ мнѣ собрать въ Ляоянѣ возможно больше запасовъ. Я и собралъ сотни тысячъ пудовъ. Ихъ хватило бы на мѣсяцъ... Мнѣ говорили, что изъ Ляояна мы не уйдемъ, что Ляояна не отдадимъ... Я вѣрилъ и собиралъ... Вы сами видѣли, какія стѣны мѣшковъ стояли тамъ. Еще за три дня до начала боя я получилъ 10,000 паръ сапогъ и не успѣлъ, конечно, разослать ихъ въ части... Что дѣлать?!. Оставилъ генералу Зарубаеву записку, чтобы роздать по возможности... Собранный провіантъ вывезти не

успѣли и теперь сжигаемъ все, что собрано съ такимъ трудомъ и что стоитъ столько денегъ... Начинай всю работу сначала... Но куда отходить армія? Гдѣ сосредоточивать запасы? Я ничего не знаю... Порядки квартирмейстерской части штаба вообще таковы, что я, главный полевой интендантъ, никогда ничего не зналъ и не знаю, что будетъ завтра... За эти дни лоянскихъ боевъ я получилъ далеко не всѣ диспозиціи. Такъ было всегда... Въ свое время приказаніе объ очищеніи Хайчена я получилъ одновременно съ началомъ его эвакуаціи... А между тѣмъ въ Симученѣ у меня собрано было запасовъ для корпуса на 16 дней... Сожгли, конечно... Только и дѣлаемъ, что собираемъ да жжемъ... И опять собираемъ... Но гдѣ же, гдѣ же командующій?! — съ мучительной тревогой въ голосѣ и въ лицѣ воскликнулъ ген. Губеръ, перебивая рассказъ о своихъ злключеніяхъ. И сознавая, что теперь каждая минута дорога, что отсутствіе запасовъ продовольствія превратитъ эти деморализованныя пораженіемъ войска въ шайку мародеровъ, которые разоряютъ страну, этотъ скромный, дѣятельный чловѣкъ, добросовѣстнѣйшій интендантъ волновался, мучился сознаниемъ своего безсилія и говорилъ со мною со слезами на глазахъ.

Съ каждой новой волной людей и повозокъ, прибывавшихъ къ Янтаю со всѣхъ сторонъ, беспорядокъ, суета и растерянность на станціи все усиливались. День склонялся къ вечеру, а командующаго арміей все еще не было и по прежнему никто не зналъ, гдѣ онъ. Нервность и озлобленіе людей росли, и тутъ уже громко говорили о необходимости

передачи командованія маньчжурской арміей въ другія руки...

Поздно вечеромъ, 21-го августа, еле найдя себѣ мѣсто на ступенькахъ одного вагона 11 военно-санитарнаго поѣзда, я вырвался съ гнетущимъ чувствомъ отъ всего видѣннаго и пережитаго за день изъ этого хаоса. Беспорядокъ на станціи Янтай росъ, и ночью ждали со страхомъ взрыва паники, которую легко могъ вызвать чей-нибудь неосторожный выстрѣлъ или шальной крикъ „японцы“!

Всю ночь и все утро нашъ поѣздъ обгонялъ группы солдатъ, шедшихъ вдоль полотна на сѣверъ.

— Кто вы?—спрашивали мы ихъ порой на остановкахъ поѣзда.

— Мы въ прикрытіи къ обозу—отвѣчали они.

— Гдѣ же вашъ обозъ?

— Тамъ!

И они махали рукою назадъ.

— Какое же вы прикрытіе, если вы отъ него по одиночкѣ ушли впередъ, а непріятель сзади?!

Становятся втупикъ и потомъ заявляютъ:

— Мы слабосильная команда.

— Если вы команда, такъ командой и идите.

Молчатъ—только нѣкоторые откровенно признаются.

— Мы на станцію... чайку попить.

— Полное распутство!—воскликнулъ съ негодованіемъ ѣхавшій въ поѣздѣ уполномоченный Краснаго Креста отставной полковникъ Бибииковъ.

Онъ былъ правъ, конечно, въ своемъ негодованіи, но такъ „распутничали“ теперь тѣ самые люди, которые два-три дня назадъ поражали всѣхъ своей

дисциплиной, своей доблестью, своей стойкостью, своимъ сознательнымъ самопожертвованіемъ во славу Родины.

Что сдѣлано было для того, чтобы поддержать это рѣдкое по своей высотѣ настроеніе арміи?—Ничего. И все—чтобы убить ея духъ.

Припоминается разговоръ въ этомъ же поѣздѣ съ однимъ раненымъ солдатомъ Инсарскаго полка, о поведеніи котораго, какъ и другихъ полковъ 54 дивизіи, говорили ужасныя вещи.

— Ну, какъ же вы воевали?—спросилъ я его.

— Плохо воевали. Весь полкъ потеряли.

— Да почему такъ вышло.

— Говорятъ, начальство ошиблось. Рано съ позиціи сняло... Да и насчетъ 1-го корпуса также ошибка вышла—не поспѣлъ онъ во время...

Но начальство въ ошибкахъ не признавалось. Оно оправдывалось на разные лады; искало причинъ неудачи очень далеко, а въ объясненіи происшедшаго стремилось увѣрить всѣхъ въ своей прозорливости.

Такъ неудачу подъ Ляояномъ Куропаткинъ объяснялъ прежде всего тѣмъ, что созданный имъ планъ кампаніи былъ разрушенъ приказаніемъ изъ Петербурга идти на выручку Артура. Отъ Вафангоу—и всѣ бѣды...

— Мы предвидѣли оставленіе Ляояна,—говорилъ строитель Ляоянскихъ укрѣпленій генералъ Величко одному моему знакомому, желѣзнодорожному офицеру.—Это былъ только тетъ-де-понъ...

Согласите это съ тѣмъ, что 18-го вечеромъ командующій говорилъ, любуясь видомъ битвы (я это

самъ вѣдь слышалъ): — „....а послѣзавтра, Богъ дастъ, мы ихъ погонимъ....“—и съ переданнымъ 18-го утромъ войскамъ приказаніемъ Куропаткина— „стоять тутъ до послѣдняго...“.

Теперь эти самыя войска обманывали увѣреніемъ, что оставленіе Ляояна и отступление арміи имѣетъ цѣлью соединеніе съ арміей Линевича.

Предъ Петербургомъ оправдаться было бы трудно, но помогло несчастіе съ дивизіей Орлова.

„.....Неожиданное исчезновеніе съ поля сраженія двѣнадцати тысячъ полныхъ силъ и здоровья бойцовъ,—всеподданнѣйше доносилъ генералъ Куропаткинъ 29-го августа—тяжело отразилось на положеніи дѣлъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ: мы потеряли прекрасную позицію на высотахъ, которая должна была служить опорой для нашего наступленія съ лѣваго фланга, а японцы, распространившись къ сѣверу, къ 5-ти часамъ пополудни заняли всю гряду высотъ и Янтайскія копи... Лѣвый флангъ арміи съ занятіемъ японцами каменно-угольныхъ копей оказался необезпеченъ...“.

Разберемъ только двѣ эти фразы изъ донесенія, которое при безпристрастномъ критическомъ къ нему отношеніи должно почитаться обвинительнымъ актомъ, на самого себя составленнымъ генераломъ Куропаткинымъ. Онъ называетъ въ немъ солдатъ дивизіи генерала Орлова „бойцами, полными силъ и здоровья“, между тѣмъ, еще когда войска 5-го сибирскаго корпуса, сплошь составленные изъ запасныхъ, прибывали въ Ляоянъ въ концѣ іюля мѣсяца, всѣ, кто ихъ видѣлъ, говорили: „ну, не золото!“. Это

были все старики лѣтъ за сорокъ, призыва конца восьмидесятихъ годовъ...

Если память мнѣ не измѣняетъ, то именно со словъ самого ген. Орлова дежурный генералъ арміи рассказывалъ тогда же въ нашемъ интимномъ кругу, что когда этихъ запасныхъ собрали и стали обучать,—обучать почти заново—то на ученье собирались и бабы ихъ, явившіеся за мужьями изъ деревень... И едва раздавалась команда: „стоять вольно—оправиться“, какъ строй разсыпался и „воины“ бѣжали къ своимъ бабамъ. Воздухъ наполнялся гомономъ голосовъ:—„Марья!.. Аксютка!..—выкрикивали мужики.—„Степанычъ!.. „Иванъ!“—кричали бабы и вытаскивали изъ-за пазухи припасенные для своихъ „благовѣрныхъ“ косушки водки...

Таковы были эти „полные силъ и здоровья бойцы“—преждевременно состарившіеся дѣти нашихъ деревень, раззоряемыхъ „недородами“, голодными тифами, малоземельемъ, непосильными податями, невѣжествомъ во всѣхъ сферахъ жизни и пьянствомъ...

И вотъ этихъ то не бывшихъ еще въ бою „бойцовъ“ поставили на отвѣтственный постъ—на позицію, „которая должна была служить опорой для нашего наступленія съ лѣваго фланга“.

Что же было сдѣлано, для того, чтобы они могли выполнить свое назначеніе — быть дѣйствительною опорой не только для наступленія нашего фланга, но и обезпечить его отпоромъ наступленію японцевъ? Ничего. А между тѣмъ для самаго поверхностнаго наблюдателя событій было ясно, что именно на нашемъ лѣвомъ флангѣ завершится ляоянская битва. Вѣдь планъ дѣйствій самого генерала Куропаткина

заклучался въ томъ, чтобы, развернувъ армію между позиціей 17 корпуса у селенія Сыквантунъ и высотами у Янтайскихъ копей,—принявъ затѣмъ за ось позицію Сыквантуна,—произвести захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ японскія позиціи, тянувшіяся отъ рѣки Тайцзыхе у с. Квантуна по направленію къ Янтайскимъ копямъ. Въ свою очередь и отъ японцевъ должны мы были ожидать наступленія съ обходомъ именно въ этомъ направленіи. На это указывалъ не только цѣлый рядъ предшествующихъ боевъ, въ которыхъ японцы всегда угрожали обходомъ именно лѣвому флангу нашихъ позицій съ цѣлью прижать насъ къ Ляохе и нейтральной Монголіи, но и вся обстановка боя подъ Ляояномъ съ лейтмотивомъ донесеній: „Куроки насъ обходить слѣва“.

Казалось бы послѣ этого усиленіе позиціи Сыквантунъ-Янтайскія копи фортификаціонными сооруженіями являлось дѣломъ обязательнымъ и вполне осуществимымъ заблаговременно. Но этого сдѣлано не было и оборону этой „прекрасной“ и важной позиціи составили только слабыя, впалыя груди-наименѣе надежныхъ бойцовъ маньчжурской арміи. Къ тому же ихъ совершенно не ознакомили съ мѣстностью, не снабдили надежными картами и колоновожатыми. Не мудрено, что они заблудились въ этомъ морѣ гаоляна, который можно было бы снять, уничтожить, если бы войска своевременно заняли эту позицію,—и они потонули въ немъ, осыпаемые пулями своихъ и японцевъ.

Объ отсутствіи заблаговременной подготовки этого участка ляонскаго поля сраженія, долженствовалъ

шаго по плану нашего вождя быть „опорою“ нашихъ рѣшительныхъ операцій, можно судить еще и по отсутствію организаціи санитарной помощи раненымъ на этомъ участкѣ. Я самъ видѣлъ ихъ, доставленныхъ въ Янтай и Мукденъ въ закопченныхъ углемъ вагонахъ желѣзнодорожной вѣтки на Янтайскія копи. Страдальцы были брошены прямо на толстый слой угольной пыли... Было мягко, но антисанитарно... А тутъ же рядомъ стояла цѣпь вагоновъ, нагруженныхъ отличными китайскими соломенными матами. Честный интендантскій вахтеръ ни за что не хотѣлъ дать ихъ для раненыхъ безъ записки своего начальства, а послѣднее было гдѣ-то въ пространствѣ, и потому только послѣ долгихъ и настойчивыхъ увѣщаній капитана военно-судебнаго вѣдомства П. А. Коровиченко удалось получить подъ свою росписку сотни двѣ этихъ матовъ, съ обѣщаніемъ возмѣстить ихъ стоимость. А въ это время начальникъ санитарной части былъ въ Янтай, гдѣ ждалъ возвращенія командующаго изъ „безвѣстной отлучки“.

Эта „безвѣстность“ продолжалась довольно долго. 22 августа я вернулся утромъ изъ Янтая въ Мукденъ, а въ полдень прибылъ сюда изъ Харбина намѣстникъ въ тревогѣ за участь генерала Куропаткина. Чины его штаба говорили, что еще наканунѣ ген. Жилинскій запросилъ ген. Сахарова—гдѣ находится командующій арміей. Но отвѣта не было ни вчера, ни сегодня. Только 23-го, послѣ обѣда, прибылъ въ Мукденъ генераль-квартирмейстеръ ген. Харкевичъ и, увидавъ его, всѣ вздохнули свободнѣе—командующій, очевидно, нашелся!

Онъ прибылъ для осмотра, выбора и подготовки позиціи у Мукдена—„если мы успѣемъ ее занять“,— такъ добавлялъ онъ. И военные инженеры, и саперные офицеры спѣшно принялись за укрѣпленіе позицій на Хунхе, на которыхъ до сихъ поръ лѣниво и съ большими перерывами ковыряли землю рабочіе-китайцы.

Вечеромъ въ этотъ день надъ Мукденомъ разразилась сильная гроза съ ливнемъ-ураганомъ.

Наша армія отходила къ Мукдену, „не оставляя противнику никакихъ трофеевъ“. Это все, чѣмъ могъ Куропаткинъ скрасить свою телеграмму отъ 29 августа о неудачѣ подъ Ляояномъ.

Объ этомъ отступленіи „безъ трофеевъ“ потомъ много говорилось и писалось *). За него Куропаткина восхваляли, словно побѣдителя. Но тѣ, кто отступалъ, свидѣтельствуютъ, что высшему управленію арміи, командующему и его штабу—они ничѣмъ, ни единымъ сухаремъ не обязаны. Спокойное отступленіе, безъ новой катастрофы обезпечено было

*) Интересны, между прочимъ, сужденія о немъ состоявшаго при нашей арміи германскаго военнаго агента, подполковника фонъ-Лауэнштейна. Онъ признавался, что „оно было произведено образцово,—мы, германцы, такъ не смогли бы сдѣлать“. Онъ пораженъ былъ спокойствіемъ и терпѣніемъ нашей пѣхоты, которая по два часа стояла у мостовъ, пропуская обозы и артиллерію.—„Наши германскіе солдаты, говорилъ онъ—спокойно простояли бы минутъ двадцать, потомъ они стали бы ворчать, потомъ—ругаться, потомъ—самовольно пошли бы, спутавъ порядокъ движенія“.

Тотъ же Лауэнштейнъ—самый фактъ отступленія Куропаткина отъ Ляояна объяснялъ, съ одной стороны недовѣріемъ Куропаткина къ запасу нравственныхъ силъ своей арміи, а съ другой—страхомъ передъ призракомъ большихъ силъ Курики.

Это объясненіе вполне подтверждаетъ все сказанное мною выше о Куропаткинѣ въ дни Ляоянской битвы.

нашимъ войскамъ ихъ упорнымъ боемъ подъ Ляояномъ и за Ляояномъ. Онъ такъ утомилъ и разстроилъ японцевъ, собиравшихся отступить отъ Ляояна еще вечеромъ 18 августа, что теперь имъ было не до преслѣдованія израненнаго отступающаго льва...

Однако, слѣдуетъ считать пустой фальшивой фразой заключительныя строки цитированной выше телеграммы Куропаткина, что „въ настоящее время армія расположена подъ Мукденомъ, провела спокойно нѣсколько ночей, обезпечена довольствіемъ и готова къ новому бою“.

Нѣтъ, армія не была еще готова къ бою. Ея духъ былъ надломленъ неоправдавшейся надеждой на побѣду—и неоправдавшейся не по ея винѣ. Ея вѣра въ своего вождя была поколеблена и многіе уже тогда сознали свое заблужденіе относительно полководческихъ талантовъ Куропаткина. Наконецъ, армія была лишена единодушія, въ ней была посѣяна рознь. Всѣ искали виновника неудачи и спорили о немъ съ горечью, злобою и раздраженіемъ изнервничавшихся людей... Были случаи самоубійства и психическаго разстройства... Виновникъ былъ одинъ: это тотъ, кто въ своемъ самомнѣніи держалъ въ своихъ неумѣлыхъ и нерѣшительныхъ рукахъ всѣ нити кампаніи. Но онъ не только не хотѣлъ въ этомъ сознаться, но дѣлалъ все, чтобы сложить свою вину на другихъ и не дать правдѣ обрисоваться въ ея возмутительной наготѣ.

Полковникъ Н., никогда не вѣрившій въ талантъ Куропаткина, всегда предсказывавшій неудачу для арміи подъ его командованіемъ, а въ томъ числѣ и

неудачу подѣ Ляояномъ (о чемъ онъ говорилъ мнѣ еще 15 августа) и въ припадкѣ нервнаго возбужденія пославшій со станціи Янтай телеграмму въ Петербургъ о томъ что „нужно смѣнить Алексѣя Николаевича“ былъ разславленъ сумасшедшимъ, будто бы пославшимъ телеграммы Государю, богдыхану и микадо о необходимости прекратить войну—бойню, и отправленъ въ тылъ... Печальный исходъ сраженія объяснялся неискусными распоряженіями генерала Бильдерлинга, недостаточною стойкостью войскъ его корпуса, самовольнымъ движеніемъ впередъ ген. Орлова и бѣгствомъ съ поля сраженія его дивизіи. Но ген. Бильдерлингъ оставленъ былъ во главѣ своего корпуса, а ген. Орловъ, хотя и былъ отрѣшенъ отъ командованія дивизіей, но изъ арміи въ Петербургъ не отпущенъ, дабы тамъ не сталъ оправдываться; впослѣдствіи же онъ получилъ въ командованіе другую дивизію. Пострадалъ, и тяжело, начальникъ его штаба, ставшій жертвой искупленія за чужіе грѣхи. Эти были, конечно, несправедливо, но это не могло такъ дурно отзываться на боевомъ товариществѣ арміи, какъ шельмованіе полковъ 54-й дивизіи, попавшихъ послѣ Ляояна въ такое же положеніе, какъ 22-й Вост.-Сиб. стр. полкъ послѣ Тюренчена, о чемъ я уже писалъ.

Одинъ очевидецъ рассказывалъ мнѣ, что на смотру, произведенномъ Куропаткинымъ нѣкоторымъ частямъ войскъ 17-го и 5-го сиб. корпусовъ, командующій арміей, подѣхавъ къ одному полку, также въ разстройствѣ отступившему съ поля сраженія, сказалъ командиру его:

— Я думалъ, полковникъ, что вы будете убиты или приведете полкъ въ порядокъ.

Напомнивъ затѣмъ офицерамъ о заслугахъ полка въ русско-турецкую войну, онъ заключилъ свою рѣчь словами:

— Съ вами я еще разговаривать могу, а съ ними—и онъ показалъ на полки 54 дивизіи—я и говорить не могу.

Что имѣлъ нравственное право отвѣтить Куропаткину этотъ полковникъ, легко можетъ догадаться каждый русскій, пережившій позоръ минувшей войны. А отвѣтъ солдатъ 54-дивизіи на это нежеланіе командующаго съ ними разговаривать прозвучалъ мнѣ въ діалогѣ знакомой сестры милосердія съ солдатомъ Юхновскаго полка, который я уже однажды воспроизводилъ, но который вкратцѣ здѣсь напому.

На замѣчаніе сестры, что она сама видѣла, какъ командующій арміей здоровался съ ними, просилъ постараться послужить и что они, солдаты этой дивизіи, это обѣщали, раненый юхновецъ сказалъ:

— Да какъ же не обѣщать! Ему это первое удовольствіе—съ нами такъ здороваться.

ХІІ.

Ш а х э.

„Настоящія мои цѣли сводятся къ слѣдующему:

.....
Не дать непріятелю, набалованному, многочисленному въ данную минуту, пожалуй, даже храброму и предпримчивому сравнительно, выскочить къ успѣхамъ и тѣмъ окончательно сдѣлаться для насъ серьезнымъ.

Крайнею осторожностью въ выборѣ боевыхъ рѣшеній и настойчивымъ исполненіемъ предначертаннаго, съ одной стороны, не предоставить по возможности противнику случая одержать успѣхъ надъ небольшимъ нашимъ отрядомъ, а съ другой, вырвать у него изъ рукъ и удержать за собою инициативу, что всегда такъ важно на войнѣ...”

(Изъ письма М. Д. Скобелева А. Н. Куропаткину, 2 июня 1880 г. изъ Бами).

Когда у однихъ улеглось возбужденіе, вызванное Ляоянской битвой, а у другихъ стали исчезать отчаяніе и апатія, какъ слѣдствіе неудачнаго для насъ ея исхода, вопросы—что же дальше, къ чему готовиться—возникли сами собой.

6-го сентября ихъ задалъ Куропаткину уполномоченный одного изъ крупныхъ земскихъ санитарныхъ отрядовъ, Д. И. Б., очень энергичный и потому очень „безпокойный“ человѣкъ.

И вотъ что онъ услышалъ въ отвѣтъ:

— Если японцы черезъ два дня не перейдутъ въ наступленіе,—я перейду черезъ недѣлю самъ.

— ...Онъ не боится больше обходовъ,—добавили Д. И. Б—у въ штабѣ *).

Все это было, конечно, не болѣе, какъ буффонада, имѣвшая, вѣроятно, цѣлью поддержать духъ войскъ, надломленный ляоянской неудачей, и увѣрить всѣхъ и каждого, „что все идетъ по плану“.

Черезъ недѣлю мы, конечно, въ наступленіе не перешли и сдѣлали это только 23-го сентября.

На что же былъ употребленъ этотъ почти мѣсяцъ въ смыслѣ подготовки арміи къ наступленію?

Проживъ все это время при штабѣ арміи, знакомый со всѣми чинами его, близкій къ источнику свѣдѣній, я все же затрудняюсь на него отвѣтить. Командующій арміей очень рѣдко куда-нибудь въ это время выѣзжалъ, и его личное и моральное воздѣйствіе на войска выражалось, кажется, въ присутствованіи подходившихъ частей 6-го сибирскаго корпуса.

Опять, какъ въ Ляоянѣ прежде,—теперѣ на Мукденской площади слышалось по утрамъ:

— Здорово, молодцы!.. Надѣюсь, братцы, постараетесь!..

— Рады стараться.. Постараемся!.. — кричали „братцы“, потные, запыленные и навьюченные по-прежнему, какъ мулы.

*) Въ то же самое время въ Мукденѣ былъ слухъ, что японцы ведутъ противъ насъ обходъ и даже двойной; одинъ дальній, другой ближній; обходъ ведетъ Куроки, а съ фронта наступаетъ Оку.

Грустно и больно было видѣть этихъ простыхъ безотвѣтныхъ людей и слышать ихъ обѣщанія „постараться“... умереть. Умереть—въ возможно большемъ количествѣ, ибо „военная наука“,—разрабатываемая по архивнымъ даннымъ мирными генералами—профессорами учить опредѣлять степень „старанія“ войскъ,—ихъ стойкость, ихъ доблесть процентомъ потерь, данныхъ ими своему вождю, какъ будто этотъ процентъ зависитъ только отъ способности полководца воодушевлять войска, вести ихъ за собою въ бой съ слѣпою вѣрою и не зависеть отъ его безталанности, умѣнія распоряжаться ими въ бою, избѣгая лишнихъ потерь.

Съ легкой руки академической науки у нашего начальства выработался вообще очень легкій взглядъ на потери: ихъ боялись въ острые моменты боя, когда можно и должно было сыграть ва-банкъ, и не стѣснялись ими въ случаяхъ обыкновенныхъ... Онѣ бывали нужны для доказательства чьего-либо усердія и мужества, и потому о нихъ говорили не безъ гордости, не безъ похвалы и даже не безъ удовольствія.

— У меня, знаете, двухъ казаковъ убили!—Это значило — „я выполнилъ порученіе съ опасностью для собственной жизни и потому заслуживаю поощренія“.

Этого взгляда не чуждъ былъ и самъ Куропаткинъ, если вѣрить (а не вѣрить трудно) одному изъ крупныхъ чиновъ куропаткинскаго штаба, который по своему служебному положенію имѣлъ случай видѣть резолюцію Куропаткина на одной телеграммѣ изъ штаба намѣстника послѣ сентябрьскаго насту-

плени. Телеграмма эта, сообщавшая о переполненіи госпиталей Харбина ранеными, была такъ неудачно редактирована, что выходило какое-то предположеніе раненыхъ больше не имѣть.—„А вотъ я имъ наколочу (!) еще тысячь тридцать“—гласила будто бы резолюція Куропаткина.

На нее, конечно, надо смотрѣть только, какъ на „красное словцо“, ради котораго въ моменты раздраженія не щадятъ, какъ говорится въ пословицѣ, „ни матери, ни отца“. Но все таки словцо характерное.

Наконецъ, академическое пониманіе крупныхъ потерь находило себѣ на театрѣ войны оправданіе и со стороны церкви.

Такъ, въ одномъ изъ госпиталей мнѣ довелось слышать послѣ обѣдни слово батюшки на тему, что бояться смерти не слѣдуетъ. Его слово обращено было къ тѣмъ, кто, переживъ ужасы битвъ подъ Ляояномъ и на Шахэ, тѣснились теперь вокругъ аналоя въ сѣрыхъ халатахъ съ повязанными головами и руками, на костыляхъ,—къ тѣмъ, которые не въ силахъ были подняться съ постели и лежали на нихъ съ прострѣленными грудью, головой, съ перебитыми ногами,—и онъ говорилъ имъ:

— ...И видя эти жертвы войны, не слѣдуетъ сокрушаться, что они, повидимому полные силъ, ушли отъ насъ къ Богу... Богъ есть цѣль нашей жизни, а жизнь подобна ристалищу или бѣгамъ. И какъ на бѣгахъ всѣ состязающіеся стремятся другъ передъ другомъ скорѣе достигъ намѣченной цѣли, такъ и мы должны стремиться въ своей жизни къ достиженію цѣли ея—Бога. И въ этомъ стремленіи

къ ней—одни поспѣшаютъ, другіе опаздываютъ. Счастливы тѣ, кто уже достигъ своей цѣли... И т. д.

Согласитесь, что это очень удобная теорія для оправданія нашихъ вождей—неудачниковъ въ большихъ потеряхъ на войнѣ.

Но вернемся къ вопросу о подготовкѣ нашего перехода въ наступленіе. Она выразилась между прочимъ въ составленіи (за подписью командующаго арміей) и разсылкѣ въ войска „Указаній начальникамъ частей Маньчжурской арміи до ротнаго и сотеннаго командира включительно и всѣмъ начальникамъ штабовъ“ *).

Не думаю чтобы „Указанія“ эти, остроумно кѣмъ-то названные „Тактической таблицей умноженія“ представляли большую практическую цѣнность, но онѣ любопытны и характерны вотъ въ какомъ отношеніи.

Первая часть ихъ, лирическая, содержитъ прежде всего признаніе, что мы „отстояли занятые нами позиціи у Таличао, Ляндясяна и особенно геройски отстояли какъ передовыя, такъ и главную позицію подъ Ляояномъ“.

Спрашивается: какимъ же образомъ мы очутились подъ Мукденомъ? Отвѣтъ содержится въ слѣдующихъ строкахъ, объясняющихъ, почему мы терпѣли неудачи въ тѣхъ случаяхъ, когда мы переходили въ наступленіе.

„Основною причиною этихъ неудачъ,—гласятъ „Указанія“, подписанныя ген.-адъют. Куропатки-

*) Они помѣчены 6-мъ сентября 1904 года и являются вторымъ дополненіемъ къ „Указаніямъ“ отъ 15 апрѣля того же года.

нымъ,—„я признаю непринятіе нами*) мѣръ къ раскрытію силъ и расположенія противника; вслѣдствіи сего, вмѣсто сознательной атаки по опредѣленному плану, мы наносили удары недостаточно и потому терпѣли неудачи. Не принимая въ расчетъ воли противника, мы рѣшали направленіе главнаго удара слишкомъ заблаговременно. Были случаи, что мы, не зная расположенія противника, расписывали войска по мелкимъ колоннамъ до баталіона включительно. Въ другихъ случаяхъ мы дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана“...

Читали эти обвинительныя строки въ войскахъ и недоумѣвали, при чемъ тутъ „мы“ и не слѣдовало ли всю эту тираду написать отъ перваго лица единственнаго числа.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это отъ командующаго арміей зависѣло „принятіе мѣръ къ раскрытію силъ и расположенія противника“; вѣдь это онъ создаетъ „опредѣленный планъ атаки“ и проводитъ его въ „сознаніе“ войскъ; вѣдь это онъ долженъ „принимать въ расчетъ волю противника“ и „своевременно рѣшать направленіе главнаго удара“!?. Вѣдь это онъ же расписывалъ войска „по мелкимъ колоннамъ до баталіона включительно, не зная расположенія противника“; вѣдь это онъ заставлялъ ихъ дѣйствовать „безъ опредѣленнаго плана“; вѣдь это онъ, наконецъ, а не они, отстоявшіе позиціи у Ташичао, Ляндясяня и Ляояна, проявлялъ „мало упорства въ достиженіи постановленной при наступленіи задачи“, отказываясь отъ нея предъ призракомъ неудачи.

*) Курсивъ вездѣ мой.

„Отдавая себѣ съ полною откровенностью отчетъ въ причинахъ нашихъ неудачъ при наступленіи, не скрывая и не умаляя сдѣланныхъ (кѣмъ?) ошибокъ, вполне объяснимыхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ наше военное“, авторъ „Указаній“ выражаетъ затѣмъ надежду, что „мы, воспользовавшись уроками прошлаго, въ будущемъ будемъ выходить побѣдителями и при наступленіи“.

Оставляя въ сторонѣ соображеніе, что полная откровенность въ признаніи сдѣланныхъ ошибокъ, побуждавшая Куропаткина сказать „*mea culpa, mea maxima culpa*“, являлась лучшей гарантіей неповторенія ихъ въ будущемъ, посмотримъ, въ чемъ же заключались эти „уроки прошлаго“, которыми мы должны были подготовить себѣ успѣхъ для наступленія теперь.

Они заключаются въ подтвержденіи старыхъ истинъ, что:

$2 \times 2 = 4$ — „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ встрѣчи съ противникомъ надлежитъ принять мѣры, дабы мы имѣли значительное превосходство въ силахъ, чтобы одержать успѣхъ“... (п. 1);

что $2 \times 3 = 6$ — „сблизившись съ противникомъ, надо не спѣшить атакою его, пока развѣдкою конницей, охотниками и даже боемъ передовыхъ частей не будетъ выяснена позиція, занятая противникомъ, ея фланги и примѣрно опредѣлены силы противника“... (п. 2);

что $2 \times 4 = 8$ — „при атакѣ противника съ фронта надлежитъ примѣнять охватъ одного изъ фланговъ“... (п. 2 ч. 2);

что $2 \times 5 = 10$ — „атака должна быть тщательно

подготовлена артиллерійскимъ огнемъ“... (п. 2 ч. 3);

что $2 \times 6 = 12$ —„наши части войскъ, предназначенныя для атаки, должны возможно искусно пользоваться мѣстностью“... (п. 2 ч. 4);

что $2 \times 7 = 14$ —„ранѣе начала атаки, руководящій боемъ начальникъ обязанъ уяснить себѣ расположение противника, сдѣлать оцѣнку занятой имъ позиціи, опредѣленно установить планъ для дѣйствій и свою волю опредѣленно передать подчиненнымъ“... (п. 2 ч. 5);

что $2 \times 8 = 16$ —„разъ начатое наступленіе должно вестись энергично до достиженія успѣха; дабы это было возможно, необходимо имѣть сильныя резервы и своевременно вводить ихъ въ дѣло“... (п. 2 ч. 5);

что $2 \times 9 = 18$ —„если передовыя части не достигли успѣха, а были остановлены или даже отброшены назадъ противникомъ, то онѣ обязаны цѣпляться за каждое укрытіе“... (п. 2 ч. 6);

что $2 \times 10 = 20$ —„сбитаго съ позиціи противника надо энергично преслѣдовать и разстрѣливать“... (п. 2 ч. 7). И т. д., и т. д.

Мы не будемъ утомлять читателей этими выписками изъ „справочной книжки по тактикѣ“... Надѣмся, они признають вмѣстѣ съ нами, что эти „указанія“ лишены искры творческаго таланта; въ нихъ не чувствуется вдохновенія „мастера“; что эти уроки прошлаго преподаны съ добросовѣстностью посредственнаго учителя, безжизненно и сухо.

Приходится отдать предпочтеніе указаніямъ, даннымъ генераломъ Стесселемъ войскамъ портъ-артурскаго укрѣпленнаго района въ приказахъ отъ

7-го мая 1904 г. № 217 и 20 мая № 282. Онѣ короче, дѣловитѣе, въ нихъ чувствуется непосредственный опытъ. *)

Другою заботою при подготовкѣ арміи къ наступленію было, конечно, снабженіе ея картами района предстоящихъ дѣйствій.

Картографическая часть, какъ уже извѣстно, вообще была поставлена плохо: цѣлое отдѣленіе полевого штаба арміи (Топографическое) работало болѣе на командующаго арміей и начальника штаба, чѣмъ на армію, расчерчивая имъ саженные планы и схемы, а офицеры-рекогносцеры то и дѣло открывали „Америки“.

Карты мѣстности южнѣе Ляояна, какъ мы знаемъ, были, но съ потерей нами этого пункта, онѣ утратили свое значеніе; районъ же между Ляояномъ и Мукденомъ освѣщенъ былъ плохо; картъ

*) Указывая, какъ на особенности дѣйствій непріятеля въ полѣ, что продвиганіе впередъ ведется имъ чрезвычайно осторожно и постепенно, что артиллерія продвигается имъ на позицію незамѣтно, ставится очень укрыто и всегда группируется большое число орудій, дабы, задавивъ нашу артиллерію, перенести артиллерійскій огонь на пѣхоту;—что во время артиллерійскаго боя японская пѣхота держится очень далеко и очень укрыто, въ штыки не идетъ, а старается возможно дольше стрѣлять,—ген. Стессель рекомендуетъ и своимъ войскамъ при вызовѣ батареи на позицію сниматься незамѣтно и затѣмъ на рукахъ продвигать орудія; — группировать больше орудій;—пѣхоту, пока въ ней надобности нѣтъ, пока ведется только артиллерійскій бой, версты на 4—5, держать совершенно укрыто и не высовываться на показъ, такъ какъ пользы отъ этого нѣтъ;—артиллерійскихъ лошадей располагать совершенно въ сторонѣ и укрыто, въ оврагахъ и промоинахъ, ибо убыль лошадей дѣлаетъ батареи безпомощными,—„на такой мѣстности на рукахъ не далеко увезешь“;—на позиціяхъ окапываться обстоятельно ч, если есть время, дѣлать бойницы... И т. д.

мѣстности сѣвернѣе Мукдена въ то время вовсе не было. Существенное значеніе имѣлъ теперь, конечно, средній районъ. Съёмкою его и занялись. Какъ широко было поставлено это дѣло, я сказать не могу, но знаю, что предложеніе главнаго штаба командировать на театръ войны новую партію топографовъ, сдѣланное въ маѣ, оставалось безъ отвѣта до... сентября — о немъ забыли!—и потому буду говорить лишь о результатахъ этой работы, поскольку таковыя ощутилъ на себѣ и наблюдалъ на дѣйствіяхъ 3-го сибирскаго корпуса.

Въ моихъ рукахъ были два варианта карты мѣстности къ югу отъ Мукдена, розданной войскамъ для перехода въ наступленіе.

Первая, напечатанная литографскимъ способомъ очень блѣдно, на скверной бумагѣ, насколько помнится, имѣла помѣтку: „исправлена по японскимъ источникамъ“; она у меня не сохранилась. Отъ пользованія ею въ полѣ, подъ дождемъ и пылью, отъ носки ея, то въ полевой сумкѣ, то просто въ карманѣ, надписи и линіи стерлись, бумага въ сгибахъ протерлась и карта, можно сказать, истлѣла въ рукахъ за недѣлю пользованія ею.

У меня сохранился другой экземпляръ—„штабной“, болѣе щеголеватый, на александрійской бумагѣ и нѣсколько иллюминированный: синія рѣки, черныя дороги и деревни и свѣтло-коричневые горизонталы горъ. Онъ не имѣетъ уже ссылки на японскіе источники, а лишь простое указаніе, что это „второе исправленное и дополненное изданіе управленія генераль-квартирмейстера Маньчжурской арміи къ 9

сентября 1904 года“. Последняя дата указывает на спѣшность работы, которая, конечно, отразилась на полнотѣ и точности карты. Руководствуясь ею, я и мои спутники, саперы и военные инженеры, смогли еще добраться изъ Мукдена въ Каотайцзы, гдѣ съ 26 сентября находился штабъ 3-го сибирскаго корпуса, но когда на обратномъ пути оттуда въ Мукденъ я, ротмистръ Половцевъ и итальянскій военный агентъ, капитанъ Камперіо захотѣли сократить себѣ путь, то оказалось, что карта намъ помочь въ этомъ дѣлѣ не можетъ. Всѣ недостатки маршрутной съемки сказались очень рельефно. Предъ нами былъ рядъ вертикальныхъ линій съ сѣвера на югъ и ни одной горизонтальной; боковыя дороги, соединявшія магистральныя направленія между собою, образуя такимъ образомъ сѣть дорогъ, нанесены не были. А между тѣмъ проводники-китайцы настойчиво утверждали, что мы можемъ значительно сократить себѣ путь и въ одинъ день добраться до Мукдена, если поѣдемъ не такъ, какъ подсказываетъ намъ наша карта. И они лопотали названія деревень, которыхъ на картѣ указано не было. Мы повѣрили—и не раскаялись, такъ какъ, выѣхавъ 7 октября изъ Хаолинцзы часовъ въ 8 утра, мы въ 6 часовъ вечера, сдѣлавъ свыше 50 верстъ, были уже въ Мукденѣ.

Двигаясь не по этапнымъ линіямъ, а пересѣкая ихъ, мы ѣхали мѣстностью, которая представляла разительный контрастъ съ тѣмъ, что приходилось наблюдать въ полосѣ этапныхъ линій.

Попадая въ еще необрунныя поля чумизы и гаоляна, еще въ тихія, мирныя, заселенныя китайскія

деревни, мы казались далекими и чуждыми войнѣ. Населеніе встрѣчало насъ привѣтливо, безъ страха и смущенія, и проявляло любопытство, свидѣтельствовавшее, что оно впервые видитъ европейца.

Но все это, конечно, мелочи въ сравненіи съ той „услугой“, которую оказала эта карта при наступленіи войскамъ 3-го корпуса. Руководствуясь ею, онъ шелъ къ Бенсиху, не имѣя яснаго представленія о впереди лежащей мѣстности,—и у деревни Каотайцзы уперся въ стѣну, о которую затѣмъ и разбились всѣ его усилія продвинуться далѣе. Это была вершина Ляотхелаза, прозванная потомъ солдатами „Проклятой сопкой“. О ней заблаговременно не знали и слишкомъ поздно оцѣнили ея важное значеніе.

Занятая 9-ой ротой и охотничьей командой 24-го Восточно-Сибирскаго полка, она не была своевременно закрѣплена за нами. Японцы спохватились: двумя батальонами сбили нашу роту и команду, крѣпко ее заняли и отразили съ нея всѣ наши атаки 27, 28, и 29 сентября. Обезсиленный ими 3-й корпусъ не выполнилъ своей задачи и отступилъ. Планъ наступленія арміи, въ которомъ занятіе Бенсиху нашими войсками имѣло существенное для успѣха значеніе, былъ нарушенъ, — нарушенъ по незнакомству нашему съ мѣстностью, въ которую вступали. А вѣдь до Ляоянской битвы вся она была въ нашихъ рукахъ, времени нанести ее на карту съ занятія нами Маньчжуріи у насъ было достаточно, и средства для этого были въ рукахъ военнаго министра, генераль-адъютанта Куропаткина.

Но, какъ мы уже знаемъ, Куропаткинъ находилъ

болѣе важнымъ, нужнымъ и спѣшнымъ нанести на карту пространство между магистралью Восточной Китайской ж. д. и р. Амуромъ и въ 1903 году пріостановилъ работу Приамурскаго окружнаго штаба, приступившаго, по почину ген. Холщевникова къ исправленію нашихъ генеральныхъ картъ Маньчжуріи 20 и 40 верстнаго масштаба *).

* *
*

Въ чемъ же еще выражалась подготовка наступленія?

Не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если скажу — главнымъ образомъ, въ молитвѣ.

Выходило и тутъ, какъ шутилъ Драгомировъ по поводу нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ: „они насъ минами, а мы ихъ молебнами“.

По порученію командующаго арміей, полевой главный священникъ объѣзжалъ корпуса съ историческою святынею — иконою Явленія Богоматери пр. Сергію — которою Троицко-Сергіевская лавра благословила Куропаткина передъ отъѣздомъ его къ арміи. Онъ служилъ молебны и, будучи прекраснымъ проповѣдникомъ, говорилъ прекрасныя, пламенные рѣчи, отъ которыхъ плакали и солдаты, и офицеры.

— „.....Не забудьте — говорилъ о Сергій, — что здѣсь на горахъ и поляхъ маньчжурскихъ, честь

*) „Не могу одобрить эту работу — писалъ ген. Куропаткинъ, — погоня за мелочами, много надписей, мало наглядности..... Транскрипція китайскихъ названій мнѣ показалась (?) недостаточно провѣренной...“ Въ результатъ — ни крупнаго, ни мелкаго: пустое, бѣлое мѣсто на мѣстѣ грандіозной Лаутхилазы.

наша, слава нашей Родины, если свято исполните присягу. Но здѣсь и наше горе и позоръ, если уклонимся отъ долга“...

Но развѣ они уклонялись отъ долга? Развѣ они во имя долга не жертвовали своими жизнями, отставая Дашичао, Ляндяньсянь и Ляоянь? Это ли напоминаніе имъ нужно было?

Свой долгъ передъ Родиной они помнили.

Божью милость они заслужили своими трудами, лишеніями и кровью.

Имъ нужны были карты, пулеметы, горныя пушки, шимозы, легкая ноша за спиной,—все, что было у врага, чѣмъ онъ былъ силенъ и чего не было у насъ.

Имъ нуженъ былъ вождь—близкій къ нимъ, прозорливый, смѣлый, сильный духомъ...

А его то и не было.

Обыденный умъ, робкій, поработанный теоретическими знаніями и мелочами жизни, смущаемый постоянно сомнѣніями, и холодное сердце управляли ими издали, изъ Мукдена.

Припомните этотъ знаменитый приказъ войскамъ маньчжурской арміи (№ 687), которымъ возвѣщалось о нашемъ переходѣ въ наступленіе. Какое это академическое произведеніе,—длинное, искусственно построенное, не согрѣтое чувствомъ! Какое непониманіе психологіи людей, психологіи массъ сказалось въ этомъ разсказѣ або ово о событіяхъ предшествующихъ семи мѣсяцевъ войны! О чемъ напоминалось имъ войскамъ? О томъ, что хотя и „много подвиговъ содѣяно русскими войсками на сушѣ и на морѣ, но врагъ не только не поверженъ въ прахъ,

но въ гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами“... О томъ, что „войска маньчжурской арміи... до сихъ поръ не были достаточно сильны численно“... О томъ, что они до сихъ поръ только и дѣлали, что „покидали геройски обороняемыя ими позиціи, несмотря на многократное отраженіе атакъ японцевъ на ихъ позиціи у Ташичао, Ляндясяна и Ляояна“... О томъ, какъ войска отступали изъ подъ Ляояна... О томъ, наконецъ, съ какими трудностями совершается на разстояніи 10,000 верстъ сосредоточеніе силъ и подвозъ средствъ, обезпечивающихъ намъ побѣду...

Неужели все это могло воодушевить войска, укрѣпить ихъ духъ и вѣру въ успѣхъ? А равно и это самонадѣянное утвержденіе, странное послѣ всѣхъ этихъ скорбныхъ воспоминаній,—что „пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ“...*)

Приказъ этотъ помѣченъ 19 сентября: 22-го начато наступленіе; но только 25-го числа командую-

*) Сравните съ этимъ приказомъ слѣдующій приказъ Скобелева по войскамъ экспедиціоннаго отряда для завоеванія Ахаль-Теке, отданнаго подъ его начальство послѣ неудачныхъ попытокъ Ломкина, Тергукасова и Лазарева:—„Послѣ девятимѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣтъ вновь вступить въ предѣлы Ахалтекинской земли. Всѣмъ предстоитъ перенести много трудностей, встрѣтиться съ непріятелемъ храбрымъ, болѣе чѣмъ въ десятеро насъ сильнѣйшимъ. Кавказское сердце ваше всегда сумѣетъ быть на высотѣ боевого дѣла. Благодарный знаменамъ вашимъ за георгіевскій крестъ, я знаю васъ и не считаю праговъ. Прошу всѣхъ чиновъ отряда не забывать, что русская честь требуетъ мести за павшихъ товарищей нашихъ. Ген. адъют. Скобелевъ.“ 10 іюня 1880 года, № 91.

Вотъ какъ говорятъ съ войсками истинные полководцы!

цій арміей разрѣшилъ мнѣ передать содержаніе его по телеграфу въ Петербургъ, въ редакцію газеты. И такъ, уже начавъ наступленіе, мы все еще дѣлали изъ него тайну, очевидно все еще недостаточно оцѣнивая способность нашего врага проникать въ эти „тайны полишинеля“. А что и эта тайна была таковою, это ясно изъ того, что на наше наступленіе японцы отвѣтили наступленіемъ же и тѣмъ сразу испортили весь планъ Куропаткина. Онъ полагалъ, что японцы будутъ ждать насъ на своихъ позиціяхъ, въ окопахъ, а онъ будетъ маневрировать. Онъ мѣрялъ ихъ на свой аршинъ—пассивной обороны. А они проявили активную—и опять завладѣли инициативой дѣйствія.

Да и мудрено, конечно, было скрыть переходъ арміи въ наступленіе. Это требовало такой широкой хозяйственной подготовки, что она не могла укрыться отъ китайцевъ. Вѣдь это они поставляли тысячи арбъ и лошадей; вѣдь это ихъ тысячами нанимали въ возчики войсковыхъ тяжестей и запасовъ; вѣдь это у нихъ скупали скотъ, зерно и сѣно; вѣдь это изъ нихъ вербовали проводниковъ и переводчиковъ; вѣдь за семь мѣсяцевъ войны китайцы научились понимать, для чего такъ много въ одно мѣсто собирается войскъ и поѣздовъ съ красными крестами и пылающими гранатами. Этотъ послѣдній знакъ, умѣстный на вагонахъ со снарядами, курсирующихъ въ дни мира внутри Имперіи, вызывалъ печальную усмѣшку тамъ, по адресу тѣхъ разсѣянныхъ людей, которые такъ любили тайну.

Къ тому же о наступленіи говорили давно—съ самаго сосредоточенія къ Мукдену. Оно казалось и

трактовалось, какъ естественный реваншъ за неудачу подъ Ляояномъ. Не знали только дня перехода въ наступленіе. Войска ждали его, но безъ особаго воодушевленія.

И вотъ онъ насталъ.

22 сентября 1904 года, въ прекрасный солнечный осенній день, на площади у мукденскаго вокзала, вокругъ намета походной церкви собрался весь штабъ маньчжурской арміи, весь персоналъ мукденскихъ госпиталей, части, охранявшія главную квартиру, для слушанія напутственнаго молебна.

Съ понятнымъ интересомъ и волненіемъ ждали мы всѣ выхода изъ своего вагона командующаго арміей, а когда онъ вышелъ—старались прочесть въ его лицѣ—„что день грядущій намъ готовитъ“. Загорѣлое и осунувшееся, оно было сосредоточенно, но спокойно. Глаза прикрыты довольно большимъ козырькомъ фуражки.

Нѣсколько болѣе торопливою походкою, чѣмъ обычно онъ ходитъ, Куропаткинъ прошелъ мимо насъ и всталъ впереди своего штаба. Думаю, что не я одинъ не могъ въ эти минуты оторвать глазъ отъ этой одинокой фигуры. Въ этой одинокости сказывался трагизмъ человѣка, на которомъ въ этотъ историческій моментъ сосредоточивались всѣ наши надежды и упованія всей Россіи, который олицетворялъ всѣ расчеты ума и всю силу воли русскаго человѣка, который отнынѣ несъ на себѣ тяжкое бремя отвѣта за каждый свой шагъ, за каждое свое слово.

И этотъ трагизмъ усиливался еще тѣмъ, что въ этой сутуловатой, когда-то коренастой, а теперь

располнѣвшей и обрюзгшей фигурѣ, не по походному одѣтой даже въ этотъ день, не чувствовалось той мощи, которой требовали обстоятельства

— Мнѣ жаль его... Онъ славный человѣкъ,—шепнулъ мнѣ стоявшій рядомъ со мною Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, который, очевидно, перенесся въ этотъ мигъ воспоминаньемъ въ прошлое, когда этотъ, теперь историческій человѣкъ, былъ еще начинающимъ карьеру капитаномъ генеральнаго штаба.

„Славный человѣкъ“... Мнѣ припомнились прочитанныя гдѣ-то въ первые же мѣсяцы войны пророческія слова Скобелева, обращенныя къ Куропаткину, о которыхъ почему-то такъ долго молчали:

— „Какъ второе лицо ты хорошъ, но да хранить тебя Богъ браться когда-нибудь за командованіе! Ты нерѣшителенъ, у тебя нѣтъ воли и тебя собьетъ всякій... И какъ бы выработанный тобою планъ ни былъ хорошъ, ты никогда не доведешь его до конца“.

И вотъ теперь этому человѣку священникъ въ золотомъ облаченіи, съ высоко поднятымъ въ высь маньчжурскаго неба крестомъ говорилъ:

— „Со щитомъ, или на щитѣ—такъ говорили древніе... Желаніе сердца мужественнаго, но и самонадѣяннаго. Мы же, смиряясь подъ крѣпкую десницу Божию, скажемъ тебѣ, возлюбленный и доблестный вождь нашъ, со всѣми твоими сподвижниками и со всею ратью маньчжурской: съ Крестомъ, во Христѣ и за Христа! Освящаемый молитвами церкви, напутствуемый благожеланіями вѣрующей и преданной своему Царю Россіи—иди и соверши свое дѣло! И въ настоящія великія и тор-

жественныя минуты нѣтъ у насъ иного тебѣ благожеланія, кромѣ того, которое нѣкогда изрекъ ангелъ Господень одному израильянину, призванному спасти свое отечество: „Господь съ тобою, сильный мужъ“!

Но въ фигурѣ Куропаткина, внимавшаго словамъ пастыря, чувствовалось благоговѣніе молитвы, смиреніе, но не сила.

На другой день утромъ въ Мукденъ прибылъ Намѣстникъ съ своимъ начальникомъ штаба.

Въ вагонѣ г.-а. Алексѣева, какъ и передъ днями Ляояна, состоялось совѣщаніе на которое, какъ и тогда, начальникъ куропаткинскаго штаба приглашенъ не былъ. Это опять не сулило ничего хорошаго и всѣми было истолковано, какъ свидѣтельство продолжающейся розни въ средѣ высшаго управленія.

Въ тотъ же день г.-а. Алексѣевъ вернулся въ Харбинъ, а ген. Куропаткинъ выѣхалъ къ арміи.

* * *

Въ дни боевъ на Шахэ, пережитыхъ мною съ 3 сибирскимъ корпусомъ, я ничего не могу сказать о Куропаткинѣ. До насъ очень мало доходило свѣдѣній о дѣйствіяхъ арміи на фронтѣ.

Въ моемъ дневникѣ записано только, что 29 сентября пріѣзжалъ къ намъ генеральнаго штаба подполковникъ Ярошевичъ и сообщилъ, между прочимъ, содержаніе телеграммы Куропаткина:—„Армія отошла на линію Шахэ. Восточному отряду отходить на Бенъяпузу“.

Въ тотъ же день вечеромъ мы отошли на Падзды. А на другой день утромъ отъ начальника Восточнаго отряда, все того же злополучнаго гене-

рала Штакельберга, передано было намъ, уже отступившимъ:—„не думать объ отступленіи и драться до послѣдняго“. Но было уже поздно... Корпусъ отходилъ все далѣе и, когда мы были уже въ Хаолинзахъ, получено было 6 октября чрезвычайно характерное распоряженіе Куропаткина. Оно гласило:— „1-я в.-сиб. стрѣлковая дивизія производитъ сегодня усиленную рекогносцировку подъ начальствомъ ген.-маіора фонъ-деръ-Бринкена. Войскамъ арміи поддержать ее демонстраціей по всему фронту арміи безъ огня и потерь“.

Какъ, однако, слѣдуетъ производить такіа мудренныя демонстраціи, въ разсмотрѣнной выше инструкціи, къ сожалѣнію, указаній дано не было. И потому, конечно, ничего сдѣлано не было.

Общій отзывъ о руководствѣ Куропаткинымъ операціей наступленія былъ не въ его пользу. Говорили, что если подъ Ляояномъ онъ руководилъ арміей по телефону, то здѣсь онъ непосредственно руководилъ... батальонами и ротами. Это была, конечно, другая крайность, столь же вредная, какъ и первая.

И результатъ былъ тотъ же. Напей арміи не удалось продвинуться за Шахэ.

ХІІІ.

Назначеніе главнокомандующимъ.

„...Бенедекъ, прославившійся при Куртатоне въ 1848 г., при Наварѣ въ 1849 г. и при Сольферино въ 1859 г., былъ безспорно блестящій герой, но еще высшее геройство проявилъ онъ послѣ пораженія при Кенигрецѣ (въ 1866 г.), съ растерзаннымъ сердцемъ, но безмолвно покинувъ поле своей дѣятельности...“

(Тилло-фонъ-Троттъ)

До сихъ поръ остается невыясненнымъ отношеніе адмирала Алексѣева къ наступленію, принятому Куропаткинымъ, и роль его въ этой операціи. Но когда исходъ его опредѣлился и положеніе дѣлъ нашихъ стало еще болѣе затруднительнымъ, можно сказать—безвыходнымъ, г.-а. Алексѣевъ, видимо, не пожелалъ болѣе дѣлать съ ген. Куропаткинымъ ни лавры „блестящихъ отступленій“, ни отвѣтственность за темное будущее,—и возобновилъ свои ходатайства о сложении съ него званія главнокомандующаго. На этотъ разъ онѣ были уважены, и 10 октября послѣдовало Всемилоствѣйшее Государя Императора соизволеніе на освобожденіе ген-адъют. Алексѣева отъ обя-

занностей главнокомандующаго вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ. Онѣ были возложены на ген.-адъют. Куропаткина, который, получивъ теперь „полную мочь“ власти, долженъ былъ показать, на что онъ одинъ, безъ помѣхъ и стороннихъ вліяній, способенъ, и доказать, насколько справедливы были объясненія имъ предшествующихъ неудачъ двоевластіемъ надъ единою арміею.

На долю Куропаткина выпадала, такимъ образомъ, тяжелая отвѣтственность, но и благодарная задача—реабилитировать свою поколебленную репутацію полководца. Какъ онъ справился съ нею, мы увидимъ ниже, а теперь остановимся на самомъ фактѣ смѣны главнокомандующаго.

Мнѣ не пришлось быть въ эти дни среди войскъ и прислушаться къ ихъ толкамъ по поводу смѣны вождей. Но я имѣю основаніе думать, что они реагировали на нее довольно вяло. Генераль-адъютантъ Алексѣевъ стоялъ отъ нихъ вообще далеко, мало имъ показывался, въ распоряженіяхъ своихъ, касавшихся военныхъ дѣйствій, заслонялся фігурой командующаго арміею, а вѣра въ послѣдняго и его престижъ были уже поколеблены рядомъ неудачъ, изъ которыхъ послѣдняя, на Шахѣ, была еще такъ ощутительно свѣжа.

Мнѣ припоминается, какъ еще во время отхода войскъ къ Ляояну, во время одного ночного марша мнѣ пришлось выслушать мнѣніе, высказанное страстнымъ, рѣзкимъ тономъ въ группѣ офицеровъ одного славнаго боевыми подвигами полка:

— Если Куропаткинъ отступитъ и отъ Ляояна, его нужно арестовать подъ угрозой штыковъ и просить о назначеніи другого командующаго...

— Но вѣдь это будетъ пронунціаменто!—сказалъ кто-то.

— Что-жъ дѣлать? Такъ дольше воевать нельзя!

Иначе отнеслись къ этому событію въ штабахъ. Здѣсь вызванные имъ чувства были разнообразны, а проявленія ихъ ярки. Большинство оцѣнивало смѣну главнокомандующихъ съ точки зрѣнія перемѣнъ, могущихъ послѣдовать, въ ихъ судьбѣ и служебномъ положеніи, и только немногіе провидѣли впереди Мукденскій погромъ.

— Это было вчера, 11-го Сентября, въ Хуань-панѣ,—разсказывалъ мнѣ очевидецъ.—Мы собрались на обѣдъ у начальника штаба. Вдругъ является ординарецъ Куропаткина и зоветъ къ нему Владиміра Викторовича Сахарова. Тотъ уходитъ и возвращается къ намъ спокойный, но сосредоточенный.—„Извините, господа, что я васъ задержалъ, говоритъ онъ, но я принесъ вамъ громадную новость. Куропаткинъ болѣе не командующій арміей“...

Лица присутствующихъ дѣлаются серьезными и вытягиваются.

— ... а главнокомандующій! — доканчиваетъ ген. Сахаровъ.

— Ура!—кричатъ всѣ съ просіявшими лицами.

— А вы?! а вы?!

— Мнѣ главнокомандующій предложилъ быть начальникомъ его штаба, и я согласился на это только подъ однимъ условіемъ, что я не разстанусь съ своими сотрудниками. Онъ изъявилъ согласіе.

Новое и еще болѣе громогласное „ура“ покрыло эти слова.

Сѣли за столъ. Обѣдъ, говорятъ, не лишенъ

былъ комическихъ чертъ. Дѣло въ томъ, что по Положенію о полевомъ управленіи войсками, штабъ главнокомандующаго гораздо малочисленнѣе штаба командующаго арміей и не имѣетъ въ своемъ составѣ нѣкоторыхъ должностей, которыя есть въ послѣднемъ. Ясно, что нѣкоторымъ предстояло разстаться съ Куропаткинымъ, непосредственныя отношенія съ которымъ, хорошо уже налаженныя, представляли извѣстныя выгоды. Поэтому, когда первое возбужденіе улеглось и было выпито съ восторженнымъ „ура“ за здоровье новаго главнокомандующаго и его начальника штаба, всѣ сомнѣвавшіеся стали осторожно зондировать почву относительно своей судьбы. Всѣ они получили успокоительныя обѣщанія. Только ген. Харкевичъ, ген.-квартирмейстеръ штаба арміи, предполагалось, не войдетъ въ составъ новаго Куропаткинскаго штаба. Ему строился „золотой мостъ“ въ видѣ назначенія начальникомъ штаба 1-й маньчжурской арміи, командовать которой предназначался ген. Линевицъ.

Генералъ Путиловъ, герой Путиловской сопки, только-что получившій Георгіевскій крестъ по недостаточно провѣренному донесенію Куропаткина о взятіи имъ нѣсколькихъ японскихъ орудій, что потомъ оспаривалось рядомъ лицъ, — узнавъ о новомъ назначеніи ген. Куропаткина, выразилъ свой восторгъ въ той непосредственной, грубой формѣ, которою онъ вообще хотѣлъ подражать Суворову. Увидавъ Куропаткина, выходящимъ изъ фанзы, онъ бросился на него съ крикомъ „ура, главнокомандующій!“ и пытался схватить его въ охапку, чтобы поднять на воздухъ и качать.

Куропаткинъ отстранилъ его рукой и приказалъ не шумѣть. Путиловъ вытянулся по солдатски и приложилъ руку къ козырьку, но глаза его еще отражали въ себѣ внутреннее восторженное „ура“.

Когда событіе это на другой день стало извѣстнымъ въ Мукденѣ, то здѣсь повторились тѣ же сцены: большинство недоумѣвало: радоваться имъ или унывать. Это зависѣло отъ соображенія, будутъ ли они переведены въ штабъ главнокомандующаго или останутся въ штабѣ арміи. Одинъ штабъ-офицеръ сначала все уныло повторялъ, что ему надо уѣзжать въ Харбинъ, къ своему штатному мѣсту служенія, что тутъ онъ болѣе уже не нуженъ,—а когда ему объявили, что и его берутъ въ новый штабъ, онъ сталъ восторженно повторять всѣмъ и каждому: „какое счастье, что Куропаткина назначили! Это давно надо было сдѣлать, съ самаго начала кампаніи!“

Другой твердилъ всѣмъ и каждому, кто казалось могъ быть ему полезенъ, что онъ назначенъ состоять только при Куропаткинѣ—„беречь его“ и никого другого.

Какъ отнеслись наши враги къ новому назначенію Куропаткина?

Они, видимо, давно разгадали его характеръ и планъ его дѣйствій.

Направляясь въ сентябрѣ въ 3-й корпусъ, чтобы принять съ нимъ участіе въ наступленіи, и двигаясь по слѣдамъ японцевъ, я нашелъ въ кумирнѣ на Хоэнлинскомъ перевалѣ, служившей, видимо, жилищемъ японскихъ офицеровъ, нѣсколько №№-овъ японской провинціальной газеты „Фукуока ничи-ничи-синбунъ“... Въ одномъ изъ нихъ (отъ 6 сен-

тября н. с.) вотъ что писали японскіе журналисты о Куропаткинѣ и его стратегіи:

— „Вникая въ планъ дѣйствій генерала Куропаткина, мы приходимъ къ заключенію, что послѣ каждаго сраженія, потерпѣвъ въ немъ неудачу, онъ ждетъ прибытія подкрѣпленій и послѣ того стремится дать новый рѣшительный бой. Значитъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ медленно отступать, не нанося значительнаго урона своей арміи и не оказывая сильнаго сопротивленія намъ. Если это такъ, то, мы думаемъ, что планъ генерала Куропаткина во всемъ потерпитъ неудачу.“

Въ другой статьѣ писали, что „Куропаткинъ боится арміи Куроки, какъ скорпіона...“

Понятно, назначеніе Куропаткина было имъ какъ нельзя болѣе, на руку. Очень остроумно это было выражено въ одной заграничной карриатурѣ. На рисункѣ изображена внутренность палатки. Въ ней собрались японскіе военачальники по случаю „радостнаго извѣстія (Freudenbotshaft — такова подпись подъ рисункомъ). Оно вызвало общее оживленіе и ликованіе. Толстый Ояма, одѣтый въ теплую китайскую шубу, прислонился къ палатной стойкѣ и схватившись за животъ, хохочетъ во все горло, ...Хохочетъ Нодзу, согнувшись въ три погибели... Хохочетъ Куроки ...Хохочетъ Оку, порывающійся уже куда то впередъ... Хохочетъ даже бойка-китаецъ, стоящій у входа... И сквозь смѣхъ они повторяютъ одно:— „Kouropatkin bleibt.. Kouropatkin bleibt!...“

Нѣмецкое происхожденіе этой карриатуры указываетъ, какъ оцѣнили этотъ фактъ и въ Европѣ.

„Matin“ недоумѣвало: „Полководцы былыхъ временъ, говорилось въ немъ—прославлялись побѣдами... Куропаткинъ являетъ собою новый типъ: чѣмъ далѣе и быстрѣ онъ отступаетъ, тѣмъ болѣе приобрѣтаетъ славы этотъ странный воинъ (*étrange guerrier*)...“

Когда „штабные“ восторги улеглись, началось развертываніе и формированіе штабовъ главнокомандующаго и трехъ маньчжурскихъ армій. Надо ли говорить, что не люди подгонялись подъ Положеніе о полевомъ управленіи войсками, а Положеніе подъ людей, которыхъ не хотѣли обидѣть, которымъ хотѣли выказать свое расположеніе и которымъ, поэтому, нужно было устроить мѣста съ болѣе или менѣе обширными полномочіями, хорошими окладами и громкими титулами. Спѣшно составлялись штаты и положенія по различнымъ отдѣламъ управленія. Объ этомъ только и думалось, и говорилось. И въ наступившей вакханаліи карьеризма, въ тревогахъ за свою личную судьбу, въ погонѣ за своей фортунной забывали о новой крупной военной неудачѣ, отодвигавшей насъ отъ осажденнаго Портъ-Артура и дѣлавшей успѣшный исходъ кампаніи еще болѣе сомнительнымъ. Убаюкивали себя и другихъ тѣмъ, что теперь все пойдетъ по новому, какъ будто виною прошлаго были старые штаты, а не люди съ новыми окладами, и титулами, но со старыми способностями.

Такимъ образомъ, составъ новаго штаба главнокомандующаго увеличился должностями: главнаго полевого интенданта маньчжурскихъ армій, начальника санитарной части армій, главнаго полевого контролера, главнаго полевого священника при глав-

нокомандующемъ и начальника канцеляріи при главнокомандующемъ; начальникъ желѣзнодорожнаго отдѣла штаба главнокомандующаго превратился въ начальника военныхъ сообщений и пла рѣчь о присвоеніи ему титула генераль-губернатора мукденской провинціи. Проектъ новыхъ штатовъ штаба полковникъ Даниловъ повезъ въ Петербургъ, а пока что штабъ сформировался и дѣйствовалъ въ новомъ расширенномъ составѣ.

Надо правду сказать, генераль Куропаткинъ стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ этой вакханаліи. Его личное участіе выразилось здѣсь только въ выборѣ себѣ новаго генераль-квартирмейстера. И на этотъ разъ онъ проявилъ ту же склонность къ импровизации. Казалось, что польза дѣла требовала назначенія на эту должность исполнявшаго ее въ штабѣ ген.-ад. Алексѣева, ген.-м. Флуга. Чрезвычайно скромный, чрезвычайно корректный, дѣловитый, давно уже служившій въ краѣ, онъ могъ быть очень полезенъ Куропаткину, такъ какъ, исполняя до войны должность начальника штаба Намѣстника, а во время войны—должность генераль-квартирмейстера его штаба, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова въ курсѣ дѣла и всѣхъ соображеній бывшаго главнокомандующаго. На его имени теперь и сходились почти всѣ. Но онъ былъ изъ числа „алексѣевцевъ“—и этого было достаточно, чтобы Куропаткинъ предпочелъ ему дотолѣ никому невѣдомаго генерала Эверта, котораго пришлось выписывать изъ Варшавскаго военнаго округа, гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба 5-го арм. корпуса. Немудрено, что къ концу января 1905 года онъ, по словамъ офицеровъ

квартирмейстерской части, все еще не зная на память дислокаціи дивизій не только японскихъ, но и нашихъ и вообще не чувствовалъ и не понималъ пульса событій, затѣявъ какъ разъ передъ мукденскими боями реорганизацію полевого штаба. Генералъ Флугъ же, пріѣзжавшій въ двадцатыхъ числахъ октября вмѣстѣ съ генераломъ Жилинскимъ въ Чянсямутунъ, не получивъ никакихъ приглашеній, вернулся въ Харбинъ и только впоследствии былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ 2-ой арміи, въ каковой должности, однако, оставался не долго и вообще для пользы дѣла, для войны, былъ потерянъ.

Тутъ кстати будетъ сказать, что пользу дѣла генералъ Куропаткинъ никогда и ни въ чемъ не умѣлъ примирять со своими симпатіями и отношеніями. Такъ, польза дѣла требовала пребыванія штаба главнокомандующаго въ Мукденѣ, гдѣ для работы штаба были сравнительно удобныя помѣщенія въ домахъ желѣзнодорожнаго поселка, гдѣ все уже было налажено и гдѣ ничто не мѣшало оставаться, кромѣ вдругъ возникшей къ нему антипатіи Куропаткина. Теперь съ Мукденомъ повторялась та же исторія, что и съ Ляояномъ. Въ свое время Ляоянъ былъ предпочтенъ Дашичао, потому что— „Ляоянъ мнѣ приноситъ несчастіе. Я не люблю Ляояна“. Такъ, говорятъ, объяснялъ Куропаткинъ нѣкоторымъ лицамъ своего штаба, перемѣну своей штабъ-квартиры *). Теперь онъ не влюбилъ Мукдена, изъ котораго выѣзжалъ, увѣренный въ побѣдѣ, и куда долженъ былъ вернуться безъ нея. Какъ будто Мукденъ виноватъ былъ въ нашей неудачѣ!

*) Я слышалъ это отъ генерала Б.

И вотъ начались поиски новой штабъ-квартиры. Сначала остановилась на Хуань-шанѣ. Но пробыли здѣсь не долго. Мѣшала близость сопки съ кумирней, занятой японцами, постоянно стрѣлявшими отсюда изъ тяжелыхъ орудій. Тогда розыскали Чансямутунь — жалкую, полуразрушенную китайскую деревушку, лежащую среди унылой равнины, среди необработанныхъ сѣрыхъ маньчжурскихъ полей, по которымъ вѣтеръ двигалъ теперь цѣлыя стѣны сухой земли и песку. Пришлось возстановлять разрушенныя фанзы, ставить въ нихъ печи, для большей пригожести обтягивать ихъ внутри и снаружи цвѣтнымъ коленкоромъ и прокладывать новые пути для поѣздовъ главнокомандующаго и его штаба. Весь этотъ капризъ, конечно, стоилъ денегъ—но развѣ ихъ когда нибудь у насъ вообще берегли? А на войнѣ тѣмъ меньше!

Проклиная Чансямутунь, пришлось, однако, штабу собирать вороха своихъ бумагъ и перебираться въ полумракъ и тѣсногу китайскихъ фанзъ. Добро бы еще этой близости штаба къ войскамъ требовалъ ходъ военныхъ операций. Но ихъ не было и даже не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. На театрѣ войны наступило томительное, тяготившее всѣхъ затишье, нарушавшееся только въ сущности безцѣльною артиллерійскою и ружейною перестрѣлкою да дѣйствіями отдѣльныхъ батальоновъ и охотничьихъ командъ. Войска рыли въ полумерзлой землѣ окопы и батареи да строили себѣ землянки, въ которыхъ жили, какъ троглодиты, похожіе на нихъ и своимъ безобразнымъ внѣшнимъ видомъ—въ безформенныхъ грязныхъ полушубкахъ, китайскихъ

халатахъ и курткахъ, въ свалявшихся и пропитавшихся пылью папахъ, разсадникахъ насѣкомыхъ, и кто въ валенкахъ, кто въ порыжѣлыхъ ссохшихся сапогахъ, кто въ раздобытой случайно китайской обуви.

Снабженіе войскъ теплымъ платьемъ было, по видимому, одной изъ главныхъ заботъ Куропаткина. Еще въ началѣ сентября распорядился онъ приобрѣсти китайскія куртки, и я помню какъ въ пасмурный холодный день 7-го сентября команда нижнихъ чиновъ, одѣтая въ эти куртки—зеленые, синіе, черные, красные—парадировала предъ командующимъ арміей. Рѣзкій контрастъ представляли въ этихъ курткахъ наши люди съ плѣнными японцами, изрѣдка доставлявшимися къ намъ въ Мукденъ. Послѣдніе всегда одѣты были въ мундиръ достаточно чистый и въ пальто темнаго бурочнаго сукна съ капюшономъ.

— Богъ ихъ знаетъ, какъ они умудряются свою одежду въ порядкѣ содержать, удивлялся мой вѣстовой, разглядывая одного такого плѣннаго.—Нашему брату, что ни дай—все заносить...

„Нашъ братъ“, конечно, былъ виноватъ въ неказистости своего вида, но только отчасти. Во-первыхъ, начальство не требовало отъ него соблюденія формы, ибо и само ея не соблюдало; во вторыхъ, выдавъ солдату вещь для носки, оно въ цѣляхъ экономіи, соглашалось перемѣнить ее на новую только тогда, когда она превращалась въ лохмотья, и, наконецъ, въ третьихъ—матеріальныя качества нашихъ вещей были невысоки.

Я знаю, что главнокомандующій очень волновался недостаткомъ у арміи теплой одежды и постоянно

подсчитывалъ количество полученныхъ полушубковъ и купленныхъ китайскихъ халатовъ. Но все это мало помогало дѣлу. Оно въ корнѣ своемъ не было налажено. И въ то время, какъ въ Мукденѣ тратились деньги на покупку пестрыхъ куртокъ,—полушубки невѣдомо ни для кого были подъ рукою.

Ревизоръ движенія Забайкальской жел. дороги рассказывалъ мнѣ въ январѣ 1905 года, что еще въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ нашелъ въ Читѣ на путяхъ 11 вагоновъ съ полушубками, высланными изъ Кіевского интендантскаго склада въ іюлѣ и прибывшими въ Читу въ концѣ августа. Вагоны эти были уже выкуплены интендантствомъ у желѣзной дороги посредствомъ обмѣна документовъ, но затѣмъ позабыты въ Читѣ же. Здѣсь ихъ вновь этотъ же ревизоръ и обнаружилъ въ декабрѣ. И только тогда, когда онъ пригрозилъ, что будетъ брать штрафъ за простой вагоновъ, они куда-то исчезли.

Но сильнѣе всего ощущался арміей недостатокъ въ теплой обуви. Было почти нормальнымъ явленіемъ, что на роту въ 140—150 человѣкъ было только 25—35 паръ валенокъ. Эту цифру сказали мнѣ сперва нѣсколько обмороженныхъ солдатъ при посѣщеніи мною нѣкоторыхъ госпиталей, а затѣмъ подтвердилъ ее 5-го января и состоявшій при генералѣ Сахаровѣ подполк. генер. штаба Б.

Для иллюстраціи всего вышесказаннаго приведу здѣсь еще рассказъ рядового 5-ой роты, 88-го пѣх. Петровскаго полка, Андрея Локтева (призыва 1901 г.), лежавшаго въ началѣ января 1905 г. съ отмороженными ногами въ 1-мъ сводномъ госпиталѣ въ Харбинѣ

Ночью 29 ноября онъ былъ въ составѣ роты на

сторожевой службѣ. Ночь была холодная, особенно подѣ утро. Земля промерзла, но снѣгу не было. Одѣтъ онъ былъ, по собственному его выраженію, въ „лѣтніе сапоги“, т.-е. кожаные, съ бумазейными портянками, въ ватные штаны, въ куртку съ овчиной до колѣнъ и шинель; на головѣ фуражка.

— ...Папахи и то не у всѣхъ, — объяснилъ онъ мнѣ, — а валенокъ еще меньше. Въ ротѣ насъ 140 человѣкъ, а валенокъ только 35 паръ.

Въ 2 ч. ночи въ такомъ костюмѣ онъ былъ поставленъ подчаскомъ, пробылъ имъ два часа, а затѣмъ сталъ на два часа часовымъ. Смѣнился въ 6 ч. утра, пробывъ, такимъ образомъ, безсмынно на готовѣ четыре часа. Японцы всю ночь стрѣляли, а мы отмалчивались. Посты обходились ротнымъ и батальоннымъ командирами, но Локтевъ имъ ни на что не жаловался, и только тогда, когда онъ съ поста смѣнился, почувствовалъ, что „перстовъ какъ бы нѣтъ“. Пошелъ — больно. Сняли сапоги; ротный командиръ осмотрѣлъ ноги, покачалъ головой и велѣлъ отправить въ госпиталь.

Онъ говорилъ все это спокойно безъ раздраженія, и его добродушное лицо съ рыжеватой клочковатой бородой и сѣрыми глазами освѣтилось дѣтски наивной улыбкой, когда сопровождавшая меня сестра милосердія громко выразила недоумѣніе, что чловѣка въ „лѣтнихъ сапогахъ“ заставили зимою простоять на одномъ мѣстѣ четыре часа.

— Нѣтъ валенокъ, милая, и нѣтъ, — отвѣтилъ ей Локтевъ. — Откуда же ихъ взять?

И про такихъ-то солдатъ Куропаткинъ говорилъ, что они стали хуже?!

XIV.

Бездѣйствіе.

Дѣятельность есть важнѣйшее изъ
всѣхъ достоинствъ воинскихъ.

(Суворовъ).

„...Бездѣйствіе въ Средней Азіи
всегда невыгодно и опасно...“

(Изъ письма Скобелева Куро-
паткину отъ 2 іюня 1880 г.).

Не выработанное заблаговременно, а наскоро, ad hoc импровизированное зимнее обмундированіе арміи не отвѣчало, конечно, требованію походнаго снаряженія — было неуклюже, мало практично, увеличивало и безъ того не малый вѣсъ походной ноши солдата и потому немудрено, что нѣкоторые войсковые начальники просто на просто тяготились имъ. Такъ, въ половинѣ октября начальникъ 5-ой вост. сиб. стр. дивизіи ген.-лейт. Алексѣевъ сообщилъ дежурному генералу „для доклада кому угодно, что въ случаѣ перехода въ наступленіе, онъ бросить на мѣстѣ всѣ теплыя вещи“...

Войска все еще вѣрили въ идею наступленія и ждали приказа о немъ со дня на день.

Помню бодрое, приподнятое настроеніе, которое царило въ отрядѣ ген. Мищенко, стоявшемъ въ де-

ревнѣ Кіулундзиндзы, близь Хуаншаня, и получившемъ предложеніе готовиться въ набѣгъ.

Я пріѣхалъ туда 20-го октября 1904 г., чтобы повидать старыхъ знакомыхъ по Сахотанскимъ боямъ, чтобы повидать самого ген. Мищенко и на другой день присутствовать на церковномъ парадѣ и на церемоніи раздачи генераломъ знаковъ отличія военного ордена своимъ молодцамъ-казакамъ. Застаю выводку лошадей. Офицерство толпой ходитъ за генераломъ отъ одной сотни къ другой. Всѣ настроены весело и бодро. Нѣтъ и слѣдовъ хандры отъ томительнаго бездѣйствія послѣ боевъ на Шахэ, монотонной жизни въ неуютныхъ, грязныхъ, холодныхъ китайскихъ фанзахъ, подъ сѣрымъ пологомъ осенняго маньчжурскаго неба, среди сѣрой, безжизненной и безлѣсной равнины.

— Дней черезъ пять или шесть идемъ въ набѣгъ, въ тылъ японцевъ,—конфиденціально объявилъ мнѣ генералъ, отбирая лошадей, что покрѣпче, повыносливѣе.

Послѣ, за ужиномъ, подъ шумъ общей веселой товарищеской бесѣды мнѣ удалось поговорить съ генераломъ о томъ, какъ онъ предполагаетъ организовать набѣгъ.

— Прежде всего я хочу, чтобы меня не стѣсняли строго ни направлениемъ, ни срокомъ. Если мнѣ скажутъ, что я долженъ выполнить набѣгъ въ шесть дней,—я откажусь; если мнѣ начертятъ путь—тоже самое. Мало ли куда потянетъ и какой крюкъ придется сдѣлать! Все зависитъ отъ того, кого я встрѣчу и какъ японцы будутъ меня ловить. Хотятъ, чтобы я ввязывался въ бой... А по моему, цѣль набѣга

въ томъ, чтобы своимъ появленіемъ въ тылу нагнать панику, уничтожать запасы, захватывать транспорты, разрушать пути, захватывать отдѣльныя команды, а попутно—и развѣдывать... Все дѣло въ быстротѣ. Поэтому я думаю взять съ собой артиллеріи самое малое количество—свою Забайкальскую, да конно-горную батареи... Обозъ только вьючный.

Отъ офицеровъ я узналъ затѣмъ, что Мищенко предупредилъ ихъ, что раненые и больные, въ отступленіе отъ обычнаго правила, будутъ брошены, дабы не обременять отрядъ и не замедлять скорость его движенія. И потому всѣ должны были быть готовы попасть въ руки японцевъ или китайцевъ.

И уже одно это предупрежденіе, кстати сказать, принятое въ отрядѣ спокойно и просто, освѣщаетъ намъ тотъ характеръ набѣга, какимъ онъ долженъ былъ быть по мысли самого генерала Мищенко,—лихимъ кавалерійскимъ рейдомъ.

Когда черезъ день я уѣзжалъ изъ отряда, меня общали увѣдомить о днѣ выступленія въ набѣгъ, дабы и я могъ принять въ немъ участіе.

Но прошло пять дней, шесть, прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ,—а о набѣгѣ отряда генерала Мищенко все только говорили... И вѣроятно, не въ одной нашей арміи...

Считая набѣгъ не состоявшимся, я уѣхалъ въ Харбинъ и здѣсь, въ самомъ концѣ декабря, узналъ, что наканунѣ Рождества отрядъ отправили таки въ набѣгъ.

И такъ, два мѣсяца колебался Куропаткинъ и наконецъ, рѣшился. Рѣшился послѣ того, когда эта операція лишилась самой существенной своей черты—

внезапности, когда обстановка для нея кореннымъ образомъ измѣнилась въ сторону для насъ неблагопріятную и когда она, пожалуй, утратила и самый свой смыслъ.

Портъ-Артуръ уже палъ, и это обстоятельство не могло не измѣнить нашъ общій планъ военныхъ дѣйствій, мѣняя цѣли и задачи. До сихъ поръ предъ всѣми стояла ясная, конкретная цѣль—освободить Портъ-Артуръ. Теперь она исчезла и намъ предстояло просто на просто разбить врага, сильнаго сознаниемъ одержанныхъ до сихъ поръ крупныхъ успѣховъ и опиравшагося на цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ линій: Шахэ, Тайцзыхэ—Ляоянь, Дашичао — Инкоу, а далѣе опять Фынхуанченъ, Гайчжоу, Кинчжоу, Нангалинь, Волчьи горы, Артуръ.

Тылъ японской арміи, куда теперь направленъ былъ отрядъ ген. Мищенко, оживленъ былъ передвиженіемъ арміи Ноги изъ подъ Артура на Шахэ, а двухмѣсячные толки о набѣгѣ, о которомъ говорили даже въ далекомъ Петербургѣ, должны были держать здѣсь всѣхъ наготовѣ.

Въ октябрѣ, когда впервые родилась мысль о набѣгѣ, было еще сравнительно тепло; не только въ деревняхъ, но даже и въ поляхъ можно было найти запасы чумизы и гаоляна. Теперь все это было поприпрятано, попріѣдено самими китайцами и отобрано нами и японцами, что заставляло отрядъ брать съ собою продовольствіе въ большемъ размѣрѣ и тѣмъ увеличивало размѣръ обоза. Было холодно; въ поляхъ лежалъ уже снѣгъ, и ночлеги подъ открытымъ небомъ стали тяжелѣе для людей и лошадей;

гололедица и ледъ на рѣчкахъ затрудняли движеніе—и тѣмъ не менѣе отрядъ былъ отправленъ въ набѣгъ.

И организованъ онъ былъ иначе, чѣмъ думалъ Мищенко. Единство отряда нарушено было прежде всего включеніемъ въ его составъ частей, дотолѣ мало знавшихъ другъ друга; затѣмъ онъ былъ раздѣленъ на три колонны и обремененъ огромнымъ количествомъ артиллеріи и обоза. Вмѣсто пролета черезъ тылъ противника задачей отряду поставленъ бой—овладѣніе Инкоу и уничтоженіе тамъ огромныхъ продовольственныхъ складовъ.

Результаты набѣга извѣстны: Инкоу взять не удалось, и самый набѣгъ прозванъ „черепашьимъ“. Во всемъ этомъ винили, конечно, Мищенко, тѣмъ болѣе охотно, что у его популярности и общей любви въ арміи было много завистниковъ. Въ Мукденѣ и въ Чансямутуни, куда я вернулся ненадолго въ началѣ января, не безъ злорадства говорили, что „Мищенко не оправдалъ надеждъ—не сумѣлъ взять Инкоу и вообще прокопался“. Пришелъ, стало быть, и его чередъ быть козломъ отпущенія за чужіе промахи и неумѣнье. Виноватъ же опять былъ Куропаткинъ—и прежде всего своею медлительностью и нерѣшительностью, изъ за которыхъ было упущено время. Затѣмъ этотъ глубоко пѣхотный генералъ въ организаціи отряда и набѣга не смогъ подняться на высоты кавалерійскаго духа и затормозилъ движеніе, лишивъ лихого генерала Мищенко простора въ иниціативѣ и организовавъ кавалерійскій набѣгъ по образцу движенія пѣхотной части. Наконецъ, какъ главнокомандующій, онъ ничѣмъ не облегчилъ

дѣйствій брошеннаго въ тылъ отряда—ни демонстраціями на фронтѣ, ни даже усиленіемъ огня.

Если въ чемъ и можно было винить ген. Мищенко, такъ это въ томъ, что онъ не осуществилъ своего намѣренія отказаться отъ руководства набѣгомъ, если его будутъ стѣснять въ организаціи, въ выборѣ цѣлей и въ планѣ дѣйствій. Но вѣдь это, конечно, легче сказать, чѣмъ сдѣлать, въ особенности такому генералу, какъ Мищенко. Едва ли былъ на театрѣ войны другой генераль, который воевалъ бы съ такой охотой и удовольствіемъ, переносилъ бы всѣ тяжести и лишенія войны такъ легко и просто, какъ онъ.

Онъ не смогъ отказаться и пошелъ. Думаю, что если бы на его мѣстѣ былъ ген. Ренненкампфъ, или кто либо другой,—результатъ набѣга, его характеръ были бы тѣ-же. Можетъ быть, только отходъ отряда назадъ совершился бы менѣе благополучно, ибо рѣдко кто умѣлъ выходить въ эту войну съ такою честью изъ тѣхъ критическихъ положеній, въ какія ставила судьба генерала Мищенко съ его отрядомъ, какъ на переправѣ черезъ Ялу или подъ Сюанемъ. Въ такія минуты боевой жизни отряда спокойствіе ген. Мищенко, его личное мужество, быстрое пониманіе обстановки и рѣшимость были поразительны и подчиняли себѣ всѣхъ.

— Мищенко заведетъ, но и выведетъ, говорили про него въ отрядѣ и вѣрили въ него беззавѣтно.

А онъ пользовался всякимъ случаемъ чтобы покорить себѣ людей и создать въ нихъ готовность идти за нимъ куда угодно.

Разскажу здѣсь одинъ эпизодъ, случившійся

какъ-разъ въ эти мѣсяцы зимовки арміи на Шахѣ и имѣющій отношеніе не только къ генералу Куропаткину.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ октября, по донесенію генерала Куропаткина—„болѣе 100 всадниковъ Терско-Кубанскаго коннаго полка“, а болѣе точно—двѣ сотни этого полка отказались долѣе нести службу и просили уволить ихъ по домамъ. Отказъ этотъ они мотивировали тѣмъ, что срокъ свой, на который ихъ нанимали, шесть мѣсяцевъ—они отслужили и долѣе служить не желаютъ, такъ какъ Маньчжурія очень холодная страна, японцы очень сильный врагъ, крестовъ и медалей даютъ имъ очень мало, добычи же никакой вообще нѣтъ. Тщетно, почти въ теченіи двухъ недѣль, полковое начальство убѣждало ихъ подчиниться отданному приказанію—посѣдлать лошадей и перейти на бивакъ въ указанную деревню. Всадники отказывались и спокойно, но твердо просили отпустить ихъ на Кавказъ.

Доложили Куропаткину.

— Я хотѣлъ бы четырехъ или пять человѣкъ разстрѣлять. Могу я это сдѣлать?—спросилъ онъ.

Ему отвѣтили: никакъ нѣтъ.

— Почему?

— Потому, что въ законѣ за это смертной казни не положено.

— А что же положено?

— По ст. 111 Воинск. Уст. о наказ. за всякаго рода соглашенія въ числѣ двухъ или болѣе лицъ съ цѣлью противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ, а также за составленіе прошеній,

заявленій и тому подобныхъ бумагъ въ военное время полагается ссылка въ каторжную работу отъ 4 до 8 лѣтъ.

— Ну, такъ я хочу предать суду двѣнадцать всадниковъ.

— Надо, по крайней мѣрѣ, дознаніе произвести.

— Сколько же на это времени надо?

— Около недѣли.

— Это много. Мнѣ справедливости не надо. Мнѣ нуженъ примѣрный, строгій судъ...

И, помолчавъ немного, онъ отдалъ приказаніе произвести въ два дня судъ надъ двѣнадцатью всадниками Терско-Кубанскаго полка.

Предали ихъ суду уже не по 111 ст., а по 110 того же Воинскаго Устава о наказ.—, „за явное возстаніе въ числѣ восьми или болѣе человѣкъ съ намѣреніемъ воспротивиться начальству или нарушить долгъ службы“, что подвергало виновныхъ уже не каторжнымъ работамъ, а смертной казни.

Лучшею защитительною рѣчью былъ оглашенный на судѣ рапортъ начальника Кавказской конной бригады, въ которомъ очень обстоятельно изложены были обстоятельства формировація полка и условія службы въ немъ. Въ этомъ рапортѣ рассказывалось, какъ горскому населенію Кавказа, остававшемуся въ сторонѣ отъ движенія, вызваннаго войною, такъ какъ не всѣ племена его обязаны воинской повинностью, предложено было сформировать два конныхъ полка для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ японцевъ.

Условія службы были объявлены довольно неопредѣленно и потому запись охотниковъ шла до-

волью медленно. Но такъ какъ не сформировать эти полки было уже нельзя, то употреблены были всѣ мѣры административнаго воздѣйствія и въ концѣ концовъ полкъ сформировался, главнымъ образомъ, не изъ охотниковъ, а изъ наемниковъ и людей, сданныхъ сельскими горскими обществами, сбывавшими отъ себя неблагонадежные и опасные элементы. Имъ выдали оружіе и жалованье, 120 р., впередъ за шесть мѣсяцевъ. Это послѣднее обстоятельство и дало теперь, по истеченіи полугода, всадникамъ основаніе заявлять, что срокъ, на который ихъ нанимали, они отбыли и больше служить не желаютъ. Истиннаго же положенія вещей, дѣйствительныхъ обязанностей всадниковъ и долга службы имъ разъяснено и внушено не было, такъ какъ—и это прямо говорилось въ рапортѣ князя Орбеліани—командиръ полка полковникъ П—инъ не сумѣлъ установить въ полку строгаго внутренняго порядка, дисциплины и спаять полкъ въ одно цѣлое. Да правду сказать, это было и мудрено: и самъ командиръ полка, и огромное большинство офицеровъ были совершенно чужды подчиненнымъ имъ всадникамъ. Русскіе по происхожденію, гвардейцы по службѣ, они не знали ни души горцевъ, ни ихъ языка, ни обычаевъ, ни нравовъ. То и другое въ простотѣ невѣдѣнія часто, хотя и неумышленно, попиралось и оскорблялось. Немудрено поэтому, что офицеры въ этомъ полку не пользовались должнымъ уваженіемъ, а командиръ полка полк. П—инъ былъ прямо даже не любимъ *). Полкъ

*) Былъ случай отказа въ одномъ бою, со стороны ординарца-всадника подать коня полк. П—ину.

держался на вліянні вахмистровъ и отдѣльныхъ всадниковъ, пользовавшихся почему либо у своихъ земляковъ почетомъ и уваженіемъ. Въ заключеніе, командиръ бригады свидѣтельствовалъ, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія своего комплектованія и внутренней организаціи, полкъ дрался всегда хорошо...

5-го ноября 1904 года состоялся судъ. Двое,—вахмистръ и всадникъ Керефовъ, бывший учитель горской школы въ Нальчикѣ, пользовавшійся въ полку особымъ авторитетомъ,—были приговорены къ разстрѣлію, а остальные десять—къ ссылкѣ въ каторжныя работы на различные сроки, до 15 лѣтъ.

9-го ноября приговоръ этотъ былъ утвержденъ главнокомандующимъ и привести его въ исполненіе было предписано генералу Мищенко, которому, въ виду набѣга, подчинена была Кавказская конная бригада.

Казнь была назначена на 10-ое ноября. Рассказывали, что наканунѣ вечеромъ Мищенко пріѣзжалъ къ Куропаткину и очень долго убѣждалъ его помиловать осужденныхъ къ смерти, указывая, что эта милость очень благотворно повліяетъ на войска, которымъ предстоитъ идти въ опасный набѣгъ. Но Куропаткинъ былъ неумолимо твердъ.

Утромъ 10-го числа осужденные къ смерти были отправлены въ расположеніе отряда ген. Мищенко, и часа въ три казнь должна была состояться. Но тутъ произошло что-то странное. Докладъ ли о прибытіи осужденныхъ не былъ сдѣланъ своевременно, не обратили ли на него вниманія, но только вечеромъ того же дня Мищенко былъ вновь у главно-

командующаго и, докладывая, что казнь не состоялась за неприбытіемъ осужденныхъ, снова просилъ его помиловать ихъ.

— Ну, такъ и быть, дарю вамъ одного,—вахмистра,—сказалъ ему Куропаткинъ.

Но другой день, 11-го числа, осужденные, конечно, нашлись, ихъ вывели передъ полки Отдѣльной Забайкальской казачьей бригады, стоявшіе въ конномъ строю съ оружіемъ и готовностью дѣйствовать,—и передъ полки Кавказской конной бригады, бывшіе въ пѣшемъ строю, безъ оружія, такъ какъ опасались ихъ возмущенія. Вахмистру было объявлено, что смертная казнь замѣняется ему каторжными работами, а всадникъ-учитель, принявъ напутствіе муллы, былъ разстрѣлянъ взводомъ 1-го Читинскаго казачьяго полка.

Онъ умеръ мужественно, убѣжденный въ томъ, что сталъ жертвой обмана. Стоя у столба и кланяясь своимъ сородичамъ, онъ просилъ ихъ передать его привѣтъ Кавказу и выражалъ сожалѣніе, что будетъ зарытъ въ маньчжурской землѣ.

— ...Меня обманули,—говорилъ онъ,—обѣщали черезъ шесть мѣсяцевъ отпустить и не отпустили. И же что обѣщалъ, то и сдѣлалъ: я дрался съ японцами, какъ храбрый воинъ, и меня представили къ наградѣ. Я въ бою не боялся смерти и теперь не боюсь... Но меня обманули.

Всадники угрюмо молчали. „Примѣрный судъ“ былъ исполненъ.

О ходатайствѣ Мищенко за жизнь осужденныхъ скоро стало извѣстно въ полкахъ Кавказской бригады и, благодарные за него, они шли за своимъ новымъ вождемъ въ огонь и въ воду.

* *
*

Бездѣйствіе, въ которомъ пребывала наша армія послѣ неудачныхъ боевъ на Шахэ и которому конца не предвидѣлось, томило все больше и больше.

Судьба Артура занимала и волновала всѣхъ. Борющійся непрерывно, онъ стоялъ въ душѣ каждаго мучительной укоризной.

Въ самомъ штабѣ главнокомандующаго значительная часть офицеровъ генеральнаго штаба признавала необходимость и даже возможность послѣ прибытія части подкрѣпленій, атаковать японцевъ въ ноябрѣ или въ первыхъ числахъ декабря. Однимъ изъ нихъ былъ составленъ даже особый докладъ о политическихъ и военныхъ планахъ японцевъ, представленный одновременно главнокомандующему, его начальнику штаба, вр. и. д. генераль-квартирмейстера и въ главный штабъ.

Указывая, что японцы овладѣли въ Артурѣ важными позиціями, съ которыхъ будетъ разстрѣляна наша эскадра, и что гибель ея и неувѣренность въ прибытіи помощи извнѣ дурно отзовутся на состояніи духа защитниковъ крѣпости и ускорять печальную развязку, авторъ доклада разбиралъ существующее мнѣніе, будто паденіе Артура не можетъ оказать особо важнаго вліянія на исходъ войны и что мы будемъ считаться въ данномъ случаѣ только съ моральными послѣдствіями этой новой неудачи. Соглашаясь съ этимъ, онъ высказывалъ совершенно правильную мысль, что съ потерей Артура армія наша потеряетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ успѣха, такъ какъ она уже не будетъ видѣть ясной цѣли для быстрыхъ операцій.

Онъ доказывалъ, что приостановка военныхъ дѣйствій выгодна только японцамъ, такъ какъ главная цѣль ихъ задержать нашу армію до паденія Артура, когда они непременно притянутъ къ маршалу Оямѣ армію Ноги и, такимъ образомъ, усилятся еще тысячь на 50—60. Онъ говорилъ, наконецъ, что, не имѣя ни политическихъ, ни стратегическихъ причинъ для наступательной зимней кампаніи, японцы останутся въ выжидательно-оборонительномъ положеніи до паденія Артура или до весны. Пока силы японцевъ раздѣлены, заключалъ онъ, пока духъ ихъ подавленъ нескончаемой осадой Артура, они не могутъ рассчитывать на рѣшительный успѣхъ на сѣверѣ—и въ этомъ наша временная выгода.

Записка эта удостоилась резолюціи Куропаткина: „хорошій докладъ“,—и только.

Всѣ ея доводы, неоднократно потомъ повторенные, не могли сломить инертности однихъ, поглощенныхъ личными дѣлами, боязливыхъ колебаній другихъ, —и наступленіе все откладывалось.

Признавая положеніе крѣпости серьезнымъ, вслѣдствіе малаго запаса патроновъ къ скорострѣльнымъ орудіямъ, и вѣроятности овладѣнія японцами почти разрушенными фортами № 2 и № 3, генералъ Куропаткинъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Петербургъ въ половинѣ ноября 1904 г., все-таки пытался утѣшить безпокоющихся за участь Артура тѣмъ сообщеніемъ, что и послѣ овладѣнія японцами этими двумя фортами, оборона можетъ продолжаться съ большимъ упорствомъ на промежуточныхъ позиціяхъ между главною (Центральною) оградой, и линіею фортвъ. Онъ увѣрялъ, что ружей-

ныхъ патроновъ достаточно, продовольственныхъ запасовъ хватить еще на пять мѣсяцевъ.

Совершенно забывая, что Артуръ пережилъ всѣ тѣ сроки своего существованія, которые ему назначались ранѣе—ждали конца его сперва въ іюлѣ, потомъ въ августѣ, потомъ въ октябрѣ,—что всему бываетъ предѣлъ и что судьба Артура возложена всецѣло на его отвѣтственность, генераль Куропаткинъ продолжалъ утверждать, что участь Портъ-Артура и впредь будетъ во многомъ зависѣть отъ степени упорства войскъ. Эту мысль онъ иллюстрировалъ соображеніемъ, что утомленныхъ стрѣлковъ скоро будутъ смѣнять моряки, подобно тому, какъ это было въ Севастополѣ.

Но понимая, что этимъ все таки своихъ обязанностей къ Артуру не устранишь, Куропаткинъ доносилъ, что главная надежда отстоять Портъ-Артуръ заключается въ выручкѣ его гарнизона войсками маньчжурскихъ армій съ суши и дѣйствіями 2-й Тихоокеанской эскадры съ моря.

Но дѣлая это послѣднее указаніе, вѣрилъ-ли самъ генераль Куропаткинъ въ успѣхъ дѣйствій 2-й Тихоокеанской эскадры и не убаюкивалъ ли—не себя, конечно, а другихъ—пустой надеждой?

Адмиралъ Скрыдловъ, только-что передъ этимъ посѣтившій Чансамутунъ, не скрывалъ своихъ пессимистическихъ взглядовъ на походъ эскадры Рожественскаго. Онъ сомнѣвался, чтобы она вообще дошла.

— Да и куда она пойдеть?—восклицалъ адмиралъ.—Портъ-Артуръ можетъ пасть со дня на день. Во всякомъ случаѣ его блокируетъ японская эс-

кадра, съ которою Рождественскому придется выдержать тяжелый и сомнительный въ благополучномъ исходѣ бой. У Владивостока же море замерзаетъ съ ноября по февраль...

Таковъ былъ одинъ факторъ выручки Артура. Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ другого по тому же донесенію Куропаткина.

Признавая выручку Артура настолько необходимой, что важенъ каждый день, онъ понималъ, конечно, что для того, чтобы помочь ему, надо прежде всего разбить три японскія арміи.

До сихъ поръ соотношеніе нашихъ и японскихъ силъ, по мнѣнію ген. Куропаткина, не было таково, чтобы мы могли разбить японскія арміи. По мѣрѣ подхода къ намъ подкрѣпленій усиливались и японцы, какъ новыми формированіями, такъ, въ особенности, весьма быстрою присылкою значительныхъ укомплектованій, дававшихъ возможность поддерживать въ арміи полный боевой составъ. По имѣвшимся въ половинѣ ноября свѣдѣніямъ, предполагалось, что противъ насъ дѣйствуютъ десять японскихъ дивизій, въ составѣ которыхъ многія резервные бригады постепенно изъ 6-ти батальоннаго состава развернулись въ 12-ти батальонный. „Такимъ образомъ, писалъ ген. Куропаткинъ, японскія дивизіи по своему боевому составу сильнѣе большинства нашихъ корпусовъ, ослабленныхъ боями подъ Ляояномъ и на Шахэ. Мы до сихъ поръ далеко не окончили пополненіе своихъ потерь подъ Ляояномъ, потери же наши на Шахэ можно надѣяться пополнить только въ январѣ. Въ настоящее время мы все еще не имѣемъ достаточнаго превосходства

въ силахъ для обезпеченія успѣха при переходѣ въ наступленіе..... Съ подходомъ всѣхъ частей 8-го арм. корпуса въ двадцатыхъ числахъ декабря *) получимъ не только превосходство надъ японцами въ числѣ батальоновъ, но и нѣкоторое превосходство въ числѣ штыковъ“.

Задавшись первоначально цѣлью довести всѣ роты арміи до состава не менѣе 150 штыковъ, ген. Куропаткинъ считалъ возможнымъ уже въ первыхъ числахъ декабря достигнуть этой цѣли. Къ тому же времени онъ надѣялся снабдить всю армію теплой одеждой. „Несомнѣнно, замѣчалъ онъ, что для нанесенія японцамъ болѣе вѣрнаго пораженія нашей арміи было бы выгоднѣе пополниться почти до полного боевого состава и получить еще три стрѣлковыхъ бригады и весь 16-й корпусъ, но эти силы могутъ сосредоточиться къ Мукдену только къ половинѣ января. Поэтому, въ цѣляхъ болѣе быстрой выручки Портъ-Артура, я предполагаю уже въ первыхъ числахъ декабря, не дожидаясь даже стрѣлковъ, перейти въ наступленіе. Рискъ большой, но оправдываемый положеніемъ Портъ-Артура **).“

Откладывая движеніе на выручку Портъ-Артура еще на мѣсяцъ и называя это „болѣе быстрой выручкой“, генераль Куропаткинъ едва ли сознавалъ дѣйствительное положеніе Артура. Указаніе на его положеніе въ связи съ указаніемъ на большой рискъ предстоящей операціи нужно было ему для оправданія заблаговременно новой возможной неудачи.

*) Курсивъ мой.

**) Курсивъ мой.

Но вѣдь если бы намъ и удалось сбить японцевъ съ позиціи на Шахэ, то впереди предстояло еще овладѣть цѣлымъ рядомъ другихъ позицій, во время боевъ за которые японцы несомнѣнно усилили бы свой натискъ на Артуръ, дабы, ускоривъ его взятіе, съ одной стороны—лишить насъ видимой цѣли дѣйствій, обезцѣнить наше наступленіе и подорвать духъ нашихъ войскъ, а съ другой—освободить армію Ноги для дѣйствія на сѣверномъ фронтѣ. Какъ бы то ни было, откладывая наступленіе еще на мѣсяцъ, генераль Куропаткинъ очевидно рассчитывалъ, что крѣпость можетъ еще существовать не одинъ, а два, три мѣсяца. Но если крѣпость могла продержаться два, три мѣсяца, то положеніе ея, стало быть, не было критическимъ, а стало быть нечего было заблаговременно оправдывать рискованность задуманнаго движенія. Все это были только слова. Сграшная же дѣйствительность заключалась въ томъ сознаніи, что время для выручки Портъ-Артура уже упущено, что помощь ему не поспѣетъ—и это сознаніе парализовало волю Куропаткина, заставляло его постоянно колебаться въ выборѣ плана дѣйствій и оттягивать переходъ въ наступленіе, которое его сомнѣвающемуся уму должно было казаться еще болѣе опасной „авантюрой“, чѣмъ движеніе на Вафангоу. Прибавьте къ этому еще невѣрную оцѣнку имъ бездѣйствія противника и своего положенія. Вотъ что писалъ въ томъ же донесеніи по этому поводу генераль Куропаткинъ:

„Если въ этотъ мѣсячный срокъ японцы сами перейдутъ въ наступленіе, то, отразивъ ихъ, мы перейдемъ въ наступленіе немедленно. Занявъ позиціи

на Шахэ, мы получили значительныя выгоды*), ибо даже, въ случаѣ неудачи, за нами находится сильно укрѣпленная Мукденская позиція, на которой мы можемъ остановить японцевъ до подхода къ намъ всѣхъ подкрѣпленій. Мы расширили районъ для довольствія нашихъ армій, охранили Мукденъ съ его могилами отъ разрушенія **) и — что тоже весьма важно — прикрыли Фушунскія каменноугольныя копи, гдѣ собрано до пяти милліоновъ пудовъ угля“. Нынѣ, въ теченіе октября и ноября, сообщалъ онъ далѣе, до самыхъ копей проложена вѣтка въ 42 версты и уголь уже поступаетъ на желѣзную дорогу. „Кромѣ того, мы приступили къ прокладкѣ полевой желѣзной дороги отъ Фушунской вѣтки по направленію къ Далинскому перевалу для облегченія довольствія войскъ восточной группы какъ нынѣ, такъ и особенно при наступленіи вперед“.

„Мы дѣятельно готовимся къ переходу въ наступленіе, — заключаетъ Куропаткинъ свое донесеніе, — подвигая впередъ всѣ необходимыя намъ запасы, организуя перевозочныя средства, подготавливая средства для принятія до 50 тысячъ раненыхъ. Позиціи наши укрѣпляются, проводятся большіе колонные пути“...

И такъ, генералъ Куропаткинъ предполагалъ, что японцы ранѣе овладѣнія ими Портъ-Артура пе-

*) Курсивъ мой.

**) Подумаешь, какая значительная выгода, отъ которой Куропаткинъ тутъ же однако отказывался, говоря, что въ случаѣ неудачи отступить къ Мукдену и такимъ образомъ превратить Мукденскія могилы въ поле сраженія.

рейдутъ въ наступленіе;—стало быть, онъ не усматривалъ никакой планомѣрности, никакой логической связи въ дѣйствіяхъ маршаловъ Оямы и Ноги.

Очевидно онъ не оцѣнилъ неоднократныхъ сообщеній нашихъ различныхъ агентовъ, что японцы прежде всего и во что бы то ни стало хотятъ взять Портъ-Артуръ, что овладѣніе имъ (а не Мукденомъ съ его могилами) есть дѣло національнаго самолюбія, національной чести Японіи, иначе онъ понялъ бы, что центръ тяжести войны лежитъ на Квантунѣ, что армія Оямы есть только огромная ширма, прикрывающая осаду Артура, и что борьба съ нимъ, Куропаткинымъ, до паденія Артура—только грандіозная демонстрація. И въ самообольщеніи своею первенствующею ролью въ ходѣ войны, онъ говорилъ о значительныхъ выгодахъ занятія имъ позиціи на Шахэ не для наступленія съ нихъ, не для успѣха, лежавшаго впереди ихъ, а „въ случаѣ неудачи“ и на этихъ позиціяхъ!

Что же однако вѣроятнѣе: неудача или успѣхъ? Единственнымъ критеріемъ шансовъ на побѣду генералъ Куропаткинъ считаетъ соотношеніе силъ сражающихся сторонъ. Исчисляя въ этомъ донесеніи наши силы, могущія принять участіе въ наступленіи, предположенномъ имъ въ первыхъ числахъ декабря,—въ 320 баталіоновъ или 120 тыс. штыковъ, онъ опредѣляетъ силы трехъ японокихъ армій, расположенныхъ противъ него въ данный моментъ, въ 220—240 баталіоновъ, т. е. въ 170—190 тысячъ штыковъ, и потому съ нѣкоторою вѣроятностью говоритъ о возможности отразить наступленіе японцевъ если бы таковое послѣдовало не въ теченіи

этого мѣсяца отерочки, а также въ первыхъ числахъ декабря.

Но въ данный моментъ наши силы еще не достигали 210 тысячъ и стало быть немногимъ разнились отъ силъ японцевъ. Въ первыхъ же числахъ декабря соотношеніе силъ должно было измѣниться. „Если не увеличится болѣзненность въ арміи, доносилъ Куропаткинъ, это общее число штыковъ (210 тыс.) возрастетъ только укомплектованіями еще отъ 15 до 20 т... Насколько японцы могутъ увеличить свои силы къ началу декабря — свѣдѣній пока не имѣется“. Но не забудемъ, что только въ двадцатыхъ числахъ декабря, съ подходомъ всѣхъ частей 8-го корпуса, генералъ Куропаткинъ рассчитывалъ получить превосходство надъ японцами и въ числѣ батальоновъ, и въ числѣ штыковъ. Однако до этого времени много воды могло утекъ—и это донесеніе противорѣчивое, таившее въ себѣ что то недоговоренное, неясное и неопредѣленное, только подтверждало то сознаніе, которое въ эти дни зимовки на Шахѣ, проникало въ душу и леденило ее, что компанія нами проиграна.

Припоминается разговоръ со стрѣлкомъ охотничьей команды 10-го вост. сиб. полка Черенковымъ, состоявшимъ при мнѣ вѣстовымъ въ дни сентябрьскаго наступленія, и теперь, въ ноябрѣ, навѣстившимъ меня въ Мукденѣ. Это былъ очень добродушный, очень смѣтливый, расторопный и смѣлый солдатъ, поражавшій меня, помимо своей заботливости обо мнѣ, своею постоянною жизнерадостностью.

Кто то изъ моихъ сожителей по вагону спросилъ его, былъ ли онъ въ Артурѣ, и на утвердительный отвѣтъ, замѣтилъ, что вотъ опять скоро тамъ будетъ.

— Едва ли, ваше в—дiе, грустно отвѣтилъ онъ.

— Почему?

— Думается, не удержаться намъ на этой позиціи. Отгонять насъ японцы къ Байкалу.

— Что ты, помилуй! Видалъ вѣдь японцевъ? Плюгавый народъ!

— Какъ бы намъ на кулачки драться, отвѣтилъ Черенковъ, мы бы, конечно, ихъ побѣдили. Я бы человѣкъ пять одинъ уложилъ. А теперь вотъ что то не выходитъ.

И такихъ Черенковыхъ было много. Вѣра въ себя у нихъ была, а вѣры въ своихъ вождей не было.

Деморализація арміи, упадокъ ея духа и дисциплины росли. Одурѣвъ отъ двухмѣсячнаго сидѣнья въ полутемныхъ, дымныхъ землянкахъ-норахъ, истомленные однообразіемъ жизни и тяжелыми земляными работами, солдаты уходили съ позицій въ тылъ, бродили по унылой равнинѣ между Шахэ и Хуньхэ, забирались въ уцѣлѣвшія кое гдѣ китайскія деревни и пробирались даже за Мукденъ къ Харбину.

На этапахъ были сформированы изъ казаковъ особыя команды, прозванныя „гаолянными“, которыя должны были осматривать окрестности, задерживать этихъ дезертировъ и мародеровъ и возвращать ихъ въ полки. Поговаривали даже, что цѣлая казачья дивизія будетъ направлена въ тылъ,

за Мукденъ, къ Харбину для осмотра всей этой полосы и очищенія ея отъ хунхузовъ и бѣглыхъ солдатъ.

А между тѣмъ еще совсѣмъ недавно тѣ же люди бѣжали изъ Харбина на передовыя позиціи. Бѣжали въ буквальномъ смыслѣ слова, томясь бездѣйствіемъ въ тылу и горя желаніемъ подраться съ японцами. Припоминается, какъ однажды послѣ Ляояна къ дежурному генералу явилось двое солдатъ артиллеристовъ.

— Что вамъ? — спрашиваетъ добродушно настроенный генералъ Благовѣщенскій.

Взяли подъ козырекъ и мнутъ.

— Мы къ вашей милости, ваше превосходительство.

— Зачѣмъ? Откуда?

— Изъ Харбина, въ артиллерійскомъ запасѣ были... Соскучились...

— Такъ вы, значитъ, бѣглые?

— Такъ точно, ваше пр—ство. Только мы, значитъ, воевать желаемъ. Явите божескую милость, отправьте куда нибудь на позицію.

Генералъ какъ будто сначала растерялся.

— Какъ вы смѣли оставить свою часть?! Васъ подъ судъ надо, а не на позицію!..

— Виноваты, ваше пр—ство! Только, значитъ, послужить, какъ слѣдуетъ, хочется... Кровь свою пролить за отечество... Который мѣсяцъ сидимъ въ запасѣ, словно и на войнѣ не были...

Генералъ разсмѣялся.

— Ишь вояки какіе!.. Ну ужъ, ступайте въ канцелярію, вонъ въ этомъ домѣ—и онъ указалъ ру-

кой на домикъ, гдѣ помѣщалось его управленіе— и скажите тамъ, что дежурный генералъ приказалъ васъ сейчасъ же отправить на позицію въ какуюнибудь бригаду.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше пр—ство.

И все еще мнутъ, не идутъ.

— Ну, чего-жъ вы?

— Такъ что мы не одни, ваше пр—ство.

— Сколько же васъ? — удивленно спросилъ генералъ.

— Семеро, ваше пр—ство.

— Ахъ, каналы!—и, подумавъ, прибавилъ—ну, ступайте ужъ всѣ семеро.

Теперь такихъ „бѣглыхъ“ уже не было больше. Были другіе. Бездѣйствіе подтачивало силы всѣхъ. Развилась карточная игра. Участились случаи растраты казенныхъ денегъ. „Дружескія бесѣды“ за стаканомъ вина все чаще стали кончаться ссорами. Въ Мукденѣ, въ грязномъ вокзалѣ, напоминавшемъ скверный провинціальный трактиръ, всегда, однако, биткомъ набитый народомъ, застрѣлился какой то молодой саперный поручикъ, только что прибывшій съ командой изъ Россіи. Книгъ не было. Газеты приносили запоздалыя на мѣсяцъ, полтора, новости—и новости не веселыя... Письма, единственная наша связь съ далекой родиной и близкими людьми, терялись и засылались Богъ вѣсть куда... Телеграфъ былъ заваленъ работой и отвѣта на свои телеграммы мы ждали недѣлями. Только отъ Омска дѣйствовало еще телеграфное сообщеніе, отъ Манчжуріи же до Омска телеграммы везлись почтой... Жизнь слагалась въ какой то сплошной сѣрый тяжелый кошмаръ.

Чтобы отдохнуть отъ него, я уѣхалъ въ Харбинъ и здѣсь 22-го декабря узналъ о сдачѣ Портъ-Артура.

Потомъ въ главной квартирѣ мнѣ передавали, что когда это извѣстіе было получено Куропаткинымъ, онъ стукнулъ съ досадой кулакомъ по столу и сказалъ: „я такъ и зналъ, что этотъ.... сдать крѣпость“.

Ему предлагали отвѣтить на это событіе немедленнымъ энергичнымъ переходомъ въ наступленіе и тѣмъ нарушить ликованіе японцевъ.

Это диктовалось и разумомъ, и сердцемъ.

Армія Ноги еще не подошла. Наступленіе должно было поднять духъ войскъ, убитый вѣстью о гибели Артура.

Скорбь, возмущенное чувство не позволяли сидѣть въ эти дни, сложа руки... Надо было отомстить за позоръ капитуляціи, кровью смыть униженіе...

Но онъ бездѣйствовалъ, колебался и разрѣшилъ свои колебанія только тѣмъ, что отправилъ, наконецъ, отрядъ Мищенко въ давно задуманный набѣгъ.

Очевидно и въ сдачѣ Портъ-Артура виноватъ былъ опять таки одинъ только Стессель, а не тотъ, на отвѣтственность котораго всецѣло была возложена судьба Портъ-Артура; не тотъ, на обязанности котораго лежало наблюденіе, чтобы форты Портъ-Артура не были только вычерчены на планѣ, трассированы на мѣстности и не представляли бы груды мусора; не тотъ, кто пятился отъ осажденной крѣпости, кто создалъ и поддерживалъ въ ней двоевластіе, ее окончательно обезсилѣвшее.

Какъ мало понималъ все это Куропаткинъ, можно судить по тому, что такое же двоевластіе онъ приготовилъ и Владивостоку, назначивъ начальникомъ укрѣпленнаго района крѣпости Владивостокъ помощника командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа ген.-лейт. Андреева, только что прибывшаго изъ Россіи, и замѣняя коменданта Владивостокской крѣпости наканунѣ возможной ея осады новымъ лицомъ, генераломъ Казбекомъ, также выписаннымъ изъ Россіи. И все это только потому, что генераль Воронецъ, комендантъ Владивостока, послѣ паденія Портъ-Артура напомнилъ генералу Куропаткину, что Владивостоку могутъ теперь понадобиться орудія и снаряды, взятые съ его валовъ на Шахэ.

— „Комендантъ нервничаетъ. Сообщите на своемъ ли онъ мѣстѣ?“ отвѣчалъ на это такимъ примѣрно запросомъ генералу Андрееву генераль Куропаткинъ.

Хотя тотъ и отвѣтилъ, что комендантъ—на мѣстѣ и крѣпость держится имъ въ порядкѣ, но самъ генераль Воронецъ не призналъ умѣстнымъ оставаться болѣе на своемъ посту и просилъ его уволить въ интересахъ объединенія дѣла обороны въ рукахъ одного лица, такъ какъ гибельные результаты двоевластія ген.-адъют. Куропаткинъ въ началѣ кампаніи самъ испыталъ на себѣ.

Генераль Воронецъ былъ уволенъ, а генераль Казбекъ былъ назначенъ.

Двоевластіе осталось — и Владивостоку грозила участь Артура.

*
*

Скажите, чего же можно было ждать въ будущемъ при такой неспособности понимать уроки прошлаго и оцѣнивать настоящее?

Теперь мы знаемъ — чего: Сандепу, Мукдена и Цусимы.

Стоило ли мнѣ ихъ дожидаться? Мнѣ, обязанному сообщать „только о нашихъ герояхъ, — генералахъ и солдатахъ“; мнѣ, лишенному права и возможности говорить о томъ, о чемъ кричать хотѣлось, въ чемъ я видѣлъ непосредственную теперь причину нашихъ неудачъ...

Считая свое дальнѣйшее пребываніе въ арміи бесполезнымъ, войну, послѣ паденія Артура, проигранною, продолженіе ея подъ руководствомъ генерала Куропаткина гибельнымъ, а въ частности походъ второй Тихоокеанской эскадры безцѣльнымъ, я просилъ у редакціи разрѣшенія покинуть театръ войны. И таковое получилъ.

Въ главной квартирѣ, въ Чансямутунѣ, куда я въ первыхъ числахъ января 1905 г. пріѣхалъ прощаться, мнѣ говорили по поводу возможности заключенія теперь мира, что Куропаткинъ рѣшительно противъ этого, что онъ вѣрить въ конечную нашу побѣду въ этой тяжелой войнѣ.

Меня старались убѣдить въ его проницательности, утверждая, что, еще будучи военнымъ министромъ, онъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ предсказывалъ неизбѣжность войны, неудачной въ началѣ, какъ почти всѣ войны, веденныя нами въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Но наибольшимъ несчастіемъ онъ считалъ несвое-

временное окончаніе борьбы. Нужно, будто бы говорилъ онъ, не смущаться неудачами, огромными потерями, застоємъ въ дѣлахъ, голодомъ и болѣзнями народа—и во что бы то ни стало продолжать войну до побѣды...

Но для этого нужно, чтобы во главѣ арміи, застигнутой войною врасплохъ, стоялъ человѣкъ рѣшительный, не только на словахъ, но и на дѣлѣ. энергичный, дѣятельный въ полѣ, а не въ кабинетѣ, способный не только создавать хорошіе стратегическіе планы, но и осуществлять ихъ; человѣкъ смѣлой инициативы, способный рисковать безъ оглядки, безъ смущенія, свободный отъ постороннихъ вліяній, вѣрящій не только въ себя, но и въ свою армію. Хорошо подготовившійся къ войнѣ врагъ, расчетливый и осторожно методичный, фанатически проникнутый идеями пользы и славы отечества, требовалъ для борьбы съ собою полководца исключительныхъ дарованій.

И оцѣнивая Куропаткина съ точки зрѣнія этихъ требованій невольно вспоминались заключительныя строки Державинской пѣсни на смерть Суворова:

„Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ,

„Нѣтъ уже съ нами. Что воевать?

Ляоянѣ, то генералъ сказалъ ему: „Пишите правду, всю правду и только правду.“ И нужно отдать справедливость той добросовѣстности, съ которою авторъ воспоминаній выполнилъ это наставленіе. Въ ряду многочисленныхъ качествъ сложнаго и во многомъ загадочнаго характера Куропаткина, не осталось ни одной не освѣщенной существенной черты, которая могла бы оказывать вліяніе на окружавшую его обстановку. На страницахъ разсматриваемой нами брошюры для читателя открываются въ самомъ непривлекательномъ видѣ даже такія черты дѣятельности Куропаткина, о которыхъ невозможно было бы и предполагать. Столько, напримѣръ, толковали и писали въ корреспонденціяхъ изъ Манчжуріи о заботливости Куропаткина о нуждахъ и потребностяхъ войскъ, о его любви къ солдату, о мѣрахъ, принимавшихся имъ для доставленія войскамъ различныхъ удобствъ и т. п. А между тѣмъ какъ все это мельчаетъ въ объективномъ, безстрастномъ и безопащномъ повѣствованіи г. В. А.!

„Хорошо обрисованы авторомъ фигуры ближайшихъ сотрудниковъ Куропаткина, этой пестрой толпы генераловъ, набранныхъ „съ бору и съ сосенки“, безъ всякаго отношенія къ ихъ способностямъ, къ ихъ наклонностямъ, къ ихъ предшествовавшей дѣятельности“.

„Вообще тяжелое чувство охватываетъ читателя при чтеніи этой книги, такъ откровенно изображающей намъ въ лицахъ эту печальную эпопею нашихъ поражений, нашихъ несчастій, нашихъ разочарованій на Дальнемъ Востокѣ. Прочитавъ ее до конца, окинешь бѣглымъ взоромъ всю эту жалкую галлерею нашихъ манчжурскихъ дѣятелей и невольно повторить за авторомъ:

„Львиного сердца, крыльевъ орлиныхъ

„Нѣтъ уже съ нами! Что воевать?“

(В. Н.—ій. „Рвч“, 1907 г. № 192.)

„Много говорилось и писалось о томъ человѣкѣ, на котораго возложена была такая важная и отвѣтственная дѣятельность въ минувшую войну. Недавно появилась книга В. А., гдѣ портретъ того полководца обрисованъ, можетъ быть, кое-гдѣ и пристрастно, но чрезвычайно обстоятельно и рельефно. Какъ военный корреспондентъ и очевидецъ, авторъ, вращаясь въ различныхъ военныхъ слояхъ, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ настроеніемъ арміи и далекомъ отъ нея штабомъ командующаго...“

(Н. Л. С. „Новое Время“ отъ 25 іюля 1907 г. № 11266. Приложение).

16281

Цѣна 1 руб.

Издание находится въ продажѣ

ВЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новое Время“ СПБ. Невскій 40. В. А. Березовскаго СПБ.
Колокольная 14. Мелье и К^о СПБ. Невск. 20. Н. П. Карбасникова
СПБ. Гостинный дворъ № 19 и во всѣхъ извѣстныхъ книж-
ныхъ магазинахъ.

